

#3 (31), 2018 część 5

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w

Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze

wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo

publikowane jest w języku polskim, angielskim,

niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego
miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz
czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej
czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet
Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet
Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet
Jagielloński)

Kolub Frennen (University of
Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet
Warszawski)

#3 (31), 2018 part 5

East European Scientific Journal

(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The
journal is registered and published in Poland.

Articles in all spheres of sciences are published in the

journal. Journal is published in **English, German, Polish**

and Russian.

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the
journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet
Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet
Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet
Jagielloński)

Kolub Frennen (University of
Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet
Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Po-
land

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бардус И.А. КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНОЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ IT-СПЕЦИАЛИСТОВ К ПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	4
Vuzenko I.L. THE FORMATION OF VALEOLOGY ECOLOGICAL COMPETENCE OF THE PERSONALITY AS A PEDAGOGICAL PROBLEM	8
Верченко Л.С. РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПРОЦЕССЕ МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ	11
Назханова Г.А. СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА	16
Одеров А.М., Зонов О.В., Ищенко Е.А. АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ	22
Oliinyk O.V., Derevianko I.V. A SURVEY ON DISTANCE LEARNING POPULARITY AND CREDIBILITY VALUE IN UKRAINE	25
Сергиенко Т.Н., Медвидь М.М., Рютин В.В. МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕЗАДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ЕЕ ВНЕДРЕНИЮ	29

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бомчак Я.О. ВЗАЄМОДІЯ ОРГАНІВ МІСЦЕВОГО САМОВРЯДУВАННЯ ТА ДЕРЖАВИ У ПРОЦЕСІ РЕАЛІЗАЦІЇ ДЕРЖАВНОЇ ПОЛІТИКИ В СФЕРІ ОХОРОНИ НАВКОЛИШНЬОГО ПРИРОДНОГО СЕРЕДОВИЩА	39
Воробйов С.В. ГЕОІНФОРМАЦІЙНІ, КОМУНІКАЦІЙНІ СИСТЕМИ У СФЕРІ ОХОРОНИ ДОВКІЛЛЯ: ЄВРОПЕЙСЬКИЙ ТА УКРАЇНСЬКИЙ ДОСВІД	42

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Sipovskaya Y.I. INFLUENCE OF THE FACTOR OF THE SEX, AND ALSO OF THE DEGREE OF ENRICHMENT OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF SENIOR ADOLESCENTS FOR THE PRESENTATION OF SENSORY SEMANTIC ABILITIES.	46
Vlasov P., Kiseleva A. METHOD OF MEANING RECONSTRUCTION	50
Мандыкаева А.Р., Қожаева С.К. ЭКОЛОГИЯЛЫҚ САНА ФЕНОМЕН РЕТІНДЕ	55
Рауфов С.С. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕРТ И СТРУКТУРЫ ТЕМПЕРАМЕНТА ТАДЖИКОВ	57

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Alma Čišić ON SLAVIC ANTIPISESSES IN BALLADS	62
Июльская Е.Г., Петривняя Е.К. ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В СКАЗКАХ А.С. ПУШКИНА	65
Olena Piashkova VERBAL REPRESENTATIONS OF ART CONCEPT IN THE LITERARY TEXT THROUGH THE PRISM OF INTERMEDIALITY	69

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Bardus I. A.

*Candidate of Pedagogic, associate professor, doctoral candidate of the
Department of Creative Pedagogic and Intellectual Property,
Ukrainian Engineering and Pedagogical Academy*

Бардус Ирина Александровна

*кандидат педагогических наук, доцент, докторантка
кафедры креативной педагогики и интеллектуальной собственности,
Украинская инженерно-педагогическая академия*

THE CONCEPT OF SYSTEMIC DIFFERENTIAL-INTEGRATIVE FUNDAMENTALIZATION OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE IT SPECIALISTS TO PRODUCTIVE ACTIVITY КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНОЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ИТ- СПЕЦИАЛИСТОВ К ПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Summary: The article considers the problem of training future specialists in the field of information technology for productive activities. The concept of systemic differentially-integrative fundamentalization is theoretically grounded and developed, which assumes differentiation of philosophical, mathematical and natural science laws and concepts and their subsequent integration into all computer disciplines. The principle of two-level continuous fundamentalization is developed, which indicates the need for continuous productive educational and cognitive activity of students, reflecting the process of improving existing and creating new software or hardware IT products based on a well-known and perspective foundation.

Keywords: fundamentalization, integration, differentiation, professional training, IT specialist, productive activity.

Анотация: В статье рассматривается проблема подготовки будущих специалистов в области информационных технологий к продуктивной деятельности. Теоретически обоснована и разработана концепция системной дифференциально-интегративной фундаментализации, которая предполагает дифференциацию философских, математических и естественно-научных законов и понятий и последующую их интеграцию во все компьютерные дисциплины. Разработан принцип двухуровневой непрерывной фундаментализации, который указывает на необходимость непрерывной продуктивной учебно-познавательной деятельности студентов, отображающей процесс усовершенствования существующих и создания новых программных или аппаратных ИТ-продуктов на основе известного и перспективного фундамента.

Ключевые слова: фундаментализация, интеграция, дифференциация, профессиональная подготовка, ИТ-специалист, продуктивная деятельность.

Постановка проблемы. Современная система подготовки в высшем учебном заведении должна не только отвечать потребностям времени, но и опережать их, поскольку она является платформой для развития общества и развития конкурентоспособности будущих специалистов. Особое значение этот тезис приобретает при подготовке будущих специалистов в области информационных технологий (ИТ), поскольку их профессиональная деятельность непосредственно связана с компьютерной техникой и технологиями, обновление которых происходит примерно каждые два года [6]. В условиях традиционной системы обучения передать студентам новейшие научно-технические достижения весьма непросто, поскольку преподавателю необходимо не только вовремя получить и осмыслить самому информацию о них, но и превратить их в учебный материал соответствующего курса, доступный для понимания студентов, разработать учебно-методическое обеспечение дисциплины. Естественно, что к моменту готовности всего перечисленного содержательная часть рассматриваемого материала уже устаревает, а это приводит к постоянному отставанию подготовки ИТ-

специалистов от современного производства [4].

Решить данную проблему возможно только при условии фундаментализации образования, что будет способствовать обучению будущих специалистов самостоятельной быстрой адаптации к ситуациям, которые изменяются на основе фундаментальных знаний и умений.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблеме фундаментализации профессиональной подготовки специалистов различных специальностей посвящены работы С. А. Баляевой, С. У. Гончаренко, А. Я. Дутки, М. И. Жалдака, М. М. Ковтонюк, В. В. Кондратьева, А. И. Павловского, В. К. Пономаренко, Н. И. Резник, С. А. Семерикова, Н. В. Стучинской, М. П. Шишкиной и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Перечисленные работы освещают теоретические и методические основы обучения фундаментальным дисциплинам и интегрированным курсам. Однако, концептуальные основы фундаментализации профессиональной подготовки будущих специалистов в области информационных технологий к продуктивной деятельности остаются почти не разработанными.

Целью статьи является теоретическое обоснование и разработка концепции фундаментализации профессиональной подготовки будущих специалистов в области информационных технологий.

Изложение основного материала. Современная система подготовки IT-специалистов в вузе направлена на формирование у выпускников компетентностей, необходимых для создания и использования современного программного и аппаратного обеспечения компьютерной техники. Однако, учитывая высокую скорость устаревания содержания профессиональной подготовки будущих IT-специалистов, вызванное быстро развивающейся сферой IT, необходимо разработать новую концепцию его проектирования и преподавания на основе принципа фундаментализации образования.

Для обеспечения объективности теоретического обоснования концепции фундаментализации профессиональной подготовки будущих IT-специалистов, ее разработку необходимо производить на основе общенаучных теорий, законов и категорий. Философскими основами концепции являются: теория познания, законы и категории диалектики. Психологическими основами обоснования концепции фундаментализации профессиональной подготовки будущих IT-специалистов являются психологические теории личности, творческой деятельности, модели репрезентации знаний. Педагогическое обоснование концепции необходимо произвести на основе положений методологических подходов (прогностический, системный, интегративный, компетентностный, деятельностный, личностно-ориентированный, синергетический, гуманистический), а также дидактических принципов организации учебного процесса в высшей школе (фундаментализации, профессиональной направленности, единства содержательной и процессуальной составляющих профессиональной подготовки, проблемности учебного процесса, прочности, осознанности и действенности результатов образования, воспитания и развития и др.).

Целью концепции является обоснование теоретических основ фундаментализации профессиональной подготовки будущих IT-специалистов к продуктивной деятельности по усовершенствованию уже существующих и созданию новых образцов программного или аппаратного обеспечения компьютерной техники (IT-объектов).

По философскому закону отрицания отрицания [5] развитие информационных технологий происходит по спирали, то есть каждое новое поколение компьютерной техники является улучшенной версией старого. Поэтому, в содержании профессиональной подготовки будущих специалистов помимо новейших информационных технологий, предусмотрено изучение и их предыдущих поколений, а также, согласно принципу фундаментализации образования, фундаментальных явлений и законов, на основе которых они работают.

Фундаментальными явлениями и законами, на основе которых построены принципы работы элементов и блоков аппаратной и программной части компьютерной техники, являются законы и теории

физики, химии, математики, а также философии.

Однако, в условиях традиционной системы подготовки знания по философским, математическим и естественно-научным дисциплинам преподаются студентам в виде большого количества отдельных дисциплин, учебный материал которых практически никак не взаимосвязан и не имеет профессиональной направленности. В связи с этим, возникает противоречие между дифференцированностью и репродуктивностью учебно-познавательной деятельностью студентов и интегративным характером продуктивной профессиональной деятельности IT-специалиста. По философскому закону взаимного перехода количественных изменений в качественные [5], устранить данное противоречие возможно лишь, придав учебно-познавательной деятельности студентов продуктивный, системный и интегративный характер на основе фундаментальных законов и понятий.

Для формирования у студентов системных знаний по компьютерным дисциплинам и установления между ними причинно-следственных связей, структура и логика представления понятий о программном или аппаратном IT-объекте должна соответствовать структуре и закономерностям развития технических систем. То есть, понятия учебных дисциплин о IT-объекте необходимо представлять с указанием для чего он применяется, из каких частей он состоит, каков его принцип действия и какими характеристиками он обладает [1; 3]. Для этого целесообразно применить универсальную обобщенную модель репрезентации понятий технической отрасли на основе семантических признаков, разработанную Н. И. Лазаревым [3]. Согласно этой модели, каждое понятие о техническом объекте (P) можно представить в виде: $P = \{R, S, D, H\}$, где P – слово или словосочетание, означающее имя понятия; R – множество иерархических признаков, представляющих назначение использования объекта (признаки назначения); S – множество иерархических признаков, представляющих структуру, состав, строение или конструкцию объекта (признаки состава); D – множество иерархических признаков, представляющих принципы и механизмы действия и функционирования объекта (признаки принципа действия); H – множество иерархических признаков, представляющих параметры, характеристики и свойства объекта (признаки характеристик).

Для обеспечения системной интеграции фундаментальных и компьютерных дисциплин нами усовершенствована модель понятия М. И. Лазарева указанием фундаментальных основ назначения, структуры, принципа действия и характеристик объекта: $P = \{R(f), S(f), D(f), H(f)\}$, где f – фундаментальные основы.

Интеграторами, по которым будет определен фундамент каждого технического понятия компьютерных дисциплин, целесообразно выбрать принципы действия рассматриваемых IT-объектов. Поскольку принципы действия различных технических объектов из разных компьютерных дисциплин

основаны на одних и тех же философских, математических и естественно-научных законах, то для определения фундаментального ядра технических понятий целесообразно осуществить дифференциацию содержания фундаментальных дисциплин соответственно изучаемым ИТ-объектам.

В связи со сложностью иерархической структуры содержания профессиональной подготовки будущих ИТ-специалистов, следующим шагом для обобщения и систематизации фундаментальных философских, математических и естественно-научных знаний и умений, необходимых для овладения компьютерной техникой и технологиями, применим философские категории «общее», «особенное» и «единичное» [5]. Так же как эти категории формируются у человека в процессе познания мира, так же и фундаментальные основы его профессиональной деятельности должны формироваться у будущего ИТ-специалиста во время учебно-познавательной деятельности в ВУЗе. Каждый объект первоначально предстает перед человеком как нечто единичное. В ходе познавательной деятельности обнаруживаются повторяющиеся признаки ряда объектов, что позволяет объединять их в классы – так единичное становится особенным. Признаки же, которые можно обнаружить у всех без исключения объектов, рассматриваются как всеобщее.

Таким образом, общими относительно всех наук выступают философские законы и категории, поскольку объясняют законы развития всех материальных систем и объектов. Философия выступает

первоисточником всех наук, поэтому для фундаментализации профессиональной подготовки будущих ИТ-специалистов необходимо ее законы и категории излагать на основе обобщения учебного материала математических, естественно-научных и компьютерных дисциплин. Математические и естественно-научные законы и понятия являются по отношению к компьютерным дисциплинам особенными, поскольку являются их теоретическим обоснованием. Понятия компьютерных дисциплин, в свою очередь являются единичными по отношению к философским, математическим и естественно-научным дисциплинам. Описанную выше иерархию фундаментальных и компьютерных дисциплин в системе профессиональной подготовки будущих специалистов в области информационных технологий можно представить в виде модели (рис. 1), отображающей дифференциально-интегративную фундаментализацию знаний ИТ-специалистов.

Таким образом, для обеспечения системной фундаментализации профессиональной подготовки ИТ-специалистов, сначала необходимо определить философские, математические и естественно-научные законы и понятия, на которых основываются принципы действия ИТ-объектов (то есть осуществить дифференциацию фундаментальных дисциплин по ИТ-объектам), а затем на основе этих фундаментальных законов и понятий теоретически обосновывать понятия компьютерных дисциплин (интеграция фундаментальных и компьютерных понятий).

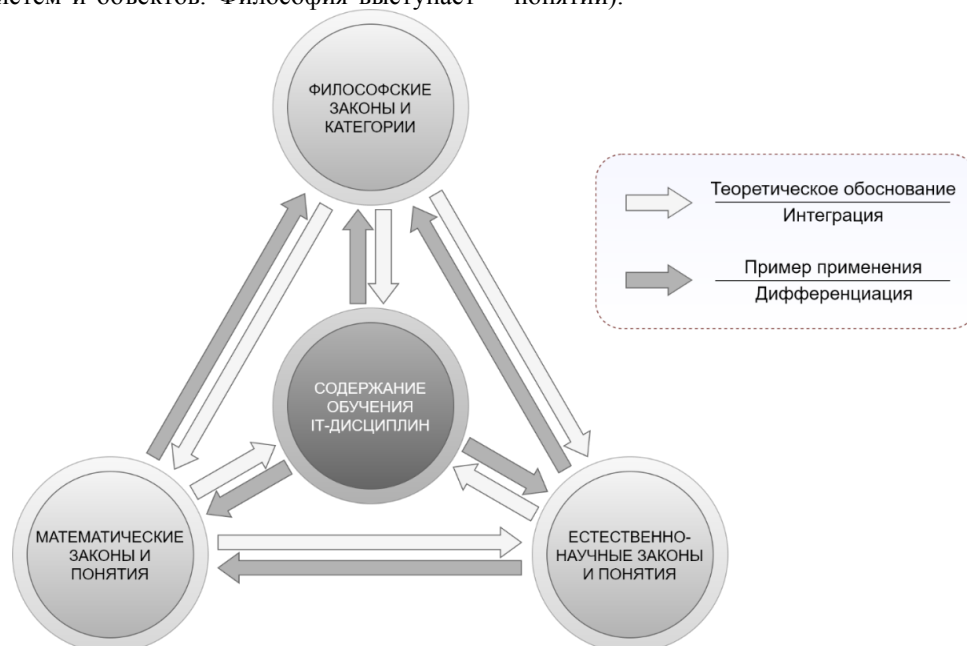

Рис. 1. Модель системной дифференциально-интегративной фундаментализации профессиональной подготовки будущих ИТ-специалистов к продуктивной деятельности

Важным для фундаментализации профессиональной подготовки будущих ИТ-специалистов к продуктивной профессиональной деятельности является то, что знания о существующих (базовых) и будущих (новых) ИТ-объектах должны усваиваться студентами в процессе продуктивной учебно-познавательной деятельности. Поскольку продуктив-

ная деятельность ИТ-специалиста предполагает усовершенствование уже существующих, либо создание новых ИТ-объектов с целью улучшения их характеристик, то учебно-познавательная деятельность студентов должна отображать процесс получения учебного понятия о новом ИТ-объекте на основе базового. Как нельзя лучше для этого подходит описанная выше модель понятия об ИТ-

объекте: $P = \{R(f), S(f), D(f), H(f)\}$. В этом случае для получения нового понятия $P' = \{R'(f), S'(f), D'(f), H'(f)\}$ с улучшенными характеристиками (H) на основе уже изученных базовых понятий (P) достаточно изменить структуру или принцип действия последних.

Так как продуктивная деятельность является творческой и представляет собой процесс получения совершенно нового решения традиционной задачи, часто на основе не использованного ранее природного явления или математического закона, для подготовки будущих ИТ-специалистов к продуктивной профессиональной деятельности необходимо вооружить их не только старым и текущим фундаментом, но и новым (перспективным), поскольку сегодня мы не можем достоверно знать какие из законов и явлений будут положены в основу работы будущих информационных технологий; можно только следить за достижениями фундамен-

тальных наук и перспективами их внедрения в процесс производства компьютерной техники.

Для обеспечения непрерывности фундаментализации профессиональной подготовки будущих ИТ-специалистов к продуктивной деятельности нами на основе модифицированной теории репрезентации знаний АСТ* Дж. Андерсона [2] разработан принцип двухуровневой непрерывной фундаментализации. В соответствии с которым, первый уровень фундаментализации образует общенаучная фундаментализация профессиональной подготовки (рис. 2): базовое понятие компьютерной дисциплины должно выводиться на основе философских, математических и естественно-научных законов и понятий; второй уровень – ИТ-отраслевая фундаментализация: каждое новое понятие компьютерной дисциплины должно быть получено из ранее усвоенных базовых компьютерных и философских, математических, естественно-научных законов и понятий.

Рис. 2. Принцип двухуровневой непрерывной фундаментализации

Выводы и предложения. Концептуальная идея повышения качества профессиональной подготовки будущих ИТ-специалистов основана на разработке такой методической системы профессиональной подготовки, которая бы обеспечила формирование у них профессиональных компетенций на основе системной дифференциально-интегративной философско-математико-естественно-научной фундаментализации и принципа непрерывной двухуровневой фундаментализации.

Концепция системной дифференциально-интегративной фундаментализации предполагает дифференциацию философских, математических и естественно-научных законов и понятий и последующую их интеграцию во все компьютерные дисциплины. Непрерывную реализацию концепции необходимо обеспечить на основе принципа непрерывной двухуровневой фундаментализации, который указывает на необходимость непрерывной продуктивной учебно-познавательной деятельности студентов, отображающей процесс усовершенствования существующих и создания новых программных или аппаратных ИТ-продуктов на основе известного и перспективного фундамента.

Положения концепции будут нами положены в основу разработки целей, содержания, методов и дидактических средств преподавания фундаментальных и компьютерных дисциплин. На основе

принципа непрерывной двухуровневой фундаментализации нами в дальнейшем будут разработаны продуктивные методы и дидактические средства обучения компьютерным дисциплинам будущих специалистов в области информационных технологий.

Список литературы:

1. Заёнчик В. М. Основы творческо-конструкторской деятельности: Методы и организация: учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. М. Заёнчик, А. А. Карачёв, В. Е. Шмелёв. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 256 с.
2. Когнитивная психология / Под ред. В. Н. Дружинина. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 480 с.
3. Лазарев М. І. Полісистемне моделювання змісту технологій навчання загальноінженерних дисциплін: монографія / М. І. Лазарев. – Х.: Вид-во НФаУ, 2003. – 356 с.
4. Семеріков С. О. Фундаменталізація навчання інформатичних дисциплін у вищій школі: монографія / С.О. Семеріков. – Кривий Ріг: Мінерал; К.: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2009. – 340 с.
5. Философия: учебник / В. Н. Лавриненко, Г. И. Иконникова, В. П. Ратников, В. В. Юдин; под ред. В. Н. Лавриненко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. – 561 с.
6. Moore G. Cramming More. Components onto Integrated Circuits / G. E. Moore // Electronics. – 1965. – Vol. 38. – P. 114–117.

Buzenko I.L.

Postgraduate

Vinnytsia State Pedagogical University
named after M.M.Kotsiubynsky

THE FORMATION OF VALEOLOGY ECOLOGICAL COMPETENCE OF THE PERSONALITY AS A PEDAGOGICAL PROBLEM

Abstract. The article analyzes the problem of formation of the ecological and valeological competence of the future teacher. Different approaches to the definition of the concept of ecological and valeological competence are considered. The study identified the ecological competence of future teachers as a complex quality, which is connected not only with the readiness and ability of the teacher to practical solution of environmental problems, but also the presence of a number of personal qualities in the combination of the necessary stock of knowledge and the ability to act effectively in the problematic situations.

Formulation of the problem. Solving the urgent environmental problems of the environment and human health requires the transformation of political, economic, socio-cultural and educational priorities in the character of human relations with nature. The humanitarian and educational strategy of solving these problems is associated with a rethinking of the role and significance of the domestic system of education in the establishment and development of the ecological and valeological competence of the future teacher personality, which aims at ensuring parity of society and nature, harmony of man and the environment.

Solving the set of problems of the current ecological crisis is an integral part of the national policy of the vast majority of countries. One of the main tasks of this policy is to achieve radical changes in the attitude of man to nature, the formation of ecological consciousness, ecological thinking [5] and, in our opinion, ecological and valeological competence of the individual.

Analysis of the previous studies and publications. The closest to the chosen topic are the researches: theoretical and methodological foundations of the formation of the ecological and valeological culture of the future teacher explored by Yu. Boichuk; the formation of ecological competence of students of hydrometeorological college in the process of studying by N. Oliynyk; formation of ecological competence of students of biological specialties of the University - L. Tytarenko; the formation of ecological competence of future engineers - specialists of civil protection - A. Khrypunov.

The purpose of the article is to determine the essence of the environmental competence of the future teacher and the problem state study.

Presenting the main material. Scientists are unanimous in the fact that the current ecological situation in Ukraine requires an urgent solution. Nowadays, there is a search for solutions to environmental problems, ways of harmonizing the relations of society, man and nature, which depends on the humanitarian potential of society, the level of education and the culture of the population [13]. The latter, as we consider, depends to a large extent on the teacher, on his environmental competence.

Active and sometimes unreasonable human actions on the natural environment, the desire to absorb as much as possible from it in order to meet their needs

led to a global ecological catastrophe: individual classes, families and numerous species of plants and animals disappear irretrievably, the earth's depths are exhausted, and supplies of clean drinking water decrease. Emissions into the atmosphere of waste products change the climate of the Earth, the test of nuclear weapons and the accident at nuclear power plants not only pollute the environment with radioactive substances, but also affect all living, harmful to human health [16]. Problems in preserving the children health are also taken care of, among other things, by teachers who need to have a high level of valeology competence.

The ecological education of the younger generation is the key to the continuous harmonious development of human civilization and society, the formation of the individual at every stage of life. The Laws of Ukraine "On Education", "On Higher Education", the National Doctrine of the Development of Education in Ukraine in the 21st Century, and the Concept of the Development of Environmental Education in Ukraine reflect trends in the content, forms and methods of environmental education and education [15].

Actualization of modern environmental problems requires a new understanding, a radical revision of the environmental training of future specialists, and the greening of higher education, as referred to in the laws and the aforementioned legislative acts. The main goal of the activity of higher educational establishments is the preparation of a creative specialist focused on personal and professional development, as well as the formation of a system of humanistic values, in which the value of nature, in combination of the development of society, is defined as the leading [4].

In the National Strategy for the Development of Education in Ukraine for the period up to 2021, the greening of education has been recognized as one of the main strategic directions of the state's development, but it is noted that its main problems of education include its slow greening. The document regulating this process is the Concept of Ecological Education of Ukraine, which states that the leading and most important role in shaping the personality with a new, eco-focused type of thinking and consciousness, a high degree of environmental culture is given to the school [6]. This task can only be solved by educators with the established ecological and valeology competence.

The urgent task of the modern school is the implementation of a competent approach in education, which involves the focus of the educational process on the formation and development of competences of the individual, one of which is ecological, as N. Kurylenko emphasizes. The undoubted advantage of a competent approach among others is the resultant goal of education, the final result of which is the formation of competencies, the transfer of emphasis from the level of knowledge of subjects of learning to their ability to use information for solving practical problems [6]. We regard the competence approach as one of the methodological basis of the research.

It should be noted that the competence approach in education is included in the "Priority directions of scientific researches of the National Academy of Sciences of Ukraine for 2018-2022" on the philosophy of education, pedagogy and psychology [11].

They also include didactic principles, methods and technologies for forming the key (general and substantive) competencies in the educational process. An important direction in the study context is such as defined in the document "the health function of school education and the environmental focus of the educational process in school," which confirms the relevance of the study.

Although the competence approach is one of the most relevant educational approaches, the task of forming the ecological competence of pupils or students is not indicated in the concentrated form in the normative documents of the Ministry of Education and Science of Ukraine, except for the classes of the environmental profile in the profile school and the specialists of environmental specialties (environmental engineers) at the higher educational establishments. Some features and components of ecological competence are defined in the "Concept of environmental education", but environmental information is scattered in school natural courses, therefore, students have fragmentary knowledge of this problem, although, as already noted, environmental competence is a component of the students' competence and later their constituent part of the future professional competence that is absolutely necessary in life [8]. We believe that successful formation of ecological competence of students will be facilitated by the formed ecological and valeological competence of future teachers, in particular of primary school.

According to O. Pometun, competence is a structured set of knowledge, abilities, skills and attitudes that enable a specialist to identify and solve problems that are common for a particular area of professional activity [10]. Competence, according to O. Bondarenko, is a personal integrative characteristic of a certain level of training and awareness at various stages of professional and personal development of an individual, characterized by the availability of sufficient knowledge, abilities, skills, values and experience for effective, skilled and successful implementation of activities and the fulfilment of the certain functions in a particular situation with the achievement of the certain standards or benchmarks in various spheres of human life [3].

Pedagogical competence, according to Markov, implies the knowledge, skills and normative features that are necessary for this work, the possession of the psychological qualities desirable for its implementation, is real professional activity in accordance with standards and norms [9, p. 256]. In the context of the study, the listed qualities are related to the environmental and valeology competence of the future teachers.

We fully agree with Andriyevskiy about the fact that the competence approach is aimed at promoting intellectual and cultural development of the individual, the formation of the ability of it to respond quickly to the demands of time. And the formation of future teachers of primary classes of environmental and valeology competence is in fact a request of time. This competence in modern conditions becomes the guarantor of the success of its professional activities, aimed at developing the ecological and valeology competence of primary school pupils. The modern competence-oriented paradigm dictates a radical rethinking of new tasks in the system of training and enhancement of the skills of specialists, taking into account life strategies, competitiveness, enhancing the flexibility and mobility of their social behavior. Competent approach to the preparation of future primary school teachers focuses not on the awareness of environmental and valeology problems, but on the ability to solve relevant professional and social ecological and valeology problems [2].

It is worth paying attention to the concept of "competent education" that arose in the United States and was based on the study of pedagogical experience of advanced teachers. The term "competent approach" was developed by American scholars in the 60s of the last century, and in the 1970s it was included into the US professional education programs, in the 1980s into the professional training programs of Great Britain and Germany [1].

In 1997, in the program "Definition and Competency Selection: Theoretical and Conceptual Foundations" (abbreviated as "DeSeCo") in the framework of the Federal Statistical Office of Switzerland and the National Center for Educational Statistics of the United States and Canada [14], a competent approach was developed and further extended in 1997 in the program "Definition and selection of competences: theoretical and conceptual foundations" (abbreviated as "DeSeCo") within the framework of the Federal Statistical Office of Switzerland and the National Center for Educational Statistics of the USA and Canada [137]

In the opinion of A. Khutorskiy, the competence-oriented approach to the organization of the educational process is aimed at acquiring a certain amount of knowledge and experience that enables it to draw conclusions about something, convincingly express its own thoughts, and act adequately in different situations [17]. In the context of research, knowledge and experience enable future teachers of the primary school to draw conclusions about certain ecological and valeology problems, express their own ideas convincingly, act adequately in different environmental and situations of valeology that arise during vocational training, pedagogical practice and will arise in professional activity.

It is worth noting that scientists define different types of competencies. For example, M. Rozov distinguishes between professional and general-cultural competence, which distinguishes the following areas: environmental competence; social competence; economic competence; communicative competence; aesthetic competence; humanitarian competence [12].

Today, system-building and value-oriented competences include life competencies, the kind of which is ecological competence. Acquiring such competencies will ensure personality and environmental competence. Environmental competencies are based on transcendental knowledge and collectively form the basis of the fundamentalization of education. After all, the process of fundamentalizing education provides a high educational level of the population, the ecologization of productions, the development of rigid environmental standards, the use of waste-free technologies, and the general acquisition of humane noosphere thinking [8].

As we see, sometimes the notion of "competence" and "competency" are used as synonyms.

Establishing the relation between the concepts of "competence" and "competency",

S. Leiko points out the need for their differentiation. Based on the fact that competence is determined by a specific organization, institution, the state has a predetermined demand for the knowledge, abilities, skills which a person has to possess, for successful activity within the sphere in which this activity will be carried out. Competency, in turn, is the property of the person itself, determines the qualitative level, assimilation as a result of learning, knowledge, skills and ability to apply them, based on their own experience, in the process of carrying out certain activities. Competence is related to a certain type of activity, while competency is with a personality, with its internal qualities and abilities [7].

Concerning the relation between the concepts of "competence" and "competency", we agree with B. Andrievskiy, who believes that professional competence of a specialist is a complex of personal qualities, acquired knowledge, abilities and skills, as well as professional orientation, on the basis of what the necessary competences are formed, which, in turn, become the basis of functional competencies, form the professional competence of a future specialist. In other words, competence should be understood as a given requirement, the norm of personal training, and competency - as it is actually formed its personality and professional qualities and experience. The latter accumulate a clear definition of professional requirements for specific activities (competency) and formed the choice of a set of qualities and experience that ensure the performance of professional functions [2]. In this case, competence should be understood as a given requirement, the norm of training future teachers of primary school in the development of environmental and valeology competence, and the actual ecological and valeology competence - as the actual formed personal and professional qualities and experience of environmental and valeology activity.

The complicated ecological situation in the world prompts civilized humanity to find new forms, methods

and technologies of environmental education of youth in order to prevent consumer attitude to natural resources. One of the most important causes of today's threatening challenges is the ecological illiteracy of the population, emphasizes Yu Shapran, lack of understanding the consequences of its intervention in the natural processes. Environmental education in the present is a condition for society's survival, and environmental education becomes a sign of priority in pedagogical theory and practice. With the modernization of education and the threat of environmental crises, the acquisition of young people of environmental competence, which is an integral part of life's competence, is particularly relevant [18].

We agree with S. Sovgiora, who considers one of the approaches to solving this problem of forming a new thinking in each person, aimed at changing the strategy in defining the purpose, ways and methods of civilization development as a necessary factor in the survival of mankind in the conditions of the ecological crisis. In the context of harmonizing the relations of society and nature, it is important to educate, first of all in young people, the value attitude to the environment on the basis of knowledge of the nature laws, in accordance with the logic of natural processes. A special role in this belongs to a teacher who has a goal to educate environmentally competent and responsible people. Accordingly, the teacher himself must have views and beliefs about the harmonious unity of man and nature [13]. In view of this, the formation of the eco- valeology competence of future teachers, in particular, primary school is a priority task.

Conclusions and suggestions. Consequently, the formation of the ecological and valeology competence of future teachers of elementary school is understood as a multifaceted, complex, contradictory, gradual process of continuous, active theoretical and practical activities of students aimed at obtaining environmental and valeology knowledge, the development of appropriate students' abilities, sustained motivation, efforts of will towards to ecology valeology problems on the background of a positive emotional attitude, to the formation of beliefs and appropriate behavior in solving pedagogical, ecology valeology, environmental and health-saving tasks.

Literature

1. Bowden John. Competency – Based Education – Neither a Panacea nor a Pariah [Electronic resource] / Available: www.crm.hct.ac.ae/events/archive/tend.018.bowden.html. – 2001.
2. Andrievskiy B.M. Profesiina kompetentnist suchasnoho pedahoha / B.M. Andrievskiy // Pedahohichni nauky: [zb. nauk. prats / red. Ye.S. Barbina]. – Kherson: Vyd-vo KhDU, 2014. – S. 216-220.
3. Bondarenko O. M. Formuvannya valeolohichnoi kompetentnosti studentiv pedahohichnykh universytetiv u protsesi profesiinoi pidhotovky : avtoref. dys. ... kand. ped. nauk : 13.00.04 – teoriia i metodyka profesiinoi osvity / Olena Mykolaivna Bondarenko. – Kyiv. 2008. – 20 s.

4. Herasymchuk O. L. Formuvannia ekolohichnoi kompetentnosti maibutnikh hirnychkykh inzheneriv u protsesi profesiinoi pidhotovky. Avtoref. dys... kand. ped. nauk: 13.00.04 / O. L. Herasymchuk; Zhytomyrskiy derzhavnyi universytet imeni Ivana Franka. – Zhytomyr, 2015. – 22 s.
5. Hurenkova O.V. Formuvannia ekolohichnoi kompetentnosti maibutnikh fakhivtsiv vodnoho transportu v umovakh kredytno-modulnoi systemy navchannia [Tekst] : avtoref. dys... kand. ped. nauk: 13.00.04 / Olha Volodymyrivna Hurenkova; APN Ukrainy, In-t ped. osvity i osvity doroslykh. – K., 2009. – 20 s.
6. Kurylenko N. V. Formuvannia ekolohichnoi kompetentnosti uchniv osnovnoi shkoly u protsesi navchannia fizyky / Nataliia Valentynivna Kurylenko. Avtoref. ... dysertatsii na zdobuttia naukovooho stupenia kandydata pedahohichnykh nauk 13.00.02 – teoriia ta metodyka navchannia (fizyka). Kirovohrad. 2015. – 20 s.
7. Leiko S. V. Poniattia «kompetentsiia» ta «kompetentnist»: teoretychnyi analiz / S. V. Leiko // Pedahohika. – Vyp. 12. 2013. – S. 128-135.
8. Lypova L. Ekolohichna kompetentnist osobystosti v umovakh fundamentalizatsii osvity / L.Lypova, T.Lukashenko, V.Malyshev // Ukrainskyi naukovyi zhurnal «Osvita rehionu» – №1. – 2012. – S.277. [Elektronnyi resurs]. – Rezhym dostupu: <http://social-science.com.ua/article/767>
9. Markova A.K. Psykholohyia professyonalizatsii / A.K.Markova. – M.: RAHS, 1996. – 308 s.
10. Pometun O.I. Teoriia ta praktyka poslidovnoi realizatsii kompetentnisnogo pidkhodu v dosvidi zarubizhnykh krain / O.I.Pometun // Kompetentnisnyi pidkhid u suchasni osviti: svitovyi dosvid ta ukrainski perspektyvy / Za zah.red. O.V.Ovcharuk. – K.: KIS. 2004. – S. 16-25.
11. Priorytetni napriamy naukovykh doslidzhen NAPN Ukrainy na 2018–2022 rr. <http://naps.gov.ua/ua/press/announcements/1315/>
12. Rozov N.S. Fylosofyia humanytarnoho obrazovannia. – M.: Yssledovatel'skyi tsentr problem kachestva podhotovky spetsyalystov, 1993.
13. Sovhira S.V. Teoretyko-metodychni osnovy formuvannia ekolohichnoho svitohliadu maibutnikh uchyteliv u vyshchykh pedahohichnykh navchalnykh zakladakh: avtoref. dys... d-ra ped. nauk: 13.00.04 / S.V. Sovhira; Luhan. nats. un-t im. T.Shevchenka. – Luhansk, 2009. – 40 s.
14. Stratehiia reformuvannia osvity v Ukraini: Rekomendatsii z osvitnoi polityky. – K.: «K.I.S.», 2003. – 296 s.
15. Trubnyk I.V. Pidhotovka maibutnikh vykhovateliv do formuvannia ekolohichno motyvovanoi povedinky starshykh doshkilnykiv: avtoref. dys... kand. ped. nauk: 13.00.04 / I.V. Trubnyk ; Respublikan. vyshch. navch. zakl. "Krym. humanitar. un-t". – Yalta, 2009. – 20 s.
16. Fleshar E. Dydaktychni osnovy pidhotovky studentiv - maibutnikh vchyteliv biolohii do realizatsii ekolohichnoi osvity: Avtoref. dys... d-ra ped. nauk: 13.00.02 / E. Fleshar ; Nats. ped. un-t im. M.P. Drahomanova. – K., 1999. – 41 s.
17. Khutorskoi A.V. Kliuchevye kompetentsyy kak komponent lychnostno oryentirovannoi paradyhmy / A.V. Khutorskoi // Narodnoe obrazovanye. 2003. – №2. – S.58-64.
18. Shapran Yu. P. Sutnisni oznaky, strukturni komponenty i vymiriuvannia ekolohichnoi kompetentnosti studentiv-biolohiv pedahohichnoho universytetu [Elektronnyi resurs] / Yu. P. Shapran // Pedahohichna osvita: teoriia i praktyka. Zb. nauk. prats. m. Kam'ianets-Podil'skyi. Vyp. 18 (1-2015). – S. 320-325. Rezhym dostupu: <http://science.kpnu.edu.ua/portfolio/pedahohichnaosvita-teoriya-i-praktyka.html>

Верченко Л.С.,

*ВУЗ «Университет имени Альфреда Нобеля»,
аспирантка, кафедра педагогики и психологии*

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ПРОЦЕССЕ МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация: В статье раскрыта сущность технологии развития социально-коммуникативной компетентности будущих преподавателей высшей школы в процессе магистерской подготовки. Показаны особенности реализации этапов технологии (мотивационно-стимулирующий, содержательно-процессуальный, практический, диагностико-результативный). Акцентировано внимание на авторском спецкурсе «Социально-коммуникативная компетентность преподавателя высшего учебного заведения».

Ключевые слова: магистранты, социально-коммуникативная компетентность, технология развития социально-коммуникативной компетентности будущих преподавателей высшей школы в процессе магистерской подготовки.

Verchenko L.S.

*Alfred Nobel University, Dnipro
post-graduate student, the department of pedagogy and psychology*

IMPLEMENTATION OF SOCIAL-COMMUNICATIVE COMPETENCE'S DEVELOPMENT TECHNOLOGY TARGETED AT FUTURE INSTRUCTORS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF MASTER'S TRAINING

The article discusses the essence of social-communicative competence's development technology targeted at future instructors of higher educational institutions in the process of master's training. The distinctive characteristics of the technology's stages implementation (motivational-stimulating, content-procedural, practical, diagnostic-resultant) are presented. Special focus is put on the author's specialized course 'Social-communicative competence of the higher educational institutions' instructors'.

Key words: master students, social-communicative competence, social-communicative competence's development technology targeted at future instructors of higher educational institutions in the process of master's training.

Интеграция системы высшего образования Украины в Европейское образовательное пространство определила направления модернизации процесса подготовки преподавателей высших учебных заведений, который должен осуществляться на основе компетентного подхода. Идея подготовки педагога, способного участвовать в инновационных процессах путем включенности в общественные коммуникации на профессиональном уровне, достаточно четко определена в требованиях к его профессиональным компетентностям, в частности социально-коммуникативной, которую понимаем как устойчивое, целостное, интегративное образование личности, позволяющее эффективно взаимодействовать с внутренней профессиональной коммуникативной средой и внешней социальной средой общества благодаря наличию социально-коммуникативных знаний и умений, профессионально важных коммуникативных качеств.

Анализ последних исследований показывает, что вопросу социально-коммуникативной компетентности посвятили свои исследования такие ученые как Н. Карабанова, С. Куринов, И. Руденко, А. Тумакова, М. Трофименко, А. Усанова, А. Шумилова, Д. Нумес и др. Анализ научных работ (В. Ковальчук, Б. Гершунский, Н. Гузий, А. Джурицкий, Т. Кошманова, Л. Пуховская, К. Рыбачук, А. Соколова и др.) показал, что исследователи раскрывают отдельные аспекты социально-коммуникативной подготовки будущих преподавателей высших учебных заведений. Однако, вопрос о технологии развития социально-коммуникативной компетентности будущих преподавателей высшей школы в процессе магистерской подготовки и особенностях ее реализации требует отдельного исследования.

Технологию развития социально-коммуникативной компетентности будущих преподавателей высшей школы в процессе магистерской подготовки понимаем как совокупность методов, приемов и средств обучения, форм контроля и коррекции, которые поэтапно (мотивационно-стимулирующий, содержательно-процессуальный, практический, диагностико-результативный) внедряются в учебный процесс вузов, обеспечивают самореализацию магистрантов в различных видах социально-коммуникативной деятельности и гарантируют достижение конечного результата. Моделирование данной технологии учитывает принцип вариативно-личностной организации обучения, который предусматривает адаптацию технологии к личностным особенностям магистрантов, их типологическим и индивидуальным свойствам, существенно влияющим на учебную деятельность.

Опираясь на взгляды Н. Волковой [1, 64; 2,

138], О. Набоки [1, 23], в исследовании выбран такой алгоритм проектирования технологии развития социально-коммуникативной компетентности будущих преподавателей высшей школы в процессе магистерской подготовки. Прежде всего акцентируем внимание на концептуальном этапе (определение целей, задач, методологической основы, принципов обучения, осуществление диагностики имеющегося у магистров уровня развитости социально-коммуникативной компетентности). Целью технологии является развитие социально-коммуникативной компетентности будущих преподавателей высшей школы в процессе магистерской подготовки. Согласно цели определены такие задачи: стимулирование познавательной и профессиональной мотивации студентов; овладение студентами социально-коммуникативными знаниями; развитие социально-коммуникативных умений (речевые, невербальные, коммуникативные, интерактивные, социальные, информационно-коммуникационные), необходимых для осуществления социально-коммуникативной деятельности; актуализация потребности в самопознании и самосовершенствовании.

Технология базируется на методологических подходах (системный, компетентный, контекстный, личностно-ориентированный, партисипативный, синергетический), предполагает соблюдение таких принципов (субъектности, диалогизации, увеличения количества механизмов социального развития, мировоззренческого плюрализма, дифференциации, саморазвития и взаиморазвития, компетентного «апгрейдинга», профессиональной мобильности), а также осуществление предварительной диагностики уровня развития у магистрантов социально-коммуникативной компетентности.

Определены такие этапы реализации технологии: *мотивационно-стимулирующий* (предусматривает формирование у магистрантов личностного смысла социально-коммуникативной деятельности; ценностного отношения к самосовершенствованию социально-коммуникативной компетентности; эмоционально-ценностного отношения к миру, людям, самому себе), *содержательно-процессуальный* (моделирование содержания, форм и методов развития социально-коммуникативной компетентности магистров), *практический* (предусматривает привлечение магистрантов к практической социально-коммуникативной деятельности преподавателя, аналитико-оценочной, поисково-практической деятельности, обеспечивает формирование у магистрантов рефлексивной позиции), *диагностико-результативный* (предусматривает кон-

троль, самоанализ, коррекцию недостатков в развитии исследуемой компетентности; диагностику развития социально-коммуникативной компетентности будущих преподавателей вуза).

Раскроем особенности реализации каждого этапа презентуемой технологии.

Реализация мотивационно-стимулирующего этапа была направлена на решение таких задач, а именно формирование у магистрантов: личностного смысла социально-коммуникативной деятельности; мотивов достижения, ценностных установок специалиста, которые определяют общую направленность профессиональной социально-коммуникативной деятельности, потребность в коммуникации и межличностном взаимодействии; мотивов самосовершенствования собственного уровня компетентности, ценностей и целей общения; эмоционально-ценностного отношения к миру, людям, самому себе.

Преподаватели при организации учебного процесса выбирали наиболее целесообразные методы и приемы мотивирования и стимулирования учебной деятельности магистрантов, включая интересный, эмоционально насыщенный профессионально направленный материал, вызывая у магистрантов моральные и эмоциональные переживания. Так, для магистрантов были организованы встречи и круглые столы («Социально-психологический прогноз ситуации общения в системах «преподаватель – студент», «студент – студент», «Этика сетевого общения преподавателя», «Социально-коммуникативные роли преподавателя вуза») с ведущими научно-педагогическими кадрами вузов г. Днепр, которые поделились собственным опытом осуществления социально-коммуникативной деятельности, осознания и контроля социального поведения, понимания поведения других, осознания причин возникновения того или иного эмоционального состояния, владения механизмами коммуникации, необходимыми для успешного выполнения профессиональной деятельности; видения социально-коммуникативных проблем в своей деятельности, формулировки и избрания путей их адекватного решения.

С целью стимулирования магистрантов к развитию социально-коммуникативных умений предлагались упражнения («Моя аргументация», «Толерантность в общении», «Сбор фраз для контакта», «Самопрезентация», «Карусель», «Пойми собеседника» и др.). Так, во время выполнения упражнения «Моя аргументация» студенты должны были разделиться на две группы. Одна часть группы должна была представить выбранную тему с позиций «Я знаю как ...», «Я хотел (а) бы ...», «Я предвижу ...», «Я превращаю ...», раскрывая положительные аспекты явления. В то же время другая группа должна была аргументированно утверждать обратное. Однако, каждая из групп должна была придерживаться правила: «говорить аргументированно, убедительно, кратко, оригинально». Темы для обсуждения магистрантами были разными: «Технологии коммуникации», «Техника аргументации», «Индивид-социум», «Стратегии коммуникации» и другие.

На завершающем этапе за «круглым столом» магистранты должны были определить индивидуальные образовательные результаты. Во время группового обсуждения внимание акцентировалось на трудностях, которые возникали во время учебного взаимодействия: рецензирование ответов или методических материалов коллег, отстаивание собственного мнения; сопоставление поставленных целей и достигнутых результатов; общая атмосфера и эмоциональное состояние. В качестве последствий была осуществлена коррекция и защита программы индивидуального профессионального самосовершенствования.

В процессе проведения занятий широко использовались мотивационно-побудительные приемы: создание проблемной ситуации, «ситуации успеха», «незаконченное предложение». Положительное влияние указанных приемов на актуализацию мотивации студентов к обучению заключался в следующем: проблемные ситуации (упражнения, задачи) позволили раскрыть проблемы, которые могут возникнуть на рабочем месте преподавателя, их негативные последствия как для него самого, так и для студентов, окружающих; упражнения типа «незаконченное предложение» побуждали к дискуссии на занятиях, позволяя магистрантам выражать свое мнение и отстаивать свою позицию, способствовали интенсификации их совместной умственной деятельности; создание «ситуаций успеха» позволило сформировать положительный настрой магистрантов на выработку стратегий развития социально-коммуникативной компетентности, вызвать у магистрантов переживания радости успеха, что укрепляло уверенность в собственных силах, пробуждало чувство достоинства, желание учиться.

С целью формирования ценностного отношения магистрантов к развитию социально-коммуникативной компетентности целесообразными оказались приемы, разработанные Л. Кольбергом: альтернативные последствия (магистрантам предлагают ответить на вопрос: «Что случится, если персонаж сделает так, или так, или так?»), замена ролей (магистрантам предлагают представить себя на месте определенного персонажа ситуации: «Если бы вы были на месте ... Как бы вы поступили?»), учет чувств действующих лиц (выработка суждений, опирающихся на их собственные чувства и переживания: «Как, по вашему мнению, персонаж чувствует себя в данном случае?, Как бы вы чувствовали себя в данной ситуации?, Есть соответствие между вашими чувствами и чувствами действующего лица?»). Вопросы о переживаниях участников развивали способность понимать чувства, позиции, интересы других людей), использование личного опыта магистрантов (учет личного опыта студента: «случалось что-то подобное с вами?, Каковы были ваши мысли, чувства, действия?, Оценивая подобную ситуацию, хотели бы вы что-то изменить в своем поведении?»). Данные приемы были использованы при проведении семинара-дебатов «Нравственные коллизии в различных педагогических ситуациях, прогнозирование

результатов своих действий», мозгового штурма «Многообразии функций современного преподавателя вуза в обществе».

Реализуя содержательно-процессуальный этап технологии учитывали возможности интеграции знаний различных дисциплин профессиональной подготовки магистрантов («Психология высшей школы», «Новейшие технологии организации учебно-воспитательного процесса в высшей школе», «Профессионально-педагогическая коммуникация», «Кризисы и деформации профессионального развития преподавателя вуза»). Так, изучение магистрантами дисциплины «Психология высшей школы» предусматривало акцентирование внимания на усвоении таких вопросов: «Приемы построения отношений с людьми в духе терпимости и взаимного уважения», «Адаптация преподавателя к психологическому состоянию студенческой группы», «Индивидуальные, возрастные, поведенческие характеристики студентов», «Принципы выбора учебно-речевых стимулов с целью активизации речевой деятельности студентов и управления ею». Преподаватели реализовывали такие методы обучения: диалогично-дискуссионные (дебаты, дискуссия, «мозговой штурм», симпозиум), ситуационные (проблемные ситуации, коммуникативно-ситуационные задачи).

Важная роль в исследовании была отведена разработанному авторскому спецкурсу «Социально-коммуникативная компетентность преподавателя высшего учебного заведения», целью которого стало обеспечение общей теоретической подготовки будущих преподавателей высшего учебного заведения к социально-коммуникативной деятельности и развитие составляющих социально-коммуникативной компетентности магистрантов.

Программа дисциплины рассчитана на 90 часов (лекции – 10 час., семинары – 12 час., практические занятия – 14 час., индивидуальная работа – 8 час., самостоятельная работа – 46 час.). Содержание спецкурса включает два содержательных модуля: «Социально-коммуникативная компетентность как основа профессиональной компетентности преподавателя высшего учебного заведения» и «Социально-коммуникативная компетентность преподавателя высшей школы: методы, средства и технологии формирования».

Так, тема «Социально-коммуникативная компетентность преподавателя высшего учебного заведения: сущность, структура, функции» предполагала раскрытие таких вопросов: сущность и социальная значимость профессии преподавателя высшего учебного заведения; социальная коммуникация как движение смыслов в социальном времени и пространстве; социокультурные детерминанты развития социально-коммуникативной компетентности преподавателя вуза; социальные и коммуникативные роли преподавателя; характеристика, позиционно-ролевые особенности непосредственного и опосредованного взаимодействия преподавателя с обществом, сообществом, группой, коллективом, партнерами; социально-коммуникативная деятельность преподавателей и студентов вуза.

Раскрытие темы «Общение преподавателя в процессе выполнения различных социальных и профессиональных ролей» предусматривало акцентирование внимания на таких вопросах: эффективная профессионально-педагогическая коммуникация – основа благоприятного социально-психологического климата педагогического коллектива; социально-профессиональные связи преподавателя вуза; способы общения преподавателя в процессе выполнения различных социальных и профессиональных ролей; социально-коммуникативные умения преподавателя вуза; стратегии социального взаимодействия с другими людьми в окружающей ее меняющейся социальной реальности.

При изучении темы «Предупреждение и регулирование конфликтов в образовательной среде» внимание магистрантов акцентировалось на таких вопросах: прогнозирование и профилактика конфликтов в образовательном пространстве преподавателя вуза: сущность, подходы и направления; социальное партнерство; социально-трудовые конфликты: формы и методы преодоления конфликтов; педагогический конфликт: сущность, структура, сфера, динамика; конфликт во взаимодействии «преподаватель – студент», «преподаватель – преподаватель», «преподаватель – руководитель вуза»; медиация в переговорном процессе; поддержка и укрепление сотрудничества, отношений взаимовыручки как центральная проблема тактики предупреждения конфликта; метод согласия, доброжелательности, сохранение репутации партнера, взаимного дополнения, недопущения дискриминации людей, психологического поощрения.

Второй модуль «Социально-коммуникативная компетентность преподавателя высшей школы: методы, средства и технологии формирования» содержит две темы. Первая тема «Методы и средства формирования социально-коммуникативной компетентности преподавателя» предусматривала рассмотрение следующих вопросов: методы и средства формирования социально-коммуникативной компетентности; социальная и профессиональная коммуникация преподавателя на основе партнерских моделей взаимодействия и сотрудничества; привлечение ресурсов социальной среды в образовательный процесс; включение студента в социально-коммуникативную деятельность; создание в процессе обучения субъект-субъектного взаимодействия; самоопределение и самоорганизация преподавателя вуза с целью развития социально-коммуникативной компетентности для успешной профессиональной деятельности.

В теме «Возможности технологий информационного общества в социальной и профессиональной жизни преподавателя вуза» раскрывались следующие вопросы: применение новых информационных технологий в образовании; коммуникация в компьютерных сетях; сервисы Веб 2.0 – программные среды для организации совместной сетевой деятельности; мобильное обучение как средство интерактивности в деятельности преподавателя вуза; использование электронной почты, чата, форума в учебном процессе высшей школы; социальные сети

как средство приобретения опыта взаимодействия с профессиональными партнерами; профессионально ориентированное общение в сети Интернет.

Реализация спецкурса осуществлялась посредством проведения лекционных (интерактивная лекция, лекция-дискуссия, лекция-брифинг, проблемная лекция), семинарских (интерактивный семинар, семинар-дискуссия, сократовский семинар, семинар-интервью, семинар-защита проектов, семинар-решение индивидуальных творческих задач) занятий с использованием интерактивных методов обучения: *диалогично-дискуссионных* (диспут, дебаты, «мозговой штурм», круглый стол, кейс-метод («Помочь и не причинить неудобства», «Гениальный карикатурист»), «Огонь по вращающему»), *игровых* (деловые, ролевые («Переговоры», «Деловая беседа»), социально-психологические игры «Гелактионы», «Кораблекрушение»), *тренинговых* («Эффективное взаимодействие как средство предупреждения конфликтов», «Социальные роли, которые мы играем в жизни», «Социальные роли в микросоциуме»). Значительное внимание уделено упражнениям «Быть преподавателем – это ...», «Понимание образа Я», «Карусель», «Самопрезентация», «Чем мы похожи?», «Влияние эмоциональных состояний на взаимоотношения», «Запрет говорить «нет», «Сбор фраз для контакта», «Конструктивный стиль поведения в конфликте» и др.).

Реализация практического этапа технологии предусматривала привлечение магистрантов к практической социально-коммуникативной деятельности преподавателя, аналитико-оценочной, поисково-практической деятельности, которая обеспечивала формирование у магистрантов рефлексивной позиции. Данный этап был реализован во время прохождения магистрантами ассистентской практики (3 кредита), участия в работе «Педагогической мастерской», «Психологической мастерской»

С целью стимулирования субъектного включения магистрантов в профессиональную коммуникацию, содействия расширению их личных контактов, связанных с профессиональной коммуникацией преподаватели высшей школы проводили мастер-классы в рамках работы «Педагогической мастерской». Среди преподавателей-мастеров – опытные преподаватели (независимо от специальности) вузов города, региона. Магистранты получали возможность овладеть интерактивными технологиями обучения, приобрести коммуникативный опыт во время обсуждений тонкостей организации коммуникативного сценария лекции или практического, семинарского занятий. Обсуждение, как правило, проводилось в педагогической гостиной, где царил атмосфера открытости, дискусионности, благоприятных учебных межличностных отношений. Магистранты обогащали личный опыт коммуникации с коллегами разного возраста, профессии, статуса, устанавливали и развивали профессиональные связи. В педагогической мастерской проводились тренинги («Модель коммуникативного поведения преподавателя», «Коммуникативная поведение преподавателя

вуза», «Сильные и слабые стороны моей профессиональной речи», «Быть преподавателем – это ...», «Стратегии и тактики воздействия преподавателя во время проведения лекции» и др.).

Связи магистрантов с представителями профессионального сообщества рождались благодаря их активности в научно-практических конференциях, вебинарах, семинарах с работодателями, участию в заседаниях общественного совета университета, группах по интересам, организации взаимодействия с внешними социокультурными объектами образовательной среды (учреждения культуры, образования и др.); достижению синергии всех участников образовательного процесса – студентов – магистрантов – аспирантов – преподавателей – представителей общественности – работодателей, объединенных единой, значимой для всех участников, целью.

В рамках работы «Психологической мастерской» ведущие психологи-практики Днепропетровщины и Украины дважды в месяц проводили тренинги-семинары («Попробуй понять, что сказал твой собеседник», «Эффективное взаимодействие в команде», «Эффективное управление», «Самооценка рационального поведения в конфликте», «Мастера взаимодействия», тренинги лидерских, коммуникативных качеств и др.), тренинги психологически целесообразных технологий (убеждающего воздействия, аттракции, «феномена социальной ориентации» и др.). Реализация указанных тренингов была направлена на формирование социально-коммуникативной компетентности, высоконаправленных профессиональных установок и личностной позиции, превращая их в собственную систему ценностей.

Диагностико-результативный этап предполагал контроль, самоанализ, коррекцию недостатков в развитии исследуемой компетентности; диагностику конечного уровня развития социально-коммуникативной компетентности будущих преподавателей вуза. Диагностика становилась средством включения магистрантов в коррекционную работу над собой, собственными качествами и поведением и самодиагностику, которая позволяла выявлять поведенческие и личностные комплексы, более конструктивно формулировать собственные проблемы, сущность их влияния на взаимодействие в педагогическом процессе.

Таким образом, реализация технологии развития социально-коммуникативной компетентности будущих преподавателей высшей школы в процессе магистерской подготовки способствовала развитию у магистрантов исследуемой компетентности.

Ссылки:

1. Волкова Н.П. Моделювання професійної діяльності у викладанні навчальних дисциплін у вишах. Монографія / Н.П. Волкова, О.Б. Гарнапольський. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський університет імені Альфреда Нобеля, 2013. – 228 с.
2. Волкова Н.П. Теоретичні та методичні засади підготовки майбутніх учителів до професійно-педагогічної комунікації : дис. ... докт. пед. наук:

13.00.04 / Н. П. Волкова. – Луганськ, 2006. – 432 с.

3. Набока О.Г. Теорія і методика застосування професійно орієнтованих технологій навчання майбутніх економістів у процесі фахової

підготовки : автореф. дис. ... докт. пед. наук :

13.00.04 / О. Набока. – Луганськ: Луганський нац. ун-т імені Тараса Шевченка, 2013.– 41 с.

Nazkhanova G.A.

PhD student,

Kazakh National Pedagogical University named by Abay

Назханова Галия Альжанаровна

докторант,

Казахский национальный педагогический

университет имени Абая

STRUCTURAL-SUBSTANTIAL CHARACTERISTIC OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE FUTURE TEACHER
СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

Summary: The article presents the results of the analysis of psychological and pedagogical components of legal consciousness of personality and the peculiarities of their formation at future teacher, the author came to the conclusion that in the totality of intellectual, emotional and volitional sense of justice personality of a future teacher provide the necessary framework for the lawful activities and behaviour. The presence of negative attitudes, orientations, and positions, ignorance of the law, the disrespect for the law and the law could lead to illegal behavior and activities. In this regard the individual consciousness of personality covers both positive and negative components.

Key words: legal consciousness; future teacher; state of law; the intellectual, emotional and volitional sense of justice personality of a future teacher.

Аннотация: В статье приведены результаты анализа психолого-педагогических компонентов правового сознания личности и выявлены особенности их формирования у будущего педагога автор пришел к выводу, что в совокупности интеллектуальная, эмоциональная и волевая сфера правосознания личности будущего педагога составляют необходимую основу для правомерной деятельности и поведения. Наличие негативных установок, ориентаций и позиций, незнание действующего законодательства, неуважение к праву и закону могут приводить к противоправному поведению и деятельности. В связи с этим индивидуальное правосознание личности охватывает и положительные, и отрицательные компоненты.

Ключевые слова: правовое сознание; будущий педагог; правовое государство; интеллектуальная, эмоциональная и волевая сфера правосознания личности будущего педагога.

Постановка проблемы. Масштабная перестройка правового государства требует поиска эффективных правовых инструментов социального и гуманитарного развития общества, в частности современного образования. В решении этой проблемы ведущее место принадлежит школе и учителю, и потребности общества диктуют необходимость трансформации образовательной системы в направлении овладения ею правового пространства и ее развитие как правового инструмента и подсистемы гражданского общества.

Основной составляющей такого общества является определенный тип личности с высоким уровнем индивидуальной автономии как в отношении к социуму в целом, так и к государственной власти в частности. Именно такой человек, с соответствующей системой ценностей, интересов и потребностей, является целью гражданского общества. Только органическая связь политической и правовой культуры, которая отражает процесс практической жизнедеятельности людей, формирует полноценное гражданское общество. Исходя из этого, отметим, что ведущая и ответственная роль в этом процессе принадлежит педагогу.

Современный педагог должен стремиться воплотить в себе качества идеального педагога, постоянно работать над самосовершенствованием, направлять учебно-воспитательную деятельность в русло интеллектуального усиления нации, формировать новую генерацию сознательных граждан.

Отметим, что ориентироваться в проблемах существующего социально-политической жизни в государстве, использовать способы деятельности и модели поведения, которые соответствуют действующему законодательству государства, делать осознанный выбор и применять правовые технологии принятия индивидуальных и коллективных решений педагог сможет при условии сформированности у него правового самосознания.

Цель статьи – проанализировать психолого-педагогические компоненты правового сознания личности и выяснить особенности их формирования у будущего педагога.

Анализ последних исследований и публикаций. В последние годы проблеме формирования правосознания уделяют внимание не только ученые-правоведы, но психологи и педагоги в том числе. Указанной проблематикой занимается ряд известных ученых, таких как: П.П. Баранов, Е.А.

Белканов, З.Ф. Зеер, В.Г. Кинелев, Н.Е. Мажар, Л.Д. Столяренко, В.А. Слостенин и др.

Изучению правового сознания студенчества и молодежи в целом посвящены работы А.В. Апаринной, С.Л. Арутюнян, С.В. Болониной, Ю.Р. Вишневого, Н.Ю. Евпаловой, Ю.Г. Козлова, А.В. Клочковой, Е.В. Машковой, В.Т. Шапко и др. Однако приходится констатировать, что в настоящее время нет обобщающих исследований в области педагогики, посвященных проблеме формирования правового сознания студентов - будущих педагогов.

Выделение ранее нерешенных частей одной проблемы. Несмотря на внимание к данному вопросу со стороны ученых-правоведов, психологов и педагогов проблема формирования правового сознания студенческой молодежи, а в частности будущих педагогов в процессе профессиональной подготовки остается малоизученной.

Научные исследования последних лет посвящены в основном общетеоретическим и методическим проблемам правового образования и воспитания. Среди небольшого количества диссертационных исследований практически отсутствуют работы, рассматривающие проблему формирования правового сознания будущих педагогов.

Изложение основных положений. В современной теории права, юридической психологии правосознание рассматривается как система идей, представлений, эмоций и чувств, выражающих отношение личности, группы, общества к действующему, прошлому и желаемому праву, а также к деятельности, связанной с правом [1]. Практически все ученые отмечают, что понятие «правосознание» отражает взаимосвязь права с сознанием: если право является объективной реальностью, то правосознание – это субъективная реакция людей на право, т.е. право в том виде, в котором оно существует в сознании общества. Отношение к праву может быть положительным (понимание ценности права) или отрицательным (отрицание социальной значимости права), рациональным (интеллектуальное восприятие права) и эмоциональным (восприятие права на уровне чувств, настроения), при этом определенное отношение к праву и правовым явлениям может быть и у одного человека, и у группы людей или общества в целом. В юридической литературе (Н. Щербакова [5] и др.) по субъектам (носителям) правосознание разделяют на такие виды:

1) индивидуальное – совокупность правовых взглядов, чувств, настроений и убеждений конкретного индивида. Она формируется под влиянием индивидуальных обстоятельств жизни, внешней среды и зависит от уровня правового образования индивида;

2) групповое, которое отражает отношение к праву, его оценку со стороны социальных групп (социальных общностей, профессиональных, территориальных, неформальных групп). На процесс его формирования влияет общность интересов, традиций, условий жизни, а также авторитет лидера группы;

3) общественное, которое выражает отношение к праву всего общества. Оно присуще большим социальным сообществам (населению государства, отдельному региону, определенному этносу). Общественное правосознание содержит наиболее распространенные и обобщенные оценки права и правовой реальности [2].

По нашему мнению, на формирование индивидуального правосознания личности будущего педагога, прежде всего, влияет политическая и экономическая политика государства, состояние законности и правопорядка в государстве, социальный и правовой уровень защищенности человека, и прежде всего его правовая осведомленность и убеждения в справедливости закона, вере в силу закона и т.д. Практика повседневной жизни свидетельствует о типичных упущениях правового образования и воспитания населения, прежде всего молодежи. Как результат – в сознании большинства молодых людей присутствует правовой инфантилизм, правовой нигилизм и правовой цинизм. То есть у юношей и девушек вырабатывается безответственность, формируется мнение отрицания роли права в жизни и стремление использования соответствующих знаний права или законодательства с целью избегания ответственности. А это свидетельствует о низком уровне правосознания личности.

Правосознание личности будущего педагога, по нашему мнению, характеризуется знаниями действующего права и законодательства, правовыми убеждениями и установками, правовым мышлением, правовыми эмоциями и чувствами, правовыми мотивами, ориентациями и позициями, которые синтезируются в принятых решениях в процессе правовой деятельности в сфере правоотношений [3]. Индивидуальное правосознание личности с позиции психологии личности доказывает, что правосознание имеет сложную структуру. Оно состоит из: а) интеллектуальных процессов и состояний; б) эмоциональных процессов и состояний; в) волевых процессов и состояний. Каждый из этих компонентов имеет свою структуру, и они тесно связаны между собой. Как правило, эти компоненты правосознания выражаются внешне и их можно зафиксировать.

Интеллектуальная (рациональная) сфера правосознания является первым компонентом правосознания личности будущего педагога и охватывает такие процессы: первый компонент интеллектуальной сферы – это ощущения, восприятие, внимание, представления, память, правовое мышление и речь. Эти процессы психологи считают познавательными. Они применяются в эмоциональной и волевой сферах правосознания личности. Вторым компонентом интеллектуальной сферы правосознания личности являются определенные состояния: правовые знания, правовые умения и правовые навыки. Правовые умения и навыки тесно связаны с волевой сферой. Личность должна не только иметь определенный объем правовых знаний, знать свои юридические права и обязанности, но и уметь их исполнять, использовать и соблюдать, иметь навыки защищать свои права, навыки

правомерной деятельности и поведения. Третьим компонентом интеллектуальной сферы правосознания личности являются общие и специальные правовые способности.

Вторым компонентом правосознания личности будущего педагога является ее эмоциональные процессы и состояния. Без эмоций человек перестает быть человеком-личностью и может превратиться в запрограммированного робота. К эмоциональным процессам относятся собственно эмоции и чувства, в частности правовые чувства и эмоции. Эта сфера самая сложная, потому что ее почти невозможно зафиксировать, особенно эмоции. Личность сильно переживает или волнуется, когда попадает в чрезвычайные ситуации, иногда даже может наступить шок, паралич, аффект. Эмоции очень динамичны, они имеют полярный характер, могут быть и положительные, и отрицательные. Все эмоции разделяют на природные и социально-приемлемые, как и чувства. Правовые эмоции имеют свой предмет – правовые явления. Они, как специфическая форма отражения государственно-правовых явлений, выражаются в эмоциональном отклике, в мимике, мыслях, речи, настроении, чувственной деятельности и поведении. Правовые эмоции связаны с реализацией субъективных прав и обязанностей личности, а также являются эмоциональной оценкой других правовых ситуаций. С эмоциями чрезвычайно тесно связаны правовые чувства. Они имеют непосредственную связь, поскольку эмоции не могут существовать без правовых чувств. Правовые чувства – это более устойчивые и длительные психические состояния, хотя тоже имеют свою динамику и полярность (положительные и отрицательные). Правовое чувство – это такая форма отражения правовых явлений, которая воспринимается и оценивается личностью в соответствии со своими потребностями и интересами, и потребностей других субъектов права и выражает субъективное отношение человека к этим явлениям. В правовых чувствах выражается тяга человека к удовлетворению личных, коллективных, государственных или общественных потребностей и интересов. Правовые чувства в процессе деятельности выполняют разнообразные функции: познание правовых явлений, их оценку, ориентацию личности в правовой среде, контрольную, конструктивную – принятие решений. В эмоциональную сферу входят также правовые чувства. Их можно определить как определенный психический процесс и его результаты – ощущения, которые могут переходить в эмоции и чувства. Например, чувство права, закона, законности могут через некоторое время быть осознаны как соответствующие чувства. Ощущение – это наименьшая и элементарная форма отражения правовых явлений.

Третьим компонентом правосознания личности будущего педагога является волевая сфера. Этот компонент индивидуального правосознания не менее сложный. Волевое действие начинается с осознания цели и стремления к ней, что становится действенным, превращаясь в желание и намерение. Волевая сфера правосознания личности начинается

с осознания правовых потребностей и интересов субъектов общественных отношений. Правовые потребности и интересы – это источник поведения и деятельности человека, они заставляют его вступать в общественные отношения. Правовые потребности – это требования государства и гражданского общества, а также других субъектов права к правомерному поведению и деятельности личности. Интерес является важным, значимым. Интересы – это осознанные потребности, они могут быть разными: законными и незаконными. Потребности и интересы выражают направленность личности к его объекту или субъекту. Интересы перерастают в заинтересованность, которая выражает устойчивое отношение личности, что становится нормой целенаправленной деятельности. К волевой сфере также относятся цели, мотивы поведения и деятельности личности. Мотив в переводе с латыни означает толкаю, возбуждаю, двигаю. Другими словами, это причина действий и поступков человека. Мотив выступает как причина постановки тех или иных целей. Они не тождественны, но иногда совпадают.

Цель может быть одна, а мотивов много. Когда в процессе деятельности и поведения существует несколько мотивов, то употребляют понятие «мотивация поведения». Правовые мотивы выражаются в форме стремления, желания, наклонностей, увлечения, уклонения и т.д. Волевая сфера правосознания личности будущего педагога также связана с правовыми установками, убеждениями. Правовая установка – это состояние готовности к правомерному действию и ответственности и удовлетворению правовых потребностей и интересов. Правовые установки могут делиться на общие и конкретные. Правовые установки выражают также (или включают) правовые ориентации и позиции. Позиция выражает постоянную сознательную совокупность отношений личности к правовым явлениям и ценностям. Ориентация понимается как наличие у личности целенаправленных реакций на изменения ситуаций. Волевая сфера правосознания личности завершается принятием решений, имеющих правовое значение и направленных на реализацию субъективных прав и обязанностей.

Таким образом, в совокупности интеллектуальная, эмоциональная и волевая сфера правосознания личности будущего педагога составляют необходимую основу для правомерной деятельности и поведения. Наличие негативных установок, ориентаций и позиций, незнание действующего законодательства, неуважение к праву и закону могут приводить к противоправному поведению и деятельности. В связи с этим индивидуальное правосознание личности охватывает и положительные, и отрицательные компоненты.

Осуществленный анализ свидетельствует о том, что правовые знания являются первой предпосылкой формирования правосознания будущего педагога. Основой формирования правового сознания будущего педагога являются системные правовые знания об обществе, его институтах и процессах, о

государстве и его органах, о нормах, регулирующих отношения людей между собой и с властью, взаимные права, свободы и обязанности человека и государства.

Правовые знания формируют рациональный элемент в структуре правовой сознания будущего педагога. Поэтому студенты должны получать эти знания систематически непрерывно, прежде всего, в процессе обучения, а также путем самообразования. Психологический элемент правового сознания будущего педагога формируется на основе повседневного восприятия правовых явлений и процессов и проявляется в виде чувств, переживаний, стереотипов, что в совокупности формируют в психике человека определенную правовую установку. Как отмечает Н. Щербакова, правовая установка может переходить в действия, поступки личности, во-первых, сравнительно самостоятельно; во-вторых, в результате борьбы с другими правовыми установками; в-третьих, в гармоничном единстве с другими правовыми и социальными установками; в-четвертых, автоматически [5, с. 37]. Очень важным фактором реализации установки выступает социальная среда личности. Люди с высокой правовой культурой могут и не соглашаться с определенным законом, но придерживаться его.

Правовые установки занимают важнейшее место в структуре правового сознания личности будущего педагога. В виде правовых установок определяется отношение граждан к окружающей действительности. На основе правовых установок правовое сознание объединяет все психические процессы, свойства и состояния, которые проявляются в конкретном правовом поведении.

Особенности формирования правовых установок студенческой молодежи обусловлены характером и содержанием правовой социализации, охватывающей усвоение личностью богатства системы права, выработку критериев социально-правовой оценки явлений, поступков, имеющих юридическое значение, познание всех социальных ценностей, приобретение навыков, необходимых для уверенного ориентирования в социально-правовой сфере, и т.д. Важнейшим внутренним источником правовой активности личности является положительная социально-правовая установка, т. е. принципиальная духовная направленность на ценности правовой культуры общества. Итак, установка на право – сердцевина правового сознания личности или социальной группы.

Известно, что на формирование правовой установки и правосознания личности в целом наиболее эффективно влияет правовое воспитание. Большое значение для формирования правосознания имеют правовое воспитание, состояние законности и правопорядка в государстве, деятельность судебных и правоохранительных органов в защите прав и свобод рядовых граждан, особенно молодежи. Таким образом, можем заключить, что правовое воспитание будущего педагога – это процесс предоставления студентам социальных, педагогических, психологических, правовых услуг педагогическим коллективами ВУЗов, общественными и

благотворительными организациями, правоохранительными органами, родителями по информированию об их правах и возможностях в различных сферах жизни, правовое консультирование субъектов учебно-воспитательного процесса, других молодых граждан и их родителей; педагогическая, психологическая, наркологическая и юридическая помощь; другая деятельность по формированию у будущего педагога правовой культуры и правосознания, навыков правомерного поведения [4].

Очевидно, что формирование правосознания будущего педагога представляет сложный процесс, предполагающий целенаправленное педагогическое воздействие на его личность. Остановимся подробнее на технологии педагогического воздействия, направленной на формирование интеллектуальной сферы правосознания личности будущего педагога.

На наш взгляд, такое воздействие должно включать следующие компоненты: целевой, содержательный, инструментальный и контрольно-оценочный. Данные компоненты отличаются относительной содержательной автономностью. Кратко охарактеризуем каждый из них.

Целевой компонент процесса формирования интеллектуальной сферы правосознания будущих педагогов определяет перспективные результаты педагогического воздействия на их. Основными из них являются:

- формирование устойчивой совокупности правовых знаний;
- становление позитивной аксиологической составляющей в мировоззрении будущего педагога, предполагающей восприятие прогрессивных ценностей правового государства и гражданского общества;
- формирование устойчивых навыков правомерного поведения;
- становление активной гражданско-правовой позиции, предполагающей потребность и умение осуществлять защиту личных и общественных интересов посредством использования разнообразных правовых средств и возможностей;
- формирование системы разумных потребностей, чувства долга и ответственности, выражающихся в проявлении нетерпимости к неправомерному поведению.

Таким образом, целевой компонент технологии формирования интеллектуальной сферы правосознания у будущих педагогов определяет общую содержательную направленность данного процесса.

Содержательный компонент предполагает формирование когнитивной правовой компетенции будущего педагога в ходе образовательного процесса. Результативность данного процесса, на наш взгляд, определяется использованием технологий личностно-ориентированного обучения. Основной среди них является лекция – беседа, предполагающая использование разнообразных компьютерных средств интерактивного обучения (в первую очередь, презентаций, онлайн тестов).

При этом важным условием обеспечения результативности реализации содержательного компонента формирования интеллектуальной сферы правосознания является работа в малых группах с обязательным привлечением практических работников – профессиональных юристов, взаимодействующих с обучаемыми в режиме вопрос-ответ. Их роль в качестве «сопреподавателей» позволит сформировать у обучаемых устойчивую потребность в получении необходимых для формирования когнитивной компетенции знаний.

Содержательный компонент технологии формирования правосознания предполагает четкую «фильтрацию» правовых знаний, составляющих когнитивную компетенцию обучаемых.

На наш взгляд, в ее основе должна находиться совокупность теоретических положений правовой теории о сущности права, его происхождении и функциональном назначении, норме права и ее структуре, современной системе права и ее элементах, наконец, о видах и особенностях нормативно-правовых актов как основополагающих источниках права в Российской Федерации. Кроме того, необходимо содействовать становлению устойчивого представления о сущности таких политологических категорий как правовое государство и гражданское общество.

Кроме того, в ходе лекций-бесед важно сформировать историческую когнитивную компетенцию обучаемых, что предполагает осознание ими объективной детерминации формирования системы правовой демократической государственности современной России. Для этих целей в образовательной программе следует предусматривать небольшой по объему курс лекций-бесед, посвященных сравнительной характеристике политико-правовых систем дореволюционного и советского вариантов отечественной государственности.

Инструментальный компонент технологии становления интеллектуальной сферы правосознания у будущих педагогов предполагает, во-первых, формирование и развитие у обучаемых определенных профессиональных компетенций, связанных с применением правовых знаний, а, во-вторых, их социально-психологическое сопровождение с целью профилактики деформации правосознания.

Результативное решение первой из указанных задач предполагает расширенный практический компонент в образовательной программе обучаемых, а также получение ими опыта профессиональной юридической деятельности.

Ведущими педагогическими технологиями реализации указанных задач являются аудиторные практические занятия, направленные на формирование навыков работы с разнообразными правовыми актами (с использованием специально-научных методов сравнительного правоведения и формально-юридического), а также решения разнообразных правовых задач (преимущественно гражданско-правового содержания, учитывая специфику данной отрасли права и интенсивность реализации гражданско-правовых правоотношений в современном обществе).

Ведущей технологией, обеспечивающей формирование практической юридической компетенции у обучаемых, является организация на базе образовательной организации юридических клиник, в форме общественных организаций, функционирующих в соответствии с нормами федерального законодательства, регламентирующего оказание бесплатной юридической помощи социально незащищенным группам населения. Будущим педагогам целесообразно организовывать краткосрочную трудовую практику в этих учреждениях.

Социально-психологическое сопровождение обучаемых с целью обеспечения профилактики деформации правосознания, предполагает целенаправленную деятельность структур образовательной организации, ответственных за воспитательную работу, направленную на решение следующих задач:

- своевременное выявление обучаемых, потенциально склонных к девиантному и деликвентному поведению;
- всестороннее исследование условий возникновения указанных склонностей и их исключения;
- определение воспитательных возможностей для ликвидации вышеуказанных негативных потенциалов у обучаемых «группы риска»;
- организация предупреждения возможного девиантного и деликвентного поведения обучаемых на основе тесного взаимодействия с их семьями, общественными организациями и правоохранительными органами.

Контрольно-оценочный компонент процесса формирования интеллектуальной сферы правосознания будущих педагогов позволяет определить его общую результативность и предполагает определение уровня правовой обученности, правовой образованности, правовой воспитанности и правовой развитости обучаемых.

Представляется, что решение данной задачи возможно на основании как объективных, так и субъективных показателей. К числу первых из них следует относить показатели успеваемости обучаемых, уровень их дисциплинированности, степень участия в деятельности разнообразных общественных организаций. Показатели второй группы характеризуют особенности мировоззренческой позиции обучаемых (отношение к праву, восприятие правовых ценностей, правовых установок, мотивов). Представление о ней можно составить, в первую очередь, на основе специального диагностического открытого теста, предполагающего выбор моделей возможных действий в рамках конкретной правовой ситуации.

Выводы и предложения. В совокупности интеллектуальная, эмоциональная и волевая сфера правосознания личности будущего педагога составляют необходимую основу для правомерной деятельности и поведения. Наличие негативных установок, ориентаций и позиций, незнание действующего законодательства, неуважение к праву и закону могут приводить к противоправному пове-

дению и деятельности. В связи с этим индивидуальное правосознание личности охватывает и положительные, и отрицательные компоненты.

Формирование правосознания личности будущего педагога – это сложный психолого-педагогический процесс, который охватывает целенаправленную, последовательную, систематическую деятельность органов образования, правоохранительных органов, иных государственных органов, общественных и правозащитных организаций, органов местного самоуправления, отдельных граждан по оказанию услуг в разъяснении и информировании положений права и законодательства, юридического и психологического консультирования с целью формирования у будущих педагогов определенной системы правовых знаний, правовых убеждений и установок, правового мышления, умений и навыков использования правовых средств, самостоятельно защищать свои права, правовых чувств (чувство уважения к праву и закону, законности, социальных ценностей, которые охраняются правом и т.д.), которые обеспечивают стабильность правомерного поведения и социально-правовую активность личности.

Государство возлагает обязанность формирования нравственных качеств и воспитания у будущих педагогов уважения к закону и общепринятых

правил поведения в обществе, формирования позитивного взгляда на здоровый способ жизни на высшие учебные заведения. Следовательно, учебные заведения являются главным инструментом в формировании правосознания будущего педагога, обеспечении правового просвещения молодых педагогов.

Список литературы:

1. Ахмедшин Р. Л. Психологические аспекты феномена «правосознание» / Р. Л. Ахмедшин // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №344. – С. 118-119
2. Байниязов Р. С. Правосознание: психологические аспекты / Р. С. Байниязов // Правоведение. – 1998. – №3. – С. 16-21.
3. Бакулов В. Д. Дихотомия правопонимания и правосознания. Сущность и структура правосознания / В. Д. Бакулов, И. В. Пашенко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – №6. – С. 99-108.
4. Безносков Д. С. Правовое сознание: структура, содержание, виды / Д. С. Безносков // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер.12. – 2008. – Вып. 2. – С. 59-70.
5. Щербакова Н. В. Правовая установка и социальная активность личности / Н. В. Щербакова. – М. : Юридическая литература, 1986. – 127 с.

Oderov A.M.

Candidate of Science in Physical Education, senior lecturer of the department physical education, special physical training and sports and sports the National Academy of the Army

Alexander Zonov

Senior lecturer of the department physical education, special physical training and sports and sports Military Institute of Tank Forces NTU "KhPI"

Evgeny Ishchenko

Lecturer of the department physical education, special physical training and sports Military Institute of Tank Forces NTU "KhPI"

Одеров А.М.

кандидат наук з фізического виховання і спорту, старший преподаватель кафедри фізического виховання, спеціальної фізическої підготовки і спорту

Національна академія сухопутних військ імені гетьмана Петра Сагайдачного

Зонов О.В.

Старший преподаватель кафедри фізического виховання, спеціальної фізическої підготовки і спорту Военного інститута танкових військ НТУ «ХПІ»

Ищенко Е.А.

Преподаватель кафедри фізического виховання, спеціальної фізическої підготовки і спорту Военного інститута танкових військ НТУ «ХПІ»

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

ANALYSIS OF PHYSICAL TRAINING EXAMINATION AND EVALUATION SYSTEM OF THE SERVICEMEN OF THE ARMED FORCES

Аннотация. В статье проведен литературный анализ содержания методик проверки и оценки физической подготовленности военнослужащих Вооруженных Сил Украины, взвешены и оценены наиболее важные составляющие этих систем (содержание и методики физической подготовки, проверка и оценка, подготовка специалистов). Выявлены основные недостатки в системе проверки и оценки физической подготовки (ФП) военнослужащих Вооруженных Сил Украины (ВСУ), возможные пути их решения, основные направления совершенствования данной системы. Определены перспективу дальнейших исследований в данной области.

Annotation. The article provides literal analysis of the contents of methodologies of examination and evaluation of physical preparedness of servicemen of the Armed Forces of Ukraine. The most important components of those systems are evaluated (contents and methodology of the physical training, examination and evaluation, training of specialists). The main drawbacks in examination and evaluation of physical training (PT) of servicemen of the Armed Forces of Ukraine (AFU) are shown, possible ways of their solution and the ways of improvement of the existing system are indicated. The perspective of further research in this area is determined.

Ключевые слова: система, оценка, контроль, проверка, военнослужащие, физическая подготовленность, боеготовность.

Key words: system, evaluation, control, examination, servicemen, physical preparedness, combat readiness.

Введение. Опыт боевых действий последних лет поставил перед необходимостью научных обоснований соответствующей физической подготовки военнослужащих. События в мире, в нашей стране свидетельствуют о том, что Украине необходима хорошо обученная, современная армия. Именно поэтому, на данный момент физической подготовки принадлежит одна с важных ролей в повышении боевого мастерства, военно-профессиональной работоспособности военнослужащих и применении ими всех средств во время выполнения боевых задач. Занятия физическими упражнениями, как любая деятельность, которая выполняется в течение определенного времени имеет строго определенную цель и предусматривает конечный результат. Средством определения результата является про-

верка, а значимость результата обуславливается соответствующей оценкой, поэтому в период реформирования Вооруженных сил появилась возможность отказаться от устаревших методов проверки и оценки физической подготовки и осуществления поиска наиболее эффективных критериев проверки и оценки физической подготовленности военнослужащих всех военных специальностей ВС Украины [2], внедрение эффективных способов оценки и организации проверки военнослужащих [3].

Как показывает практика существования Вооруженных сил, такие прогрессивные изменения могут происходить в разной степени и в разных объемах: либо вообще во всей системе, или в отдельных ее частях, элементах, компонентах. Прогресса подлежит любая система, в том числе и система физической подготовки под воздействием

объективных причин, независимо от субъективных условий. Актуальный вопрос возникает уже сегодня: каким должен быть уровень физической подготовленности военнослужащих профессиональной армии? Чтобы ответить на него, нужно проанализировать в первую очередь требования, которые выдвигает современный бой к физической подготовленности военнослужащих и определить уровень, который позволяет им успешно решать двигательные задачи во время боя [5]. Поэтому прогрессивные изменения форм боевого применения Вооруженных сил и способа их комплектования обуславливают перестройку всей системы физической подготовки, в частности системы контроля и проверки, которая обеспечивает эффективное управление процессом физического совершенствования военнослужащих.

Основная часть. В настоящее время уровень физической подготовленности личного состава Украинской армии в основном оценивается лишь как удовлетворительный. Физическая подготовка пока еще не стала действенным средством повышения боеспособности войск. В немалой мере это зависит и от несовершенства действующей системы контроля и, в частности, от слабой стимулирующей роли проверки и оценки физической подготовки.

В работах С.В. Романчука указано, что занятия физическими упражнениями, как любая деятельность, выполненная в течение определенного времени имеет строго определенную цель и предусматривает конечный результат. Средством определения результата является проверка, а значимость результата обуславливается соответствующей оценкой. Поэтому актуальной остается проблема обоснования системы проверки и оценки военнослужащих различных специальностей, определение специальных упражнений и комплексов по специальной подготовленности, развития физических навыков, позволяющих повысить уровень военно-профессиональной готовности военнослужащих.

А.А. Нестеров указывает, что на данный момент проверяются и оцениваются далеко не все элементы системы физической подготовки. Одной из причин данного обстоятельства выступает тот факт, что у специалистов не сложилось единого мнения о системе физической подготовки и ее составных частях. Предпринимаемые в последние годы попытки уточнить научные представления по данному вопросу также пока выглядят не вполне убедительно. Объяснение этому мы находим в том, что само выражение «физическая подготовка» имеет много значений.

На наш взгляд, любая система физической подготовки, имея системообразующим фактором требования, предъявляемые соответствующей военно-профессиональной деятельностью к физической готовности личного состава, включает в себя три основных компонента: подсистему методологических установок; подсистему физического совершенствования военнослужащих (физическую подготовку в узком смысле слова); подсистему управления физическим совершенствованием военнослужащих.

Физическая подготовка, являясь одной из составных частей воинского обучения и воспитания военнослужащих, одновременно выступает и как предмет их боевой подготовки. Однако следует сказать, что в НФП-2014, да и в предыдущих наставлениях, не было четкого разграничения этих двух разных понятий. Вследствие этого на учебные занятия по физической подготовке механически переносилась цель и задачи, которые можно решить только с помощью всей системы физической подготовки, всех ее форм: утренней физической зарядки, учебных занятий, физической тренировки в процессе учебно-боевой деятельности и спортивно-массовой работы. Данное обстоятельство привело к тому, что многие специалисты физической подготовки и командиры воинских подразделений и частей несколько преувеличивают роль учебных занятий (как предмета боевой подготовки) и недооценивают значимость других форм физической подготовки и особенно физической тренировки в процессе учебно-боевой деятельности. В системе контроля физической подготовки это проявляется в том, что проверяется и оценивается не эффективность физической подготовки как составной части воинского обучения и воспитания, а ее эффективность лишь как предмета боевой подготовки со всеми вытекающими отсюда последствиями. В частности, достижение основной цели физической подготовки – обеспечения физической готовности военнослужащих к боевой деятельности – не проверяется и не оценивается. К сожалению, в руководящих документах и в практике деятельности специалистов физической подготовки и спорта специфика отдельных задач контроля учитывается мало. Стремление к максимальному упрощению системы проверки и оценки физической подготовки в конечном счете ведет к снижению ее объективности.

В настоящее время действующие нормативы по физической подготовке не определены путем изучения и анализа реальных требований боевой деятельности к физическому состоянию военнослужащих (на что обращали внимание многие специалисты), а в основном искусственно подогнаны к фактическому уровню физической подготовленности приходящего в армию и ВВУЗ нового пополнения (курсантов) [4].

Как уже указывалось, что главной целью физической подготовки Вооруженных сил Украины является обеспечение физической готовности военнослужащих к боевой деятельности. Однако, как это ни парадоксально, в действующей системе контроля физической подготовки совершенно нет никакого инструмента для определения степени достижения цели физической подготовки, ее результативности в отношении формирования и поддержания физической готовности личного состава к успешным действиям в современном бою.

Еще в 1973 г. Л.А. Вейднером-Дубровиным был поставлен вопрос о необходимости тесной взаимосвязи задач физической подготовки и ее нормативов [1], а в 1986 г. В.А. Щеголевым было сакцентировано внимание на том, чтобы система контроля давала возможность проверить и оценить решение

каждой общей и специальной задачи физической подготовки [6]. Реализация данных предложений может лишь частично оптимизировать систему проверки и оценки физической подготовки. Это связано с тем, что в настоящее время вместо физической готовности военнослужащих проверяется и оценивается в основном только уровень их физической, а в большинстве случаев, двигательной подготовленности, обычно характеризующей степень развития физических качеств и овладения двигательными навыками. Для большинства военных специалистов данные показатели являются главными в структуре их физического состояния, но они одни, без привлечения других слагаемых, не могут в полной мере отобразить степень физической готовности личного состава к боевой деятельности. Таким образом, для того чтобы обеспечить максимальное стимулирующее воздействие системы контроля на процесс физического совершенствования личного состава армии, необходим комплексный, системный подход к обоснованию и внедрению в практику всех его основных элементов.

Заключение. Анализ и исследование содержания системы оценки и проверки физической подготовленности Вооруженных Сил показал, что общими недостатками являются:

- 1) отсутствие учета реальной динамики уровня физической подготовленности исследуемого контингента;
- 2) отсутствие дифференцированного подхода к различным контрольным упражнениям при оценке физической подготовленности военнослужащих;
- 3) заниженная роль оценки физической подготовки по сравнению с оценкой других предметов боевой подготовки;
- 4) несоответствие между требованиями современного боя и готовностью военнослужащих;
- 5) слабая разработанность порядка выставления общей оценки по физической подготовке слушателям и курсантам военно-учебных заведений и курсантам учебных частей, предназначенных для подготовки командиров отделений;
- б) недостаточная эффективность существующих средств и методик проверки и оценки физической подготовленности военнослужащих к ведению боевых действий.

С целью дальнейшего усиления стимулирующей роли контроля физической подготовки целесообразно несколько сузить перечень контрольных упражнений, включая в него наиболее информативные тесты, а также конкретизировать требования к

назначению упражнений для проверки. Такими требованиями, как минимум, должны быть следующие:

- упражнения на общую или скоростную выносливость назначаются для проверки во всех случаях, а остальные – с учетом прохождения программы по решению проверяющего;
- в число упражнений для проверки обязательно включаются специальные упражнения (упражнения, направленные на решение специальных задач физической подготовки);
- уровень развития каждого качества и навыка проверяется не более чем по одному упражнению.

Поэтому в дальнейшем планируем провести математически-статистическую обработку требований взаимозависимости профессиональной и физической подготовленности военнослужащих различных специальностей.

Библиографический список

1. Вейднер-Дубровин Л.А. Взаимосвязь задач, содержания, упражнений и нормативов физической подготовки, норм и требований Военно-спортивного комплекса и Военно-спортивной классификации / Л.А. Вейднер-Дубровин // Тезисы докл. итог. научн. конф. факультета за 1973 г. – Л.: ВДКФФКиС, 1974. – С. 24.
2. Леонтьев В.П. Нормативное обеспечение физической подготовки курсантов высших военно-учебных заведений Сухопутных войск Министерства обороны Украины: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. наук з фіз. виховання і спорту: спец. 24.00.02 «Физическая культура, физическое воспитание различных групп населения» / В. П. Леонтьев. – К., 2000. – 22 с.
3. Миронов В.В., Юрченко А.А. Модель процесса формирования у курсантов инженерных вузов ВВС организаторско-методических навыков физического совершенствования военнослужащих / В.В. Миронов, А.А. Юрченко // Физическая подготовка, боеспособность и здоровье военнослужащих. – СПб.: ВИФК, 2003. – С. 85-89.
4. Попов Л.П., Юманов Н.А. Некоторые вопросы научного обоснования системы проверки и оценки физической подготовки / Л.П. Попов, Н.А. Юманов. – Л.: ВДКИФК, 1984. – С. 7 и 24.
5. Романчук С. Фізична підготовка в Сухопутних військах Збройних сил провідних держав НАТО / Сергій Романчук, Віктор Романчук // Молода спортивна наука України : зб. наук. пр. з галузі фіз. культури та спорту: – Л., 2010. – Вип. 14, т. 2. – С. 205–209.
6. Щеголев В.А. О соответствии средств, методов и системы проверки задачам физической подготовки / В.А.Щеголев // Тезисы докл. итог. научн. конф. за 1986 г. – Л.: ВДКИФК, 1987. – С.41.

*Oliinyk O.V.**PhD in Social Communication Studies, Associate Professor**Kharkiv State Academy of Culture**Derevianko I.V.**Lecturer**Kharkiv State Academy of Culture*

A SURVEY ON DISTANCE LEARNING POPULARITY AND CREDIBILITY VALUE IN UKRAINE

Abstract.

In this study, popularity of online mode of education was investigated by surveying 120 people, 92,6% of whom are living in Ukraine. The electronic survey was administered asking the people of different ages and background about their experience in online learning in general and learner-learner, learner-instructor, learner-content, and learner-interface interactions in particular. In the survey, they answered questions about their satisfaction with the course in case they have taken any. In addition, the academic, social, and technical aspects of their online interactions were examined. A little bit more than a half of the participants (55,4 %) reported that their expectations such as text chat and the webcam, facilitated interaction among the students and with the instructor in the virtual classroom, were met. In describing their reasons for taking online courses, respondents most frequently cited wider resource availability, timesaving opportunities, enhancing student learning, and the availability of technology. The importance of students' ability to receive immediate feedback was highlighted across the various kinds of interaction. Nevertheless, 52,5% of the respondents stated that they would still prefer traditional learning in the traditional classroom in future, while only 35% would prefer online mode. It should be taken into account that the survey was given through a social network, i.e. participants were already digitally knowledgeable. This study has implications for those who are considering adopting virtual classroom technologies for their online or blended teaching in Ukraine.

Keywords: Synchronous, virtual classroom, learner-learner, learner-instructor, learner-content, learner-interface, interaction, online courses, virtual classroom, technology adoption, technology uptake, technology use

Formulation of the problem.

The term virtual classroom covers the different infrastructures using different technologies to create it. It is used to range from a closed-circuit interactive television system among different schools in a region or different regions, as explained by Hobbs and Christianson (8 p.37), to the variety of the internet applications of today. The infrastructure of the Internet-based synchronous virtual classroom should have some specifications. First of all, all the participants must definitely be included in the broadcasted program on the Internet. Broadcast information might include the audio and the video of the instructor, or some other information sources like animations, presentation slides, texts, stable or motion pictures. Secondly, the learners as well as the instructor can ask and answer questions or give comments during the class. These questions, answers, or comments should be shared by all the participants immediately. As stated by Pinar and Campo (18 p.1547) the effectiveness of any kind of virtual classroom depends on the infrastructure used in it. Interaction is crucial to student satisfaction in online courses.

The availability of technology and expertise with technology play an important role for faculty adopting virtual classroom technology. However, the synchronous virtual classroom is an easy-to-use tool, and requires minimal training for instructors to begin using. With regard to social factors, peer support and the ability to promote a sense of community were important. In contrast to the organizational and social factors, personal factors were more inclined to influence faculty to adopt synchronous virtual classrooms.

Synchronous virtual classrooms have an advantage over traditional courses during lecturing. During an interactive synchronous lecture, students can

type questions and comments without interrupting the presenter. These questions benefit the students asking them as well as the entire class because every student can see the questions. This builds critical thinking skills by causing them to reflect on the questions and posit answers to them for themselves. It can also draw their attention to material they missed and provide information when the question is answered. Text comments additionally allow students to see the learning status of their peers and gauge their learning comparatively. However, this does require the instructor to multitask by monitoring the text chat or being present in the virtual classroom; not every instructor may be capable of multitasking in this manner. Students involved in virtual classrooms improved their problem solving skills, critical thinking, and written communication skills.

Analysis of recent research and publications.

Over the course of the last decade, many changes have occurred in the emerging economies that support education programmes. One of the key changes is the wide-spread use of the internet in teaching, which facilitates communication among learners, teachers and sharing resources for learning. The cost of education is another factor driving the change. In emerging economies, with an increase in the population, the cost of conventional education has increased significantly (15); while on the other hand, the cost of storing and transmitting information has been falling due to innovations in DL technologies.

As a reasonable and more affordable alternative to conventional education, DL settings have begun to be used all over the world and research studies have focused on various aspects of distance learning settings in the last decade. For instance, Tricker, Rangecroft, Long and Gilroy (24 p.69) have focused on the quality of

feedback, materials and tasks in DL. Fuks, Aurelio, Gerosa and De Ducena (5 p.25) motivate for the instructor's role in facilitating and managing counselling cooperative learning within the DL environment. Spangle, Hodne and Schierling (22) have meanwhile evaluated more than 1200 students in order to determine students' communication skills, the design of activities and the quality of feedback. Time management was also evaluated in DL practices, taking note of variables in technology, context and class size. Richardson and Newby (20) focused on students' responsibilities for their own learning. Puzziferro (19) investigated the relationships between student satisfaction, grades and performance in higher education. In another study, students' perspectives reflect that effective teachers should be visibly and actively involved in their learning, and should provide a flexible learning environment (26, p.69).

Following the improvements in DL systems, new features in synchronous communication augmented DL systems. Considering the idea that effective learning comes by means of real time interactions, a number of higher education institutions have begun to launch courses within synchronous settings. Virtual classrooms are one of the main components of synchronous settings, which share certain similarities with 'real' classrooms. In this context, Lonie and Andrews (10, p.10) have addressed the new technical and pedagogical roles and responsibilities of instructors in managing virtual classrooms. Stewart, Harlow and DeBacco (23) studied both student-instructor and student-student interactions. The authors found that enhanced video-conferencing, whiteboards, and chatting and discussion boards can support the interactions in synchronous DL. In addition, Lowrie (11 p.40) studied learning engagement in DL settings; Goldwater and Fogarty (6 p.1175) focused on classroom management in virtual classrooms; and Chiu, Yang, Liang and Chen (3 p.580) discussed the students' participation style and its effect on success in virtual classrooms.

Educators and researchers are concerned that quality assurance procedures for the design and delivery of DL courses have been ignored (16 p.260). Thus, with the increasing number of applications using DL, researchers have started to look at evaluations of the quality of DL at different dimensions. For example, Mhloni-Mahlatsi and Van Tonder (14) studied evaluations of the mentoring system, with a focus on effective mentoring. Recommendations are made for different stakeholders on how the mentoring system can be improved for DL. Chaney, Dorman, Glessner, Green & Lara-Alecio (2) listed common quality indicators, including: clear analysis of audience; institutional support and resources; faculty support services; mission of the institution; reliability of technology; and review of instructional materials. Wang, Solan and Ghods (25) noticed that course quality and system quality interact with one another, and both lead to changes in the DL environment. They found that course quality significantly affects both system flexibility and the faculty-perceived impact of distance education.

Some studies have found no significant differences in assessing interaction between students in a

synchronous and asynchronous course (13). On the other hand, several studies have found that well-designed courses can be more interactive than others (7). Roblyer and Ekhaml (20) designed a four-dimensional rubric that helps to score the interactivity of distance education based on four criteria: 1) social goals of interaction, 2) instructional goals of interaction, 3) types and uses of technologies, and 4) impact of interactive qualities as reflected in learner response. Northrup (17) proposed five different purposes for interaction: to interact with content, to collaborate, to converse, to help monitor and regulate learning, and to support performance.

Unsolved part of the problem.

Certain broader implications were found for DL in higher education. For instance, when instructors become increasingly familiar with synchronous technologies, they will organise the learning environments more effectively. Instructors also need to be pioneers in terms of having the flexibility to make adjustments when the technology does not work as expected. Managers should choose software with the flexibility to support different levels of course design (25). Furthermore, learners should be taught how to use DL systems and be able to gain experience in new tasks such as researching, solving problems, and making collaborative studies in new settings.

The problem of trust in the effectiveness and credibility value of distance education has been gaining more and more importance in the recent years. More and more people are ready to try this new format; however, their first negative experience as well as some common prejudice can prevent the further spread and popularity of online mode.

Virtual classrooms have multiple uses, such as the ability to be accessed simultaneously from different locations, as a tool for collaboration and video calls, and as a platform to deliver and retrieve online lectures. Virtual classroom archives also provide professional development opportunities, both in terms of live virtual training and for self-review, by (re)viewing the archives of previous sessions. Synchronous systems can not only be integrated into online courses, but also into blended courses. Adding two or three virtual sessions enriches the asynchronous course and provides opportunities for students to communicate in real time with their instructor and other classmates. Encouraging instructors to talk to their peers about the use of virtual classrooms exposes fellow instructors to the knowledge of how synchronous technology may benefit them and enhance their instruction.

The purpose of the article

In emerging economies, the tendencies on using synchronous sessions of DL require assessing this kind of environments. So, identifying the advantages and limitations of the synchronous sessions in virtual classrooms when employing DL can provide crucial insights for distance educators.

Thus, this study evaluates distance learner perceptions about the quality of a course delivered in virtual classroom. The quality of the DL setting is investigated in three dimensions (teaching, learning and interaction), by a questionnaire.

The purpose of the study was to understand the capability of the synchronous virtual classroom in the modern day Ukraine. The research questions that are answered are as follows:

1. What perceptions do the Ukrainians have about the online mode?
2. Are those participants who had an online experience satisfied with the results?
3. Did the participants manage to apply the knowledge gained online in practice?
4. What goals professional or non-professional were they pursuing when taking an online course?
5. Was there enough interaction during the course?
6. Which mode traditional or virtual would they prefer in future and why?

Results

True e-learning attempts to recreate, as far as possible, more traditional face-to-face learning environments, whilst simultaneously trying to leverage the obvious differences between the bricks and mortar classroom and the virtual one.

In this study we have conducted a survey collecting data on the popularity and credibility value of online learning. 120 people, 92,6% of whom are living in Ukraine, took part in it. The questionnaire was given on a personal FB page with a request to answer. So the respondents are mostly the people who are active users of social networks. The age-groups were the following: 32,3% - under 25 years old, 37,2% - from 26 up to 40 years old, 28,9% - from 41 up to 55%. As for the sex differentiation mostly women were very active (79,6%) and only 23,1% were men. Out of those who responded 42,1% hold Master's Degree, 24% are undergraduate students and 11,6% have Bachelor's.

47,9% of respondents have no experience in online education, which is quite a high figure, while the 50,4% took an online course at least once. Though 75,2% would like to take an online course and only 18,2% are against such an idea.

Out of 80 answers 52,5% participants confirmed completing the course, while 32,5% dropped out and that is quite a high rate. These figures correlate with the rate of satisfaction with the courses. 55,4% of the respondents were satisfied and 33,8% were disappointed. Though the next piece of data gives us the following 66,7% managed to implement the knowledge gained in such a way in practice and only 28% didn't do it. 61,3% took an online course for professional purposes and for 25,3% it was a hobby. 50% state that the teacher-student interaction was satisfying and for 41,7% it was not. That as well as practically the same figures about student-student interaction (49,3% and 41,1% respectively) probably accounts for the general preferences towards traditional mode. The technical side was mostly satisfactory (58,9%) and only 32,9% encountered technical difficulties.

So though online tutoring, by extension, is similar to face-to-face tutoring, with the most obvious difference being that online tutors will rarely meet course participants and will therefore need to work harder to

emulate the social atmosphere and group dynamic characteristic of the face-to-face course. That seems to be the biggest obstacle on the way to popularizing such modes in Ukraine. Online tutoring is part pastoral, part technical, part pedagogical and very hard work. It is neither a cheap nor an easy option - a point worth bearing in mind when considering the jump to online courses, whether you are a centre director, a course director or a potential tutor. Much more time is needed in online courses in what is often called the socialisation, 'getting to know each other' phase. Whilst 30 minutes may often suffice with a face-to-face group, it's often necessary to spend up to a week online to achieve the same feelings of group identity and collegiality.

Another negative is that institutions who implement e-learning often see it as the 'cheap' alternative to face-to-face teaching, and underestimate the amount of hours that an online tutor will need to put in to run a successful online course. Luckily this rather blinkered view is becoming less prevalent, as online course providers realise that offering quality online courses is the only way forward - and that this implies some investment in effective materials design, and in tutor training and tutor time.

Students perceived the virtual classroom as a means of enhancing learner-learner, learner-instructor, learner-content, and learner-interface interaction. The tools and strategies recommended by the students, instructor, and the archive analysis have implications for those who are considering teaching synchronously using the virtual classroom or adding synchronous components to asynchronous courses. The synchronous virtual classroom tools support authentic forms of interaction with reduced cost of travel and added flexibility. Instructors who use synchronous systems to teach are able to immediately address student understanding of the instructional concepts in an online setting. The best practices recommended in this study can help instructors conduct effective synchronous class sessions with enhanced interaction. This study recommends using different features such as text, audio, and video chat, polling, emoticons, application sharing, eboard, and breakout rooms to enhance interaction. The technical difficulties and disadvantages can be minimized by a) training the students ahead of time to use the applications, b) asking students to use the setup wizard before each class session, c) having students login ahead of time to help troubleshoot any potential technical difficulties, and d) providing a reference guide to address technical difficulties.

Conclusion

Online learning requires active learning individuals who are responsible for their own learning, who can motivate themselves, who are aware of their weaknesses and strengths and who can use the appropriate strategies for facilitating their learning and overcoming the obstacles. When we consider that these learners are the nominees of training the next generations, becoming autonomous becomes much more important for them in training their own learners to become autonomous, because as Kumaravadivelu (9) points out, autonomous learners deserve autonomous teachers.

Therefore, it can be concluded that one of the biggest advantages of the virtual classroom is the opportunity it gives to the students in encouraging them to become autonomous.

Basing on their findings, Chou and Liu (4) conclude in their study that students learning in a technology based virtual learning environment have better learning effectiveness than their counterparts in traditional classrooms. They also have better performances, have higher computer self-efficacy because of having higher control on their learning, are more willing to join the class interaction with the other students and the instructor. As a result, it can be concluded that the virtual classroom application facilitated increased authentic interaction, and allowed greater learner autonomy. Especially shy students stated that they could participate in the lesson much easily when they did not feel spotlighted as in a traditional classroom. When the number of answers given to the teachers' questions was considered, the positive effect of virtual classroom can be understood easily in engaging the learners to the lesson actively.

Beyth-Marom, Saporta and Caspi (1) strongly argue that students should not be perceived as a homogeneous group, but as different individuals with different learning habits, learning styles, preferences and needs. While some students prefer to be autonomous and control their own learning fully, others may need more guidance of the teachers. Therefore, while designing courses we have to find out their preferences, and as they state, we have to be more creative in responding to various styles. While no single instructional method or educational technology can be effective for all types of students, advances in technologies can help us in providing variety in our instruction.

If the degree of enjoyment the learners get by the content and the method of delivery is considered as the criterion of evaluating the success of the program, as argued by Mantyla and Gividen (12), virtual classroom could be regarded as an effective and successful online course. When the learners' different learning styles and preferences are considered, however, it would be advisable to include a face-to-face component in order to address to the group of students who prefer it.

Researchers are encouraged to address the following aspects and limitations as they expand upon the work done in this study. Some methodological limitations of this study include the sample size, mono-method source bias, and use of self-report data. The survey was posted online on a personal Facebook page and unfortunately, many people did not respond. This may be due to the sampling procedure: a lack of familiarity with the material and asking people to complete a survey without any incentive or personal investment. It is also recommended that researchers use larger sample sizes to examine the relationship among demographic characteristics such as age, years of professional experience, and rank/title. Future research can ascertain whether people using virtual classroom technology take online courses at the undergraduate or graduate levels, or some combination of the two, or in some areas of life-long education. Scholars should also incorporate information about the specific courses taught within

virtual classrooms. An examination of virtual classroom use by the same instructors over time could help to demonstrate whether instructional strategies within synchronous online environments diminish, expand, or remain constant over time. The subject of the course and the student audience taught also has an influence on the use and adoption of virtual classroom technologies that should be examined. This study did not analyze the data based on the subject area or propose best practices for specific types of content delivery based on subject area; however, it would benefit instructors and administrators in Ukraine for future studies to address these areas.

References:

1. Beyth-Marom, R. Saporta, K. & Caspi, A. (2005) Synchronous vs. Asynchronous Tutorials: Factors Affecting Students' Preferences and Choices. *Journal of Research on Technology in Education*. V:37, N: 3, pp. 245-262.
2. Chaney BH, Eddy JM, Dorman SM, Glessner L, Green BL & Lara-Alecio R 2007. Development of an instrument to assess student opinions of the quality of distance education courses. *American Journal of Distance Education*, 21(3):145-164.
3. Chiu CH, Yang HY, Liang TH & Chen HP 2010. Elementary students' participation style in synchronous online communication and collaboration. *Behaviour & Information Technology*, 29(6):571-586.
4. Chou, S. H. & Liu, C. H. (2005) Learning Effectiveness in a web-based Virtual Learning Environment: A Learner Control Perspective. *Journal of Computer Assisted Learning*. V: 21, pp. 65-76.
5. Fuks A, Gerosa MA & Lucena CJP 2002. The development and application of distance learning courses on the internet. *The Journal of Open and Distance Learning*, 17(1):23-38.
6. Goldwater PM & Fogarty TJ 2012. Location does not have to be destiny: student evaluation and integrity controls in a management accounting class. *Behaviour & Information Technology*, 31(12):1173-1179.
7. Hirumi, A., & Bermudez, A. (1996). Interactivity, distance education, and instructional systems design converge on the information superhighway. *Journal of Research on Computing in Education*, 29(1), 1-16.
8. Hobbs, Vicki M. & Christianson, J. Scott (1997) *Virtual Classrooms: Educational Opportunity through Two-Way Interactive Television*, Technomic Publication, Lancaster.
9. Kumaravadevelu B. Method, antimethod, postmethod. In Alan Pulverness (Ed.) *IATEFL 2002 Conference Selections* (pp. 11-22). London: International Association of Teachers of English as a Foreign Language.
10. Loniie AL & Andrews T 2009. Creating a rich learning environment for remote postgraduate learners. *Education in Rural Australia*, 19(1):3-13.
11. Lowrie T 2007. Learning engagement in distance and rural settings: Four Australian cases. *Learning Environments Research*, 10(1):35-51.

12. Mantyla, K. & Gividen, J. R. (1997) Distance Learning: A Step-by-Step Guide for Trainers, ASTD Publication, Alexandria.
13. Miller, W. W., & Webster, J. (1997, December). A comparison of interaction needs and performances of distance learners in synchronous and asynchronous classes. Paper presented at the American Vocational Association Convention, Las Vegas, NV.
14. Mohono-Mahlatsi L & Van Tonder F 2006. The effectiveness of mentoring in the Distance Teacher Education Programme at the Lesotho College of Education: Student teachers' and tutors' perceptions. South African Journal of Education, 26:383-396.
15. Moore M & Kearsley G 1996. Distance education: a systems view. Belmont, CA: Wadsworth.
16. Motiwalla L & Tello S 2000. Distance learning on the Internet: An exploratory study. The Internet and Higher Education, 2(4):253-264.
17. Northrup, P. (2001). A framework for designing interactivity into web-based instruction. Educational Technology, 41(2), 31-39.
18. Pinar, F.J.R., Campo, A.F.D., (1998) "Multimedia Systems Based on Satellite Technology", Computer Networks and ISDN Systems, V: 30, pp: 1543-1549.
19. Puziffero M 2008. Online technologies self-efficacy and self-regulated learning as predictors of final grade and satisfaction in college-level online courses. American Journal of Distance Education, 22(2):72-89.
20. Richardson JC & Newby T 2006. The role of students' cognitive engagement in online learning. The American Journal of Distance Education, 20(1):23-37.
21. Roblyer, M., & Ekhaml, L. (2000). How interactive are YOUR distance courses? A rubric for assessing interaction in distance learning. Online Journal of Distance Learning Administration.
22. Spangle M, Hodne G & Schierling D 2002. Approaching value-centered education through the eyes of an electronic generation: Strategies for distance learning. Paper presented at the meeting of the National Communication Association, New Orleans, LA.
23. Stewart AR, Harlow DB & DeBacco K 2011. Students' experience of synchronous learning in distributed environments. Distance Education, 32(3):357-381.
24. Tricker M, Rangecroft M, Long P & Gilroy P 2001. Evaluating distance education courses: the student perception. Assessment & Evaluation in Higher Education, 26(2):165-177.
25. Wang J, Solan D & Ghods A 2010. Distance learning success - a perspective from sociotechnical systems theory. Behaviour & Information Technology, 29(3):321-329.
26. Young S 2006. Student views of effective online teaching in higher education. American Journal of Distance Education, 20(2):65-77.

Serhiienko T.M.,

*a lecturer of Foreign languages and military translation department,
National Army Academy named after hetman Petro Sahaidachnyi, Lviv*

Medvid M.M.,

*Doctor of Economics, senior researcher,
Chief of the Department of the Methodical Support of Education,
The National Academy of the National Guard of Ukraine, Kharkiv*

Riutin V.V.

*PhD in Pedagogy, senior lecturer,
The Head of the Department of Pedagogy and psychology department,
The National Academy of the National Guard of Ukraine, Kharkiv*

Сергиенко Татьяна Николаевна,

*преподаватель кафедры иностранных языков и военного перевода,
Национальная академия сухопутных войск
имени гетмана Петра Сагайдачного, Львов*

Медвидь Михаил Михайлович,

*доктор экономических наук, старший научный сотрудник,
Национальная академия Национальной гвардии Украины, Харьков*

Рютин Виталий Васильевич

*кандидат педагогических наук, доцент,
начальник кафедры психологии и педагогики,
Национальная академия Национальной гвардии Украины*

**THE MODEL OF SOCIAL AND PEDAGOGICAL PREVENTION OF DISADAPTATION OF JUNIOR COURSES CADETS OF HIGHER MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND ANALYSIS OF THE RESULTS OF THE EXPERIMENT FOR ITS IMPLEMENTATION
МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕЗАДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ЕЕ ВНЕДРЕНИЮ**

Resume: In the article according to the results of our research, a structural and functional model of the social and pedagogical prevention of the disadaptation of junior courses cadets of higher military educational institutions was proposed. Analyzing the results of the formative stage of experimental work, it was established that all the

conditions of the experiment were sustained, and the aim of the structural and functional model of the social and pedagogical prevention of the disadaptation of junior courses cadets of higher military educational institutions was achieved.

Key words: disadaptation of junior courses cadets, social and pedagogical prevention, model, pedagogical conditions, experiment.

Аннотация. В статье по результатам проведенных исследований предложено структурно-функциональную модель социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведений. Анализируя результаты формирующего этапа опытно-экспериментальной работы установлено, что все условия проведения эксперимента были выдержаны, а цель разработанной структурно-функциональной модели социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведений достигнута.

Ключевые слова: дезадаптация курсантов младших курсов, социально-педагогическая профилактика, модель, педагогические условия, эксперимент.

Исследованием служебно-боевой деятельности сегодня уделяется значительное внимание в связи с ростом численности войн, международных конфликтов и террористических актов в мире. Одной из особенностей такой деятельности является сложный процесс адаптации военнослужащих к нему. Особое внимание в данном процессе требуют курсанты высших военных учебных заведений (ВВУЗ).

Молодые люди, которые сделали свой профессиональный выбор и стали курсантами ВВУЗа, оказались в особых условиях военной организации и в условиях одновременного референтного окружения военного и гражданского социумов. Неоднозначное отношение последнего к профессиональному выбору молодых курсантов вызывает сложные моральные и психологические состояния первокурсников. Как следствие, курсанты оказываются в состоянии дезадаптации, что приводит к значительным психофизиологическим потерям. Значительная часть курсантов младших курсов прибегают к различным формам дезадаптивного поведения: нарушение уставных правил взаимоотношений, употребление спиртных напитков, самовольные оставления территории ВВУЗа и т.п. Часть молодых курсантов существенно переосмысливают свой профессиональный выбор и оставляют учебу, а в отдельных случаях осуществляют акты аутоагрессивного поведения. Решение указанной проблематики лежит в плоскости социально-педагогической науки, которая имеет инструментарий для создания соответствующей педагогической среды для профилактики дезадаптации курсантов младших курсов.

Проблемы адаптации и дезадаптации личности в военной среде активно исследуются многими учеными гуманитарной сферы. Процессы психологической адаптации к боевой деятельности и нарушения этого процесса у военнослужащих исследуют современные военные психологи И. Липатов, Л. Шестопалова, В. Афанасенко, Ю. Горбенко, А. Маклаков и другие. Проблемы адаптации различных категорий военнослужащих – военнослужащих срочной службы, военнослужащих миротворческого контингента, офицеров-выпускников – стали объектом научных исследований психологов Н. Агаева, Л. Войтовича, Р. Егорова, Л. Кандибович, В. Невмержицкого, Г. Петрука, Ю. Широкова, М. Дьяченко, И. Каськива, В. Кислого и других. Исследуя адаптационные процессы курсантов военного вуза, С. Чистяков, А. Сафин, В. Юсипо-

вич, А. Злотников указывают на психопрофилактику внутриличностных конфликтов курсантов. В. Гичун разработал и внедрил систему профилактики и лечебно-профилактических мероприятий аутоагрессивного поведения у военнослужащих. Г. Гайдукевич обнаружил пути профилактики и психокоррекции агрессивности будущих офицеров. На основании проведенного анализа научных работ нами выдвинута гипотеза о том, что психологическая проблема дезадаптации личности курсантов решается путем психопрофилактических мероприятий.

Тщательный анализ педагогических научных работ в военной области свидетельствует о специфике обучения и воспитания в системе высшего военного образования (М. Нецадим, А. Васильев, В. Ягупов, В. Черный и др.). Группа ученых – В. Сидаш, А. Алимбиев, Г. Певцов, С. Залкина, С. Сидченко, К. Хударковский – обосновывают возможные направления дальнейшего развития военного образования, которые должны обеспечить ее инновационность, динамичное движение, престижность в будущем и надежное укрепление обороноспособности Украины. Становится очевидной необходимость формирования личности курсантов военного вуза соответствующим социальным качествам, которые соответствуют сложным вызовам современного общества. Современные педагоги в своих исследованиях обращают внимание на совершенствование учебного процесса ВВУЗа. Так, П. Вишневский исследует педагогическое управление учебным процессом ВВУЗа на основе инновационных технологий. Ю. Приходько исследует систему личностно-ориентированной самостоятельной работы курсантов ВВУЗа как фактора повышения качества подготовки будущих военных специалистов. Проблему педагогических условий адаптации курсантов к обучению в ВВУЗе исследует М. Горличенко. Н. Ивашко оценивает адаптивность курсантов к обучению в ВВУЗе. Е. Пустовалова рассматривает успешную адаптацию курсантов как окончательный итог в определении успешности профессионального становления курсантов как специалистов своего дела. Однако в вышеуказанных педагогических исследованиях решается классическая педагогическая проблематика системы подготовки офицерских кадров без надлежащего учета дезадаптирующего влияния референтного гражданского окружения на курсантов, в особенности – младших курсов. Таким образом, очевидна недостаточность исследований именно

социально-педагогической проблематики нарушений процессов адаптации у курсантов младших курсов военного вуза. Проблемы адаптации и дезадаптации личности в военной и гражданской средах исследуют современные военные ученые и социальные педагоги Н. Олексюк, А. Капская, И. Бугер, Л. Войтович, С. Демочкин, В. Рютин, Л. Штефан и другие. Ценными для нашего педагогического исследования являются идеи А. Капской, Н. Олексюк по организационно-педагогическому обеспечению положительной жизнедеятельности семьи военнослужащих для преодоления дезадаптации. Важной составляющей для решения проблемы дезадаптации военнослужащих является процесс подготовки специалистов к социально-педагогической работе с военнослужащими и их семьями. Такая подготовка частично рассматривается в трудах В. Беспалько, С. Борисова, В. Бочаровой, С. Григорьевой, Л. Гусякова, Н. Данакиной, И. Зверевой, А. Лященко, Л. Топчий, А. Холостова, Б. Шапиро и т.д. В свою очередь, военный социальный педагог В. Рютин рассматривает социально-педагогический аспект социализации только военнослужащих срочной службы, а Л. Штефан исследовала проблему социальной адаптации курсантов с языковыми трудностями в Украине. Учитывая вышесказанное, мы делаем вывод об ограниченности социально-педагогических исследований проблематики отдельных категорий военнослужащих.

Очевидно, что без внимания социальных педагогов осталась курсанты-первокурсники. Проблемы последних существенно отличаются от проблем курсантов старших курсов. Изменчивость и несогласованность влияния военного и гражданского окружения на курсантов младших курсов вуза, недостаточная адаптивность современной военной молодежи может сопровождаться возникновением негативных дезадаптационных состояний, что требует соответствующего социально-педагогического предупреждения.

Цель статьи – сформировать модель социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведений и провести анализ результатов эксперимента по ее внедрению.

Реализация системного подхода в нашем исследовании и использовании моделирования предполагает комплексность и целостность социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов, определение механизмов указанного феномена и установления различных связей. Ученые (Е. Лодатко [1-3], В. Михеев [4], В. Монахов [5], А. Остапенко [6], В. Ясвин [7] и другие) рассматривают моделирование как одну из основных категорий теории познания. Понятие «модель» (лат. *Modus* – мера, образец) в справочниках и научных трудах определяют как конструкцию, компонентами которой является объект-оригинал [8, с. 221]. Педагогическая модель – мысленная система, которая имитирует или отражает определенные свойства, признаки, характеристики объекта исследования или принципы его внутренней организации или функционирования и презентуется в виде культурной формы, присущей определенной социокультурной практике [1].

Модель социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведений – это представление о системе образования, в которой эта модель применяется при выработке управленческих решений. Любую модель для оценки ее соответствия объекту необходимо проверять на полноту учетных факторов, влияющих на развитие исследуемых процессов. Модель любого процесса упрощает представление о внутреннем поведении системы в заданных условиях. При моделировании процессов необходимо четкое представление базисных элементов моделей, каковы ее процедуры и параметры. По мнению В. Михеева, моделирование в педагогике как метод познания педагогического явления позволяет оценивать связи и соотношения между характеристиками состояниями различных элементов образовательного процесса на разных уровнях их описания и изучения [4, с. 8].

Основываясь на результатах проведенного анализа научной литературы, в нашем исследовании процесс социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведений происходил в соответствии со следующими этапами [1-3; 4, с. 7-8; 5, с. 14-19; 9]: – выбор методологических основ исследования; определение признаков исследуемого воспитательного процесса для моделирования; уточнение связей между основными элементами воспитательного процесса; конструирования модели социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов ВВУЗа в виде схемы; экспериментальное внедрение модели социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов ВВУЗа, анализ результатов.

Е. Лодатко выделяет следующие типы педагогических моделей [2, с. 70, 71]:

смысловые модели – это тип педагогических моделей, для которых предметом моделирования является содержание исследуемого педагогического объекта, образующееся совокупностью определенных атрибутов (свойств, признаков, характеристик и т.д.), служащих основой для его спецификации; структурные – это тип педагогических моделей, для которых предмет моделирования составляет структура исследуемого педагогического объекта; функциональные – это тип педагогических моделей, для которых предмет моделирования составляет ориентированность исследуемого объекта на реализацию определенных педагогических значимых функций.

Учитывая указанное, структурно-функциональная модель социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведений содержит целевой, концептуальный, теоретический блоки, а также диагностический блок (критерии, показатели, диагностические методики и уровня адаптации курсантов младших курсов) формовочный блок (педагогические условия социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведений, содержание деятельности участников упомянутого процесса) и результативный блок. Струк-

турно-функциональную модель социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведе-

ний мы подаем как схематическое изображение деятельности, ориентированной на повышение ее уровня (рис. 1).

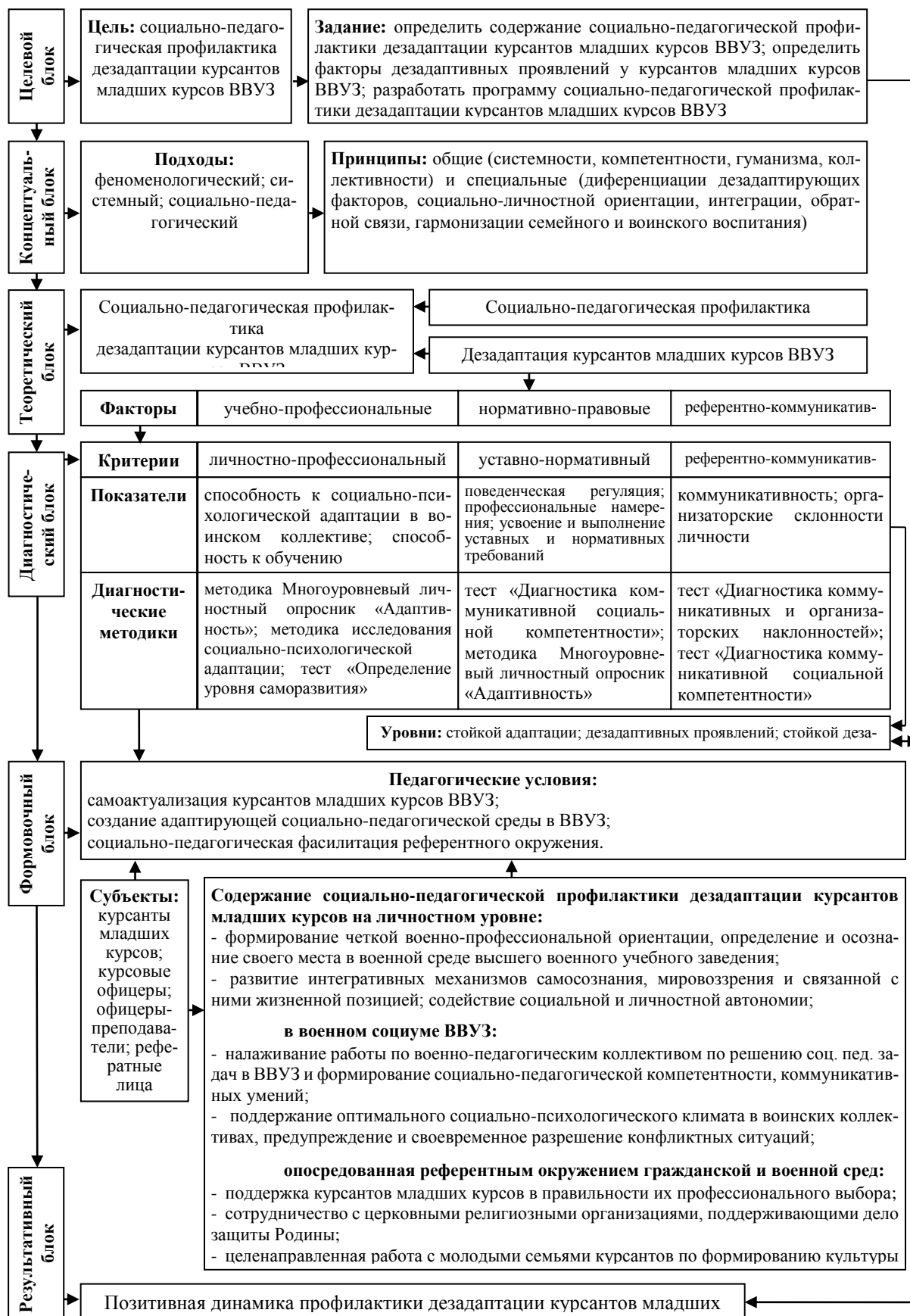

Рис. 1. Структурно-функциональная модель социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов ВВУЗа

Рассмотрим структурные блоки модели социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведений.

1. *Целевой блок.* Этот блок является функциональным ядром системы, он подчинен основной цели и задачам социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов, определяет содержание воспитания, особенности организации педагогической деятельности и предусматривает:

определить содержание социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов вуза;

определить факторы дезадаптивных проявлений у курсантов младших курсов вуза;

разработать программу социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов вуза.

2. *Концептуальный блок* как методологическая основа социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов охватывает исходные методологические положения, а именно – феноменологический, системный, социально-педагогический подходы.

Основой формирования социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов служат такие ведущие принципы: общие (системности, компетентности, гуманизма, коллективности) и специальные (дифференциации дезадаптирующих факторов, социально-личностной ориентации, интеграции, обратной связи, гармонизации семейного и военного воспитания).

3. *Теоретический блок* социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов отражает интегрированную связь и зависимость адаптации и социально-педагогической профилактики дезадаптации, определяет такие группы факторов дезадаптации, как: учебно-профессиональные, нормативно-правовые, референтно-коммуникативные.

4. *Диагностический блок.* Любая педагогическая модель, предусматривающая педагогические измерения, должна содержать обоснование [1]:

- необходимость определения тех модельных характеристик (параметров), которые являются инвариантами для измерений;

- достаточности выбранных модельных характеристик (параметров) для обеспечения корректности измерений;

- выбора измерительных процедур, которые могут обеспечить корректность измерений;

- смыслового соответствия измерительных процедур тем модельным характеристикам (параметрам), которые выбраны для измерения;

- методов, пригодных для корректной обработки результатов измерений;

- выбора среди этих методов обработки результатов такого, который дает возможность представления данных в виде, пригодном для их подробной содержательной интерпретации.

Диагностический блок структурно-функциональной модели социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов включает: критерии (лично-профессиональный, уставно-нормативный, референтно-коммуникативный), показатели (для лично-профессионального критерия – способность к социально-психологической адаптации в воинском коллективе, способность к обучению, для уставно-нормативного критерия – поведенческая регуляция, профессиональные намерения, усвоения и выполнения уставные норматив требований, для референтно-коммуникативного критерия – коммуникативность, организаторские склонности личности), уровни адаптации (устойчивой адаптации, дезадаптивных проявлений, устойчивой дезадаптации), педагогический инструментарий диагностики уровней адаптации (методика Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность», методика исследования социально-психологической адаптации, тест «Определение уровня саморазвития», тест «Диагностика коммуникативной социальной компетентности», тест «Диагностика коммуникативных и организаторских склонностей»).

5. *Формовочный блок* способствует гармоничному взаимодействию всех субъектов социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов и предусматривает методическое обеспечение и педагогические условия. Субъектами социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов в аспекте исследования определены курсанты младших курсов, курсовые офицеры, офицеры-преподаватели, референтные лица.

6. *Результативный блок* социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов определяет эффективность деятельности коллектива высшего военного учебного заведения по достижению целей и задач воспитания и отражает качественное и количественное состояние его структурно-функциональной модели. Для повышения эффективности указанного процесса мы считаем целесообразным осуществление целенаправленного корректного управления процессом, учитывая цели, задачи и потребности высшего военного учебного заведения, глобализационные процессы, общественные изменения и внешнеполитические вызовы. Ожидаемый результат определенного нами воспитательного процесса предполагает положительную динамику профилактики дезадаптации курсантов младших курсов.

Таким образом, на основе результатов проведенного анализа реального состояния и с учетом теоретических основ исследования разработана экспериментальная модель (рис. 1), которая схематически изображает социально-педагогическую профилактику дезадаптации курсантов младших курсов.

Педагогический эксперимент проведен в Национальной академии сухопутных войск имени гетмана Петра Сагайдачного и Национальной ака-

демии Национальной гвардии Украины. К эксперименту было привлечено 813 курсантов из 31 учебных групп (табл. 1).

Таблица 1 Численность курсантов, которые участвовали в эксперименте

Шифр и наименование области знаний	Код и наименование специальности	Численность учебных групп	Общая численность курсантов по специальности	Участие в эксперименте
Национальная академия сухопутных войск имени гетмана Петра Сагайдачного				
25 Военные науки	253 Военное управление (по видам вооруженных сил)	19	493	ЭГ
	254 Обеспечение войск (сил)	3	78	КГ
	255 Вооружение и военная техника	1	20	
<i>Всего по НАСВ</i>		23	591	-
Национальная академия Национальной гвардии Украины				
25 Военные науки, национальная безопасность, безопасность государственной границы	251 Государственная безопасность	1	29	ЭГ
	253 Военное управление (по видам вооруженных сил)	4	139	
	255 Вооружение и военная техника	1	15	КГ
27 Транспорт	274 Автомобильный транспорт	2	39	
<i>Всего по НАНГУ</i>		8	222	-
<i>Всего по ВВУЗ</i>		31	813	-
<i>Всего по ЭГ</i>		24	661	ЭГ
<i>Всего по КГ</i>		7	152	КГ

Экспериментальная работа была проведена в двух группах: контрольная группа (КГ) предусматривала социально-педагогическую профилактику дезадаптации курсантов младших курсов ВВУЗа традиционным способом воспитания – целенаправленное воздействие на группы не осуществлялось; экспериментальная группа (ЭГ) создавала предпосылки для внедрения структурно-функциональной модели социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов ВВУЗа. В ЭГ вошел 661 курсант, обучающихся по специальностям 251 Государственная безопасность и 253 Военное управление (по видам вооруженных сил); в КГ вошли курсанты, обучающиеся по специальностям

254 Обеспечение войск (сил), 255 Вооружение и военная техника, 274 Автомобильный транспорт.

Общие результаты формирующего этапа эксперимента показали, что уровень устойчивой адаптации по результатам мероприятий социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов ВВУЗа оказался у 65% курсантов ЭГ и 51% - КГ. Уровень дезадаптивных проявлений присущ 32% лиц ЭГ и 40% лиц КГ. 3% курсантов ЭГ и 9% КГ выявили уровень устойчивой дезадаптации. Исходными данными являются результаты оценки экспериментальной и контрольной групп (табл. 2).

Таблица 2 Результаты эксперимента социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов вуза экспериментальной и контрольной групп

Уровень	Контрольная группа до начала эксперимента (лиц)	Экспериментальная группа до начала эксперимента (лиц)	Контрольная группа после окончания эксперимента (лиц)	Экспериментальная группа после окончания эксперимента (лиц)
за Национальную академию сухопутных войск имени гетмана Петра Сагайдачного				
устойчивой дезадаптации	10	49	8	13
дезадаптивных проявлений	40	193	40	155
устойчивой адаптации	48	251	50	325
за Национальную академию Национальной гвардии Украины				
устойчивой дезадаптации	5	19	6	5
дезадаптивных проявлений	25	78	20	60
устойчивой адаптации	24	71	28	103
за высшие военные учебные заведения				
устойчивой дезадаптации	15	68	14	18
дезадаптивных проявлений	65	271	60	215
устойчивой адаптации	72	322	78	428

Таким образом, предложенные педагогические условия положительно повлияли на процесс самоопределения. Поскольку данные получены в результате измерений порядковой шкалой, число градаций различных баллов равно трем и объем выборки не является малым ($N, M > 50$), мы в

исследовании использовали критерий χ^2 . По проведенным расчетам в компьютерной программе «Статистика в педагогике» [10] получены данные, которые отражены табл. 3.

Таблица 3 Описательная статистика эксперимента социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов ВВУЗ

Параметры	Контрольная группа до начала эксперимента	Контрольная группа после окончания эксперимента	Экспериментальная группа до начала эксперимента	Экспериментальная группа после окончания эксперимента
за Национальную академию сухопутных войск имени гетмана Петра Сагайдачного				
Объем вы-борки	98	493	98	493
Минимум	1	1	1	1
Максимум	3	3	3	3
Интервал	2	2	2	2
Сумма	234	1188	238	1298
Среднее	2,3878	2,4097	2,4286	2,6329
Медиана	2	3	3	3
Дисперсия	0,446	0,4415	0,41224	0,2857

<i>за Национальную академию Национальной гвардии Украины</i>				
Объем выборки	54	168	54	168
Минимум	1	1	1	1
Максимум	3	3	3	3
Интервал	2	2	2	2
Сумма	127	388	130	434
Среднее	2,3519	2,3095	2,4074	2,5833
Медиана	2	2	3	3
Дисперсия	0,421	0,4425	0,4724	0,3044
<i>за высшие военные учебные заведения</i>				
Объем выборки	152	661	152	661
Минимум	1	1	1	1
Максимум	3	3	3	3
Интервал	2	2	2	2
Сумма	361	1576	368	1732
Среднее	2,375	2,3843	2,4211	2,6203
Медиана	2	2	3	3
Дисперсия	0,4346	0,443	0,4308	0,2904

При сравнении контрольной и экспериментальной групп после завершения эксперимента эмпирическое значение критерия χ^2 равно 18,5611, критическое – 5,991. Достоверность различий характеристик сравнительных групп составляет 95%. Сделано статистически обоснованный вывод, что обе выборки принадлежат к разным генеральным совокупностям, то есть они разные.

При сравнении контрольной группы до начала эксперимента и контрольной группы после завершения эксперимента эмпирическое значение критерия χ^2 равно 0,4745. Характеристики сравнительных выборок совпадают на уровне значимости 0,05. Сделано статистически обоснованный вывод, что обе выборки принадлежат к одной генеральной совокупности, то есть они однородны.

При сравнении экспериментальной группы до начала эксперимента и экспериментальной группы

после завершения эксперимента эмпирическое значение критерия χ^2 равно 50,5038. Достоверность различий характеристик сравнительных групп составляет 95%. Сделан статистически обоснованный вывод, что обе выборки принадлежат к разным генеральным совокупностям, то есть они разные.

Следовательно, все условия для проведения эксперимента были выдержаны, а в экспериментальной группе наблюдалась положительная динамика профилактики адаптации курсантов младших курсов ВВУЗа. Экспериментальная работа положительно повлияла на повышение интереса курсантов к военной службе и обучения. Отмечено, что эти изменения в большей степени прошли у курсантов экспериментальной группы по сравнению с контрольной группой, и эти изменения являются статистически достоверными. Результаты диагностирования уровней адаптации курсантов младших курсов в экспериментальной и контрольной группах представлены на рис. 2.

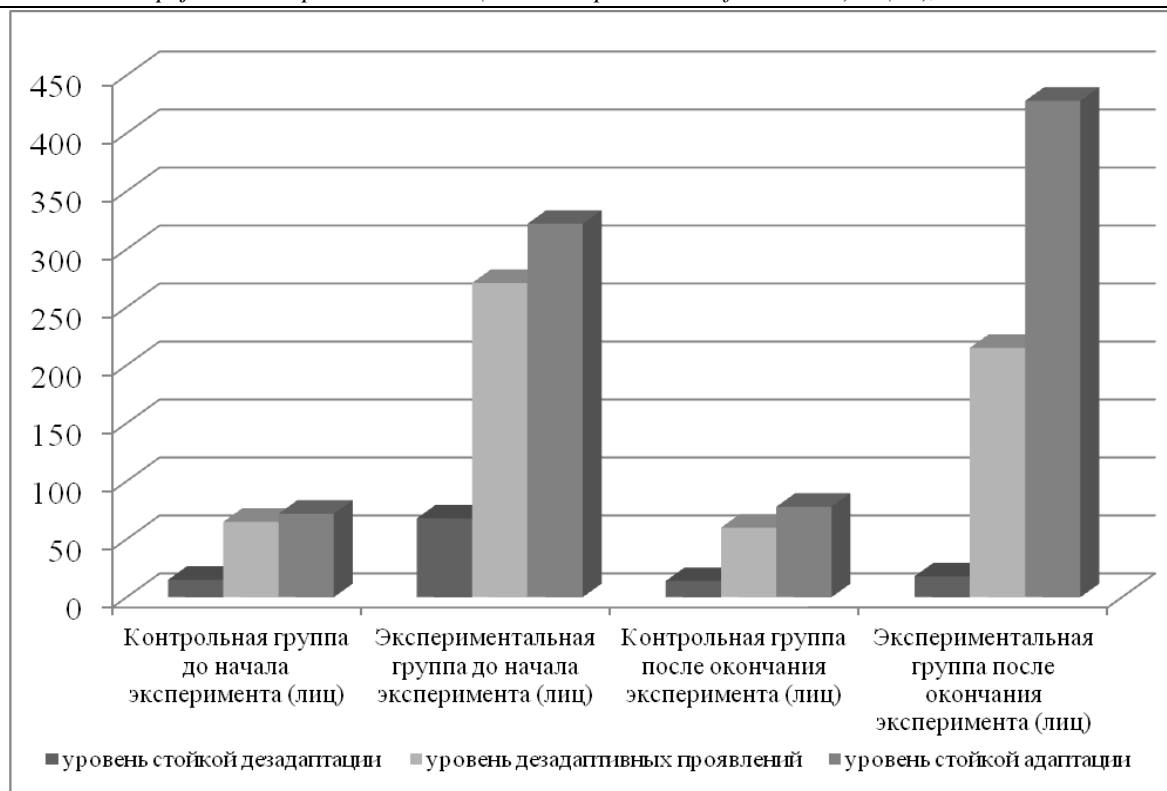

Рис. 2.

Динамика уровней адаптации курсантов младших курсов в экспериментальной и контрольной группах

Доказано, что в результате проведенной экспериментальной работы увеличилось количество курсантов с уровнем устойчивой адаптации: в экспериментальной группе на 16%, тогда как в контрольной – на 4%, с уровнем дезадаптивных проявлений:

уменьшилась в экспериментальной группе на 9%, тогда как в контрольной – на 3%, а также уменьшилось количество курсантов с уровнем устойчивой дезадаптации в экспериментальной группе на 7%, тогда как в контрольной – на 1% (табл. 4).

Таблица 4 Прирост уровней адаптации курсантов младших курсов

Уровни	Группы курсантов (лиц / процентов)						Разница прироста
	ЭГ (661 лиц)			КГ (152 лиц)			
	до эксп.	после эксп.	динамика	до эксп.	после эксп.	динамика	
устойчивой адаптации	322 / 49	428 / 65	+ 106 / + 16	72 / 47	78 / 51	+ 6 / + 4	+ 12
дезадаптивных проявлений	271 / 41	215 / 32	- 56 / - 9	65 / 43	60 / 40	- 5 / - 3	- 6
устойчивой дезадаптации	68 / 10	18 / 3	- 50 / - 7	15 / 10	14 / 9	- 1 / - 1	- 6

Таким образом, цель разработанной структурно-функциональной модели социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов ВВУЗа достигнута. По результатам проведения исследования состояние адаптации курсантов по среднему баллу оценено как «устойчивой адаптации». Такое состояние является результатом применения определенных нами педагогических условий в учебном процессе.

В статье по результатам проведенных исследований предложена структурно-функциональная модель социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов высших военных учебных заведений, в которой интегрированы целевой (цели и задачи), концептуальный (подходы и принципы), теоретический

(сущность основных понятий исследования), диагностический (критерии, показатели, диагностические методики и уровни), формирующий (педагогические условия, субъекты, мероприятия) и результативный блоки. Экспериментально проверено педагогические условия социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов. В результате анализа результатов формирующего этапа опытно-экспериментальной работы установлено, что все условия проведения эксперимента были выдержаны. Экспериментальная работа положительно повлияла на повышение интереса курсантов к военной службе и обучения. Отмечено, что эти изменения в большей степени прошли у курсантов экспериментальной группы по сравнению с контрольной группой, и эти изменения

являются статистически достоверными.

Результаты контрольного диагностирования показали, что в результате проведенной экспериментальной работы увеличилось количество курсантов с уровнем устойчивой адаптации: в экспериментальной группе на 16%, тогда как в контрольной – на 4%, с уровнем дезадаптивных проявлений: в экспериментальной группе уменьшилась на 9%, тогда как в контрольной – уменьшилась на 3%, а также уменьшилось количество курсантов с уровнем устойчивой дезадаптации: в экспериментальной группе на 7%, тогда как в контрольной – на 1%. Достоверность полученных результатов подтверждена методами проверки с помощью критерия χ^2 .

Таким образом, цель разработанной структурно-функциональной модели социально-педагогической профилактики дезадаптации курсантов младших курсов вуза достигнута. По результатам проведения исследования состояние адаптации курсантов по среднему баллу оценено как «устойчивой адаптации». Такое положение является результатом применения определенных нами педагогических условий в учебном процессе.

Ссылки:

1. Лодатко Є. О. Педагогічні моделі, педагогічне моделювання і педагогічні вимірювання : that is that? / Є. О. Лодатко // Вища освіта України № 3 : теорет. та наук.-метод. часопис. Дод. 1. Темат. вип. Педагогіка вищої школи: методологія, теорія, технологія. Т. 1 / Ін-т вищ. освіти АПН України, 2011. – Т. 1. – С. 339–344.
2. Лодатко Є. О. Типологія педагогічних моделей / Є. О. Лодатко // Вища освіта України № 3 : теорет. та наук.-метод. часопис. Дод. 1. Темат. вип. Педагогіка вищої школи: методологія, теорія, технологія. Т. 1 / Ін-т вищ. освіти АПН України, 2013. – С. 68–72.
3. Лодатко, Є. О. Моделювання педагогічних систем і процесів : монографія / Є. О. Лодатко. – Словянськ : СПДУ, 2010. – 148 с.
4. Михеев В. И. Моделирование и методы теории замерений в педагогике / В. И. Михеев. – [3-е изд., стереотип.]. – М.: КомКнига, 2006. – 200 с.
5. Монахов В. М. Педагогическое проектирование – современный инструментальный дидактических исследований / В. М. Монахов // Школ. технологии. – 2001. – № 5. – С. 14–19.
6. Остапенко А. А. Моделирование многомерной педагогической реальности: теория и технологии / А. А. Остапенко. – М.: Нар. образование, 2005. – 384 с.
7. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М.: Смысл, 2001. – 366 с.
8. Педагогічний словник / [за ред. М. Д. Ярмаченка]. – К.: Пед. думка, 2001. – 516 с.
9. Modeling of decision-making process in pre-deployment training of military and police peacekeeping personnel / M. M. Medvid, Ya. V. Pavlov, L. K. Strilets, V. M. Demianyshyn, S. O. Pyvovarov // Честь і закон. – 2016. – № 2. – С. 34–42.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бомчак Я.О.

аспірант кафедри державознавства і права,

Національної академії державного управління при Президентові України

Вотчак У.О.

post-graduate student of the Chair of State Studies and Law

at the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

COOPERATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES AND STATE AUTHORITIES IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

ВЗАЄМОДІЯ ОРГАНІВ МІСЦЕВОГО САМОВРЯДУВАННЯ ТА ДЕРЖАВИ У ПРОЦЕСІ РЕАЛІЗАЦІЇ ДЕРЖАВНОЇ ПОЛІТИКИ В СФЕРІ ОХОРОНИ НАВКОЛИШНЬОГО ПРИРОДНОГО СЕРЕДОВИЩА

Summary: The article describes the state policy in the sphere of environment protection and natural resources management, with special focus on environmental policy at the local level. Highlights the role of the state in environmental protection and natural resource management. Special attention is paid to the normative-legal regulation in the sphere of environmental protection and natural resource management.

Key words: Public administration, local self-government, environmental protection, state policy, ecology.

Анотація: У статті розкривається державна політика в сфері охорони навколишнього середовища та природокористування, де особлива увага приділяється екологічній політиці на місцевому рівні. Висвітлюється роль держави в охороні навколишнього середовища і природокористування. Проведено аналіз нормативно-правового регулювання у сфері охорони навколишнього середовища та природокористування.

Ключові слова: Державне управління, місцеве самоврядування, охорона навколишнього природного середовища, державна політика, екологія.

Постановка проблеми. Сьогодні в системі соціально важливих питань сучасності не вирішеним є охорона навколишнього природного середовища, яка потребує регулювання цього процесу з боку держави. Взаємовідносини органів місцевого самоврядування та держави у процесі реалізації державної політики в сфері охорони навколишнього природного середовища мають сприяти забезпеченню сталого розвитку країни. Це означає, що необхідно прагнути до збалансованого співвідношення соціальних, економічних та екологічних потреб, вибору оптимальних за законами функціонування природи та розвитку суспільства шляхів досягнення визначеної мети.

Аналіз публікацій. Різні аспекти проблеми державного управління у сфері охорони навколишнього природного середовища досліджуються багатьма вітчизняними науковцями, серед яких варто виділити Я.Адаменка, А.Андрусевича, О.Бондаря, Т.Грушкевич, С.Лінника, Н.Малиш, М.Пилюччука, К.Ситника, П.Фесянова, О. Шапталу та ін. Окремі аспекти формування структури природокористування досліджували Т.Безверхнюк, С.Дорогунцов, А.Качинський, А.Маршалл, О.Стегній, Н.Терещенко та інші.

Окремі аспекти екологічної політики на місцевому рівні висвітлено у роботах О.Васюти, О.Веклич, Т.Галушкиної, П.Гамана, В.Глян, Б.Данилишина, Л.Загвойської, Н.Кураєвої, С.Лінника, Л.Мельника, В.Семишкур, С.Харічкова та інших.

Дослідження проблеми збереження екології є надзвичайно актуальними і серед зарубіжних нау-

ковців. Політику Європейського Союзу в галузі охорони довкілля досліджують Р.Велфорд, Х.Дейлі, Н.Мусіс, Й.Нільсен, В.Хопфенбек та інші.

Виокремлення не вирішеної частини загальної проблеми. Не дивлячись на достатньо велику кількість публікацій з даної тематики, чимало її важливих аспектів залишаються недостатньо вивченими, зокрема взаємодія органів місцевого самоврядування та держави у процесі реалізації державної політики в сфері охорони навколишнього природного середовища.

Мета статті. Метою статті є дослідження взаємодії органів місцевого самоврядування та держави у процесі реалізації державної політики в сфері охорони навколишнього природного середовища.

Виклад основного матеріалу. В умовах становлення потужної та сталої держави зростає роль формування та реалізації політики в сфері навколишнього природного середовища, серед головних завдань якої є стабілізація і посилення екологічного стану країни шляхом реалізації державної політики за інтегрованим підходом соціально-економічного розвитку України для впровадження екологічно збалансованої системи природокористування.

Сутність державного управління у сфері охорони навколишнього природного середовища полягає у виконанні державними органами влади та органами місцевого самоврядування функцій регулювання, нагляду, прогнозування, планування, програмування, інформування, експертизи, досліджень, контролю та інших видів виконавчо-розпорядчої діяльності.

Сьогодні необхідно забезпечити виконання нормативно-правових приписів, які обмежують шкідливий вплив забруднюючих речовин на навколишнє середовище, раціональне використання природних ресурсів та відновлення й відтворення [1].

Основу організації державного управління навколишнім природним середовищем і раціональним використанням природних ресурсів становить Закон України “Про охорону навколишнього природного середовища” [9]. Відповідно до якого системою суб’єктів охорони природного середовища складають органи законодавчої влади, уповноважені органи виконавчої влади, органи місцевого самоврядування та спеціально уповноважені (природоохоронні) структури.

Отже, державними органами управління у сфері охорони і використання природних ресурсів – є юридично відособлені державні, самоврядні та громадські інституції, уповноважені здійснювати організаційно-розпорядчі, координаційні, консультативні, організаційно-експертні, контрольні та інші функції у сфері забезпечення екологічної безпеки, ефективного використання природних ресурсів і охорони навколишнього природного середовища [10].

Державні органи влади здійснюють регулювання в межах своєї компетенції, зокрема приймають відповідні нормативно-правові акти (закони, постанови, інші правові акти), спрямовані на забезпечення екологічної безпеки. Органи місцевого самоврядування також приймають акти і контролюють виконання законодавчих актів, прийнятих вищими органами влади у цій галузі. Ось чому місцевим органам влади як управлінському механізму взаємодії суспільства, природи й держави віддається пріоритет.

Більшість проблемних питань пов’язаних з довкіллям вирішуються місцевими радами. Крім того вони більше можуть врахувати екологічні інтереси населення відповідної території. Через систему місцевих рад здійснюється політика охорони навколишнього природного середовища, забезпечення екологічної безпеки, підтримки екологічного балансу.

Слід зазначити, що на сьогоднішній день існує проблема суперечностей у нормативно-правових актах, що регулюють відносини інститутів державної влади між собою і суспільством взагалі у зазначеній сфері. В першу чергу, це стосується органів місцевого самоврядування, які відповідно до Закону України від 21 травня 1997 року “Про місцеве самоврядування в Україні” повинні координувати діяльність відповідних спеціально уповноважених державних органів управління у сфері реалізації екологічної політики на території ради [8].

Екологічна ситуація в Україні, в залежності від територіальної приналежності, різниться як гострою проблем, так і можливостями їх практичного вирішення. З огляду на це, необхідна регіональна диференціація управлінських рішень та практичних дій в рамках конкретних механізмів реалізації державної екологічної політики, функціонування яких

має бути спрямовано на створення умов для гармонійного та збалансованого розвитку довкілля, стабілізацію й покращення екологічної ситуації.

Запорукою ефективного сталого розвитку регіону має стати дія механізмів державної екологічної політики на місцевому рівні. Аналіз основних показників техногенного навантаження на навколишнє природне середовище та витрат на природоохоронні заходи свідчить про погіршення стану довкілля як важливого середовища для існування людини та складової частини національної безпеки країни.

В Законі України “Про місцеве самоврядування в Україні” визначено повноваження органів місцевого самоврядування у сфері раціонального природокористування та охорони навколишнього природного середовища. У цьому законі відповідно до Конституції України визначено систему та гарантії місцевого самоврядування в Україні, засади організації та діяльності, правового статусу й відповідальності органів та посадових осіб місцевого самоврядування, а також до компетенції сільських, селищних, міських рад належить вирішення питань про надання дозволу на спеціальне використання природних ресурсів місцевого значення, а також про скасування такого дозволу [8].

На вирішення проблем охорони навколишнього природного середовища впливають багато суб’єктів соціальних відносин, кожен з яких діє в межах повноважень, визначених законодавством і які разом становлять систему суспільно державного регулювання охорони довкілля на місцевому рівні.

Відповідно до Закону України “Про місцеве самоврядування в Україні” [8] до екологічної компетенції сільських, селищних, міських рад віднесено вирішення таких питань, як:

- затвердження цільових місцевих екологічних програм;
- затвердження місцевого бюджету, внесення змін до нього, у тому числі на природоохоронні заходи;
- встановлення місцевих податків і зборів, у тому числі екологічних, та розмірів їх ставок у межах, визначених законом;
- нагромадження позабюджетних цільових, у тому числі екологічних, коштів;
- затвердження положень про ці кошти;
- прийняття рішень про надання місцевих позик, у тому числі екологічних;
- прийняття рішень про надання пільг відповідно до чинного законодавства, у тому числі екологічного, щодо місцевих податків і зборів;
- затвердження відповідно до законодавства ставок земельного податку, розмірів
- плати за користування природними ресурсами, що перебувають у власності відповідних територіальних громад;
- вирішення згідно із законодавством питань про надання дозволу на спеціальне використання природних ресурсів місцевого значення, а також про скасування цього дозволу;

- прийняття рішень про організацію територій і об'єктів природно-заповідного фонду місцевого значення та інших територій, які підлягають особливій охороні;

- внесення пропозицій до відповідних державних органів щодо оголошення природних та інших об'єктів, які мають екологічну, історичну, культурну або наукову цінність, пам'ятками природи, історії або культури, що охороняються законом;

- надання відповідно до законодавства дозволу на розміщення на території села, селища, міста нових об'єктів, сфера екологічного впливу діяльності яких згідно чинними нормативами охоплює відповідну територію.

Усі ці та інші питання, пов'язані із затвердженням програм соціально-економічного розвитку територій, місцевого бюджету, утворенням позабюджетних цільових коштів, затвердженням місцевих містобудівних програм, генеральних планів забудови відповідних населених пунктів тощо, які мають враховувати й екологічні фактори, повинні вирішуватись виключно на пленарних засіданнях сільської, селищної, міської ради.

Виконавчі органи сільських, селищних і міських рад забезпечують також підготовку висновків щодо надання або вилучення земельних ділянок, що проводиться органами місцевого самоврядування рішень відповідних рад про організацію територій і об'єктів природно-заповідного фонду місцевого значення та мають повноваження щодо оперативного вирішення питань, пов'язаних із охороною навколишнього природного середовища.

До їх відання, зокрема, відносять розгляд і узгодження планів підприємств, установ, організацій, що не належать до комунальної власності відповідних територіальних громад, здійснення яких може мати негативні екологічні та інші наслідки, підготовка до них висновків і внесення пропозицій до відповідних органів. Виконавчим органам відповідних рад надані також повноваження щодо залучення на договірних засадах коштів підприємств, установ і організацій незалежно від форм власності, розміщених на певній території, та коштів населення, а також бюджетних коштів на заходи з охорони навколишнього природного середовища. На них, крім того, покладено реєстрацію об'єктів права власності на землю, реєстрацію права користування землею і договорів на оренду землі, організацію і ведення земельно-кадастрової документації, вирішення земельних спорів у порядку, назначеному законодавством.

Слід зазначити, що значна частина контрольної діяльності належить центральним та місцевим органам виконавчої влади, що здійснюють свою діяльність на основі диференціації, переважно за видами природних ресурсів. Загалом, структура регулювання у сфері природокористування, в Україні представлена органами державної влади всіх рівнів. Головним завданням державного регулювання є створення передумов для використання природних ресурсів у господарській діяльності із забезпеченням пріоритету права людини на безпечне для

життя і здоров'я доквілля та досягнення сталого розвитку при застосуванні технологічних і біологічних механізмів із потенційними можливостями природних ресурсів до самовідтворення [3, с. 126].

Таким чином, державна політика у сфері охорони природного середовища – це складова політики держави, що відображає сукупність її цілей і завдань у сфері екології, які формуються політичною системою держави відповідно до її соціального призначення і реалізуються нею за допомогою механізмів державного управління.

Отже, державну політику природокористування можна також визначити як діяльність органів державної влади та органів місцевого самоврядування, принципово орієнтовану на формування та розвиток екологічного виробництва/споживання та екологічної культури життєдіяльності людини. З огляду на це, екологічна політика піддається впливу таких факторів, як: темпи розвитку виробництва, економічна та соціальна стабільності, рівень екологічної культури населення, забезпечення фахівцями, масштаби природокористування.

Висновки. Таким чином, метою державної політики у сфері охорони навколишнього природного середовища повинно бути створення умов збалансованого, гармонійного розвитку суспільства та економіки країни в цілому. Реалізація екологічної політики здійснюється на міжнародному, державному, регіональному, місцевому рівнях. Основну роль в реалізації зазначеної політики здійснює держава, яка, однак, є не єдиним суб'єктом екологічної політики. Поряд з державою реалізацію екологічної політики забезпечують політичні партії, наукові організації, неурядові громадські організації та інші суб'єкти. Процес формування та реалізації екологічної політики відбувається за участю самих природо користувачів або суб'єктів екологічної політики. Місцеві державні адміністрації як складова системи органів виконавчої влади мають втілювати в життя політику держави в різних сферах суспільного життя, включаючи екологічну. Оскільки ця політика орієнтована на врахування територіальних особливостей охорони навколишнього природного середовища при вирішенні загальнодержавних екологічних завдань, то районні й обласні державні адміністрації, представляючи державну виконавчу владу на місцях, мають сприяти досягненню балансу в забезпеченні загальнодержавних і місцевих інтересів.

Список літератури:

10. Адміністративне право. Академічний курс: підручник: у 2 т.: Т.І. Загальна частина / ред. колегія: В. Б. Авер'янов (голова). – К.: Юридична думка, 2004. – 584 с.; Адміністративне право України. Загальна частина. Академічний курс : [підруч.] / за заг. ред. академіка НАПрН України О.М. Бандурки. – Х. : Золота миля, 2011. – 584 с.

11. Гетьман А.П. Організаційно-правовий механізм охорони навколишнього природного середовища / А. П. Гетьман // Проблеми законності : зб. наук. пр. – Харків, 2014. – Вип. 125. – С. 119-128.

12. Загальна теорія держави і права за Заг. ред. М.В. Цвіка, О.В. Петришина. – Харків: Право, 2009. – 728 с.

13. Конституція України від 28.06.1996 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.

14. Панковец А.И. Система управления окружающей среды как одно из приоритетных направлений природоохранной деятельности / А.И. Панковец, С.В. Мировский // *Безпека життєдіяльності*. – 2004. – №10. – С. 92-94.

15. Про затвердження Положення про Міністерство екології та природних ресурсів України : Постанова Кабінету Міністрів України від 21.01.2015 р. № 32 // *Урядовий кур'єр* від 05.02.2015. – № 21.

16. Про місцеві державні адміністрації : Закон України від 09.04.1999 № 586-XIV // *Відомості Верховної Ради України*. – 1999. – № 20-21. – ст.190.

17. Про місцеве самоврядування в Україні: Закон України від 21.05.1997 р. // *Відомості Верховної Ради України*. – 1997. – № 24. – ст. 170.

18. Про охорону навколишнього природного середовища : Закон України від 25.06.1991 р. (із наступними змінами і доповненнями) // *Відомості Верховної Ради України*. – 1991. – № 41. – Ст. 546.

19. Шкарупа В. К., Коваль М. В., Савчук О. П., Самофалов Л. П., Мацелик М. О. *Адміністративне право: навч. посіб.* / В. К. Шкарупа, М. В. Коваль, О. П. Савчук, Л. П. Самофалов, М. О. Мацелик. – Ірпінь: Національна академія ДПС України, 2005. – 248 с.

УДК 354:502:004.9

Воробйов С.В.

*Аспірант кафедри інформаційної політики та цифрових технологій
Національної академії державного управління при Президентові України,
Голова Наглядового комітету
громадської організації е-Екологія*

ГЕОІНФОРМАЦІЙНІ, КОМУНІКАЦІЙНІ СИСТЕМИ У СФЕРІ ОХОРОНИ ДОВКІЛЛЯ: ЄВРОПЕЙСЬКИЙ ТА УКРАЇНСЬКИЙ ДОСВІД

Анотація. Проаналізовано теоретико-методологічні та організаційні засади функціонування геоінформаційно-комунікаційних електронних систем у сфері екології, природоохорони та природокористування країн Європейського Союзу. Розглянуто досвід функціонування електронних систем у сфері охорони довкілля зарубіжних країн в контексті його можливого використання в Україні. Наведено дані про тенденцію щодо збільшення кількості країн, які використовують інноваційні механізми в державному управлінні з питань контролю якості повітря, ефективного використання земель та охорони навколишнього природного середовища. Досліджено типові проблеми, які виникли на шляху впровадження інструментів електронного врядування в Україні. Визначено особливості функціонування геоінформаційних, комунікаційних систем у сфері охорони довкілля, як одного з чинників демократичних перетворень у взаємодії влади, бізнесу та організацій громадянського суспільства.

Ключові слова: електронне урядування, Європейський Союз, геоінформаційні системи, контроль якості повітря, е-екологія.

Sergey V. Vorobyov

*PhD student of Information Policy and Digital Technologies Department of the
National Academy for Public Administration under The President of Ukraine,
Chairman of the Supervisory Committee
NGO e-Ecology*

GEOINFORMATION AND COMMUNICATION SYSTEMS IN THE FIELD OF PROTECTION OF THE ENVIRONMENT: EUROPEAN AND UKRAINIAN EXPERIENCE

Annotation. The theoretical, methodological and organizational principles of information-communication functioning and geoinformation electronic systems in the ecology area, nature conservation and nature management by the European Union countries are analyzed. The foreign countries experience of electronic systems functioning in the environmental protection area in the context of its possible use in Ukraine is considered. The tendency to increase the number of countries using innovative mechanisms in the state administration on issues of air quality control, effective land use and environmental protection are presented. The typical problems that have arisen in the way of e-government tools implementation in Ukraine are investigated. The information systems functioning peculiarities in the field of environmental protection are determined as one of the factors of democratic transformations in the interaction of power, business and civil society organizations.

Keywords: e-government, European Union, geoinformation systems, air quality control, e-ecology.

Постановка проблеми.

Механізми обміну інформацією в умовах сучасного розвитку інформаційного суспільства, з урахуванням тенденцій до глобалізації інформаційно-комунікаційних процесів, потребують широ-

кого обговорення у професійному середовищі відповідних галузей державних і недержавних інституцій, а також - постійного вдосконалення функціонування цих механізмів.

Проте, на даний час, обмін інформацією в окремих випадках здійснюється шляхом створення та

експлуатації кожним органом власних інформаційних систем, які у певній мірі забезпечують виконання покладених на відповідний орган завдань, але ефективний розвиток окремої країни чи об'єднання країн, можливий лише за умов наявності розвинутої повноцінної інформаційно – комунікаційної галузевої інфраструктури.

Екологія та охорона навколишнього природного середовища не є виключенням, тому пропонується розглянути і проаналізувати передовий досвід країн Європейського Союзу у впровадженні інформаційних систем з питань охорони довкілля, що утворюють єдине інформаційне середовище функціонування органів державної влади у сфері екології, природоохорони та природокористування.

За результатами проведеного дослідження, з урахуванням особливостей функціонування аналогічних систем в країнах ЄС, пропонується сформулювати рекомендації щодо вдосконалення існуючих інформаційних систем в Україні, як ефективного інструменту для розв'язання проблеми інформаційної взаємодії та координації всіх зацікавлених суб'єктів, влади, громадськості та бізнесу.

Аналіз публікацій за проблематикою.

Дослідження щодо особливостей функціонування механізмів обміну інформацією та інформаційних систем у сфері екології і охорони довкілля, отримали висвітлення у наукових працях авторів М. Маклюена (Herbert Marshall McLuhan), Д. Белла (Daniel Bell), О. Тоффлера (Alvin Toffler) та інших. У працях зарубіжних дослідників впровадження інформаційно – комунікаційних технологій в природоохоронну галузь аналізується здебільшого, як засіб вирішення екологічних проблем за допомогою електронних ЗМІ, що мають розширити можливість чутливого сприйняття світу й поглибити здатність його природного бачення. Цікавий підхід запропоновано німецьким соціологом Ю. Хабермасом (Jürgen Habermas). Він, звертаючись до аналізу постіндустріального суспільства, відзначав провідну роль електронних ЗМІ у здатності повернути увагу світової спільноти не до локальних соціально-політичних, а до глобально-екологічних проблем. На його думку, у такій ситуації комунікативна діяльність цільових електронних ЗМІ, полягатиме в тому, щоб об'єднати людство перед загрозой екологічної катастрофи [1, С.380].

Мета статті.

Метою статті є дослідження особливостей функціонування інформаційних систем урядових та неурядових організацій, що створюються для забезпечення електронної взаємодії та координації з питань реалізації природоохоронних заходів в країнах ЄС.

Виклад основного матеріалу.

Досліджуючи досвід країн Європейського Союзу у впровадженні механізмів обміну інформацією, слід звернути увагу на цікаву особливість вироблення підходів до впровадження інформаційних систем та інноваційних засобів комунікації. Так, одним з параметрів, який обов'язково враховується при побудові відповідних моделей є усвідомлення того, що ефективність державної влади на пряму за-

лежить від характеру комунікації як всередині самих органів влади, так і від рівня залучення громадян до процесу прийняття рішень.

Змінюються, відповідно, функції основних суб'єктів такої комунікації, оскільки взаємодія здійснюється не лише по вертикалі, але й по горизонталі. Владні інституції сьогодні розуміють, що інформація — це те, що виходить, а комунікація — це те, що доходить, тому слід розвивати саме комунікаційну, а не інформаційну складову власної діяльності.

Ефективність комунікації значно підвищується при системному впровадженні новітніх технологій у цей процес. Прийняття узгодженої нормативно-правової бази та розвиток єдиного інформаційного простору мають охоплювати розбудову всіх елементів сучасної інформаційної інфраструктури техніко-технологічної бази органів влади, ефективну взаємодію відомчих інформаційних систем, передбачати створення єдиних правил формування, обліку, збереження, використання інформаційних ресурсів та форматів даних і протоколів для забезпечення взаємодії всіх суб'єктів інформаційних відносин у суспільстві [2, С.16].

У той же час, аналізуючи електронну комунікацію органів влади у сфері екології та охорони навколишнього природного середовища Європейського Союзу, можна дійти висновків, що вона направлена, в першу чергу, на створення і ведення діалогу з основними цільовими аудиторіями та зосередженість на наданні послуг громадян. В Україні, натомість, така комунікація направлена на публікацію на веб-сторінках органу влади інформації про власну діяльність.

Так, зокрема, в Естонії функціонує інтернет-портал «Сьогодні вирішую я», за допомогою якого кожен громадянин республіки може взяти участь в процесах вироблення державно-управлінських рішень з питань охорони довкілля, а саме висловити свою думку про поточні процеси у в галузі, запропонувати поправки до законопроектів тощо. Якщо ідея поправки чи іншої пропозиції містить раціональне зерно і підтримується іншими інтернет-користувачами, естонський прем'єр-міністр відсилає цю пропозицію зі своєю резолюцією у відповідне міністерство. Цей портал також дозволяє користувачу голосувати [3, С.299].

Фактично, передумовами створення згаданого порталу, стало нагромадження різноманітних баз даних у державних структурах, тому й виникла проблема обміну інформацією між ними. Для цього уряд країни доручив розробникам інформаційних технологій розробити спеціальний софтверний продукт, названий «Х-Шлях». Сьогоднішня версія «Х-Шляху» забезпечує надання електронних послуг з одночасним використанням даних з різних баз, що, по суті, перетворює країну в єдиний офіс, в якому можна отримувати як адміністративні послуги, так і звичайні побутові консультації.

Цікаво також і те, що в сфері використання цифрової комунікації в діяльності органів державної влади Естонії запроваджено інноваційний підхід до державного планування та фінансування цього процесу. Естонія відмовилася від мільярдних бюджетів

і капіталомістких довгострокових державних програм, розрахованих на десятиліття. Ставка робиться на конкретні проекти, які висувають природоохоронні органи, інші незалежні організації, приватні особи, які поступово зводяться в загальну схему.

У Великобританії також акумулювали більшість послуг, серед яких і природоохоронна діяльність, в єдиний портал Directgov. Заходячи на даний сайт, людина не шукає міністерство, що вирішує певну проблему, а розділ, де пропонується її розв'язання. Такий формат надання урядових послуг на Directgov, з одного боку, значно спрощує процедуру обслуговування громадян, а з другого робить її прозорою й унеможливає будь-які підстави для корупції.

Важливо й те, що урядові послуги на сайті приносять суттєву економію для державного бюджету. Британці підраховали, що при наданні адміністративних послуг, уряд отримує 34-разову економію бюджетних коштів. Загалом, цифрова комунікація між державними природоохоронними органами та громадськістю є складовою урядової політики на етапі аналізу проблеми, прийняття рішення і його втілення [4, с. 53].

Цікавим є принцип побудови урядового порталу Великобританії - послуги, які можна отримати на ньому, згруповані довкола «життєвих епізодів людини» (довкілля, освіта, житло, тощо). Окремо в країні створено й урядовий консультаційний портал, який займається, окрім практичного консультування, також і обліком думок користувачів.

Останнім з досягнень Європейського Союзу у впровадженні інформаційних систем з питань охорони довкілля є новостворена інтерактивна мапа «Європейський індекс якості повітря» www.airindex.eea.europa.eu, яка показує якість повітря у містах та регіонах Європи в режимі реального часу.

Мапа використовує погодинні дані із понад 2000 станцій моніторингу якості повітря в Європі і дозволяє користувачам з'ясувати, чи безпечним є повітря, яким вони дихають. Якість повітря оцінюється із урахуванням вмісту п'яти ключових забруднювальних речовин: твердих частинок PM_{2.5} і PM₁₀ (пилу), озону, діоксиду азоту та діоксиду сірки.

На мапі колами позначені станції моніторингу якості повітря. Колір відповідає індексу якості повітря на цій станції. Ситуацію з якістю повітря на кожній станції моніторингу описує індекс, який враховує п'ять ключових забруднювачів. Такий індекс дозволяє користувачам краще зрозуміти поточну якість повітря в окремих країнах, регіонах та містах.

Аналізуючи дані цієї системи, можна спостерігати цікаву тенденцію - найчистіше повітря у Скандинавських країнах, Швеції, Норвегії та Фінляндії.

Повертаючись до вітчизняних напрацювань у сфері охорони довкілля, варто зазначити, що в Україні Міністерством екології та природних ресурсів також здійснено спробу створення інформаційно-комунікаційної системи, на основі фрагментарного використання практичного досвіду профільних інститутів громадянського суспільства. Так, у 2016

році, профільним відомством було презентовано електронний сервіс «Інтерактивна мапа Мінприроди» www.ecomapa.gov.ua, який містить інтерактивну карту сміттєзвалищ України та мобільний додаток із функцією онлайн-сповіщення про незаконні точки розміщення сміттєзвалищ.

Окремо варто звернути увагу, що аналогічний анонсованому Міністерством екології сервіс, кілька років тому вже створила громадська організація e-Екологія. Це автоматизована система збирання, накопичення та передачі за призначенням інформації про екологічні правопорушення та проблеми регіонального і загальнодержавного рівнів від громадян до органів влади, зі значно розширеним функціоналом - «Інтерактивний реєстр екологічних проблем України» з мобільним додатком EcoinspectorUA. Систему вибудовано за моделлю інформаційної взаємодії C2G (громадяни — уряду) в межах сприяння громадськості впровадженню системи eGov в Україні, за підтримки Google Україна. Функціонування цієї системи, додатково забезпечує меморандум про співпрацю між громадським об'єднанням та Держекоінспекцією України [5].

Відтак, без врахування ґрунтовних наукових досліджень та практичних напрацювань у впровадженні інформаційних систем у сфері охорони навколишнього природного середовища, державним природоохоронним органом, до повноважень якого належить формування політики у відповідній сфері, не було забезпечено належне функціонування даного ресурсу відповідно до вимог діючого законодавства, зокрема в частині особливостей здійснення державного природоохоронного нагляду (контролю) та звернення громадян.

Наслідком таких дій, є низький рівень ефективності роботи державної інформаційно-комунікаційної системи, адже аналіз звернень громадян свідчить, що за 4 місяці роботи сервісу вирішено менше 40% проблем у сфері поводження з відходами, дані про наявність яких зазначені на карті [6], що в свою чергу призводить до негативних наслідків у вигляді відсутності сприйняття у суспільстві дійсно корисного і якісного IT продукту, який би мав відповідати тим вимогам, на які є найбільший запит.

Нажаль, використання подібних підходів до розробки механізмів інформаційної взаємодії, характеризуються фрагментарністю та не дають запитувачу, громадянину, жодних переваг від використання сучасних технологій у взаємодії громадянин - владна інституція, натомість тільки збільшують рівень негативного сприйняття будь-яких, навіть справді корисних, новацій.

Першочерговими завданнями профільних державних установ і відомств, які необхідно вирішити для посилення демократії в Україні, мають бути створення умов для вільного та всебічного доступу громадян до рішень, що приймають органи влади, з урахуванням різних поглядів, інтересів, наукових досліджень та практичних результатів.

Для забезпечення поширення цифрової комунікації у сфері охорони довкілля між органами державної влади та громадськістю необхідно:

— забезпечити доступність якомога більшого обсягу адміністративних послуг і інформації в мережі Інтернет;

— забезпечити простоту і доступність веб-послуг;

— розвиток інформаційно-комунікаційної інфраструктури, що являє собою сукупність територіально розподілених державних і корпоративних інформаційних систем, а також організаційних структур, правових і нормативних механізмів, засобів масової інформації, що забезпечують їх ефективне функціонування;

— створення фінансової бази для розвитку цифрової комунікації між інститутами влади та громадянськістю, використовуючи не лише кошти державного бюджету, але й інвестиції від юридичних та фізичних осіб;

— забезпечити реальним доступом до швидкого Інтернету мешканців сіл, селищ, міст;

— сформувані чітку, ієрархічну та узгоджену нормативно-правову базу для регулювання цифрової комунікації між органами державної влади і громадянськістю;

— розробити єдині узгоджені технічні стандарти розробки інформаційних систем цифрової міжінституційної комунікації, використання однорідних інтерфейсів, форматів даних, кодів безпеки тощо.

Висновки і перспективи подальших досліджень.

Узагальнюючи досвід країн ЄС можна констатувати, що значною мірою вирішити існуючі проблеми у екологічній сфері можна шляхом використання інноваційних підходів та побудови повноцінної інформаційної – комунікаційної інфраструктури у сфері екології, природокористування та охорони навколишнього природного середовища. При чому, з урахуванням зарубіжного досвіду, наприклад Естонії, цікавим є те, що саме громадянськість може і повинна ініціювати встановлення таких інформаційних взаємозв'язків, а державні управлінці всіх рівнів повинні розуміти, що відсутність якісної та ефективної інформаційної взаємодії органів державної влади з бізнесом або громадянськістю, неодмінно призведе до зростання соціальної напруги і як результат – конфлікту інтересів загальнодержавного масштабу з непередбачуваними наслідками.

Інститутам громадянського суспільства, в свою чергу, необхідно позиціонувати себе як дієвих партнерів держави, які готові брати на себе частину функцій з організації та проведення спільних освітніх, наукових, практичних та інших заходів з метою підвищення рівня якості професійно-орієнтованого інтелектуального капіталу, який залучається до формування та реалізації державної екологічної політики.

За таких умов, коли ініціативи громадськості підтримуються державою, а громадянськість, в свою чергу, підтримує діяльність держави тому, що поінформована належним чином і розуміє необхідність тих чи інших рішень та приймає участь у їх реалізації, побудова сучасної демократичної країни буде відбуватися абсолютно прогнозовано, ефективно та у цивілізований спосіб в рамках, визначених світовою демократичною спільнотою.

Список використаних джерел

1. Хабермас Ю. Моральноесознание и коммуникационнодействие [Електронний ресурс] / Ю. Хабермас; пер. з нім. Д. В. Скляднева. — СПб. : Наука, 2000. — С. 380. — Режим доступу: <https://goo.gl/DZ74WC>

2. Водолазкий В.А. Формування зв'язків із громадськістю в органах місцевого самоврядування: соціологічний аналіз моделей : автореф. дис... канд. соціол. наук : спец. 22.00.03 «Соціальні структури та соціальні відносини» / В.А. Водолазкий - К., 2003. - 16 с.

3. Заржицький Р.В. Роль інформаційного суспільства у розвитку європейських держав: досвід для України / Р.В. Заржицький // Демократичні стандарти врядування й публічного адміністрування : матеріали міжнар. наук.-практ. конф. за між нар. участю. – Ч.1. – Львів : ЛРІДУ НАДУ, 2008. – 564с. – С.299-304.

4. Крутий О.В. Конструктивні засади взаємодії влади і суспільства в державному управлінні / О.В. Крутий // Розвиток публічного адміністрування на засадах менеджменту: європейський контекст : матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 15-16 травня 2009 р. – Д. : ДРІДУ НАДУ, 2009. - С. 53-54.

5. Листопад О. Ліві смітники під тотальний контроль [Електронний ресурс] / О.Листопад : Урядовий кур'єр, 2016. — Режим доступу: <https://goo.gl/H6bYsm>

6. Семерак О. Завдяки роботі Інтерактивної мапи сміттєзвалищ вдалося прибрати понад сотню сміттєзвалищ по всій Україні [Електронний ресурс] / О.Семерак : Урядовий портал, 2017. — Режим доступу: <https://goo.gl/C5HNNB>

References

1. J. Habermas Moralnoesoznanye and kommunykatsyonnoedeystvye [electronic resource] / Habermas ; Per. with him. DV Sklyadneva . - St. Petersburg . : Science, 2000. - P. 380 - Access : <http://www.ic.ac.kharkov.ua/RIO/v39/12.pdf>

2. Vodolazsky V.A. Formation of public relations in local self-government bodies: sociological analysis of models: author's abstract. Dis ... Cand. sociologist Sciences: special 22.00.03 "Social structures and social relations" / VA Vodolazky - K., 2003. - 16 p.

3. Zarzhitsky R.V. The role of the information society in the development of European states: experience for Ukraine / R.V. Zarzhitsky // Democratic Standards of Governance and Public Administration: Materials of Intern. science-practice conf. behind the crowd participation. - Part 1. - Lviv: LRIT NAPA, 2008. - 564p. - P.299-304.

4. Kruty O.V. Constructive principles of interaction of power and society in public administration / O.V. Cool // Development of public administration on the basis of management: the European context: materials intern. science-practice Conf., May 15-16, 2009 - D.: DRID NAPA, 2009. - P. 53-54.

5. Lystopad O. Leftist garbage under total control [Electronic resource] / O. Lystopad: Government Courier, 2016. - Access mode: <https://goo.gl/KB4136>

6. Semerak O. Thanks to the work of the Interactive Dump Map managed to remove more than a hundred dumps in all of Ukraine [Electronic resource] / O.Semerak: Government portal, 2017. — Access mode: <https://goo.gl/h8uebW>

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Sipovskaya Yana Ivanovna

candidate of psychological sciences, associate employee of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

INFLUENCE OF THE FACTOR OF THE SEX, AND ALSO OF THE DEGREE OF ENRICHMENT OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF SENIOR ADOLESCENTS FOR THE PRESENTATION OF SENSORY SEMANTIC ABILITIES.

Summary: The article investigates the ratio of 3 factors: sex, degree of enrichment of the educational environment and sensory semantic abilities as a special kind of mental resources of different modes of modality: tactile, auditory, taste, olfactory and visual, in older adolescents is investigated. The study involved 111 ninth-graders of the senior adolescence (15 years). Methodological basis of the study was "Visual semantics" [2, 3] and a modified version of the method "Semantic differential" [10]. The results of the study showed that there was no difference in the degree of manifestation of sensory abilities of all types of modality in adolescents. The obtained facts can be interpreted by the low degree of differentiation of semantic abilities, which is more significant in this context, in comparison with the sex of the participants in the study and the degree of enrichment of their educational environments. The results obtained in the study emphasize the theoretical and practical novelty of the described research approach: 1) a new method for diagnosing semantic sensory abilities is proposed; 2) the phenomenon of regression [1] of semantic sensory abilities is considered as a variant of mental development and adaptive application of human mental resources; 3) facts are obtained about the absence of differences in the degree of expression of sensory semantic abilities of all types of modality in older adolescents.

Key words: semantic sensory ability, modality, tactile, taste, olfactory, auditory, visual sensations, regression, degree of enrichment of the educational environment.

Introduction

The urgency of the initiated research is emphasized by a number of factors, for example, the insufficient elaboration of the structure of conceptual experience and its components: conceptual, categorical and semantic abilities. Despite the fact that M.A. Kholodnaya [10, p. 116 - 127] in his conception of the structure of conceptual experience determines different manifestations of conceptual abilities; they do not receive further elaboration as metastructures in relation to their components:

- semantic abilities as psychic properties related to the productivity of semantic processes and revealing themselves in the processes of operating with the content of verbal signs within the framework of an individual mental lexicon and in the speed of operative processing of semantic information;
- categorical abilities as psychic properties related to the productivity of categorization processes and ensuring the attribution of the relevant object to a certain category on the basis of transformations in a system of categorical attributes of different degrees of generalization;
- conceptual abilities as psychic properties related to the productivity of conceptualization processes and ensuring the possibility of generating some new mental contents not represented in the available information (identifying implicit connections and regularities, constructing metaphors, interpreting, modeling, thought experiment, etc.).

In the presented classification, the hierarchical structure of the most basic types of conceptual experience-semantic abilities-is not well developed, and in particular, such important manifestations as sensory se-

matic abilities have not been studied. In this connection, there is a need to introduce a new conceptual apparatus, to which the concept of the semantic sensory capacity refers. In addition, the sensory capabilities of various types of modality are distinguished, namely: visual, auditory, tactile, olfactory and taste sensations. Accordingly, there is reason to talk about the semantic sensory abilities of the visual, auditory, tactile, olfactory and taste types. Along with this, there is a growing need for empirical studies to establish the importance of taking into account a number of factors potentially related to the manifestations of these abilities, for example, gender, age, environment, which forms the "development potential" [5, 6].

The theoretical and practical relevance of the work also emphasizes the introduction of a new educational standard for basic general education, which focuses on the formation of "universal educational activities" (UUD) among schoolchildren, one of whose blocks (instrumental) is impossible without mastering conceptual (and semantic in particular) abilities.

Speaking about the choice of the age category of participants in the study, one should point out the fundamental criticality of this period of a person's life in a number of spheres of his activity, including intellectual [4].

Thus, variables have been established: the manifestations of the semantic sensory abilities of different modes of modality: tactile, auditory, taste, olfactory and visual, and the educational environment of the participants in the study. The subject of the study is the ratio of the manifestation of the semantic sensory abilities of different modes of modality: tactile, auditory, taste, olfactory and visual sensitivity, and the degree of

enrichment of the educational environment of the participants in the study. The object of the study is older adolescents (median is 15 years).

The purpose of the research: the disclosure of the specific features of the correlation between the characteristics of the educational environment and the manifestations of the semantic sensory abilities of different modes of modality: tactile, auditory, taste, olfactory and visual, in the older adolescent years.

Theoretical hypothesis of the study: the degree of enrichment of the educational environment in which the study participants are located is related to the indicators of the semantic sensory abilities of different modes of modality: tactile, auditory, taste, olfactory and visual.

Research hypothesis: There are significant differences between older adolescents in the level of expression of the indicator of the semantic sensory abilities of different modes of modality: tactile, auditory, taste, olfactory and visual, depending on the degree of enrichment of the educational environment.

The research objective is to determine the ratio of the degree of enrichment of the educational environment in which the study participants are located and the manifestations of the semantic sensory abilities of different modes of modality: tactile, auditory, taste, olfactory and visual.

Thus, the subject of research is the correlation of the manifestation of sensory semantic abilities and the sex of participants in the study, who are trained in schools of various pedagogical orientation. The object of the study is older teens.

Methodology

Participants: 111 schoolchildren (74 girls and 37 boys) at the age of 15 years.

Techniques for identifying semantic abilities

1. Modified methodology "Visual semantics" [2].

According to research E.Yu. Artemyeva [2, 3], there is a mechanism that regularly "packs" the experience of human interaction with the world in some special structures that E. Yu. Artemieva called "semantic-perceptual universals" [2, p. 14].

The participant of the study on a white A4 sheet at the top is presented with a graphic image. It was necessary to answer the question in relation to each image: "What properties do you feel are inherent in this object? What is it?" (A list of these properties is written down). In total, five images were taken from the Artemieva set (Figure 1).

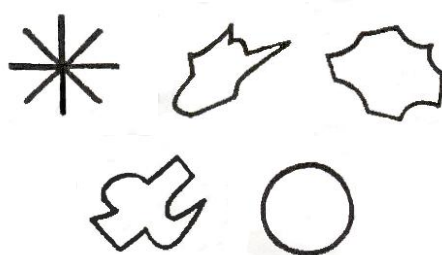

Figure 1. Examples of graphic images in the "Visual semantics" technique [2].

With the help of this technique, the ability to generate semantic features in the description of indefinite visual forms is evaluated.

Based on the analysis of the protocols, four types of semantic features were identified:

- 1) semantic signs of a sensory type (for example, cold, loud, prickly, etc.);
- 2) semantic signs of emotional-personal type (kind, cheerful, sad, affectionate, etc.);
- 3) semantic signs of a dynamic type (running, developing the speed of light, racing, jumping, etc.);
- 4) semantic signs of the logical type (dilapidated, complex, untidy, incomprehensible, tarnished, etc.)

Following the tasks posed in this study, we considered exclusively the semantic features of the sensory type, subdividing them additionally according to the modalities into:

- Semantic sensory signs of a tactile type (cold, soft, rough, etc.);
- Semantic sensory attributes of taste type (bitter, sour, etc.);
- semantic sensory signs of olfactory type (pleasant odor, etc.);
- semantic sensory signs of auditory type (loud, noisy, sounding, etc.);
- Semantic sensory attributes of the visual type (colorful, bright, etc.)

Indicators (calculated for each participant in the study): the number of sensory semantic features of each of the five types.

2. Modified variant of the method "Semantic differential" [10].

This technique was used to evaluate the measure of participation of sensory-emotional experience in the process of semantification of undefined visual forms (Fig. 1). The form included 20 bipolar scales in the form of adjectives that denote sensory and emotionally-evaluative symptoms (calm-anxious, small-large, colorful-colorless, etc.), through which the participants in the study had to evaluate each of the five vague visual forms. Of all the prescribed scales, only 13 were associated with sensory sensations of the tactile, visual and auditory type (taste and olfactory sensations were not included in the analysis because their weak representation in the sensory experience of older adolescents was recorded).

For each of the five images, the protocol was filled: the subject had to check in one of the 7 graphs - "strong", "medium", "weak", "no", "weak", "medium", "strong" - by each of the 20 scales, assessing to what extent, in his senses, one of the two poles of the scale is expressed as applied to a certain image (the choices in the graphs are "weak", "medium", "strong") or to record the absence of any impressions (the choice in the column "no"). The time for completing the assignment is not limited, but the study participants were asked to try to work faster, focusing on their first impressions.

The evaluation was carried out for each of the five graphic images by counting the number of choices in the columns "no", "weak", "medium" and "strong" for each kind of sensations (tactile, auditory or visual). The

number of elections in the columns "no", "medium", "weak", "strong" was summarized in 5 images.

Indicators: 1) the number of elections in the column "no" SD is an indicator of the measure of insufficient participation of sensory-emotional impressions in the process of semantic identification of undefined visual forms (Tin, Chin and ZNet, respectively, for each kind of sensations - tactile, auditory and visual);

2) the number of elections in four "medium and low" graphs is an indicator of the measure of the differentiated participation of sensory-emotional impressions in the process of semantification of indefinite visual forms (the weak and average degree of participation of the emotional component of the activity - TSredne, Sredne, Zsredne and TSlabo, respectively);

3) the number of elections in two columns of "heavily" SD is an indicator of the measure of excessive expression of sensory-emotional impressions in the process of semantification of undetermined visual forms (TSilno, Ssilno, ZSilno, respectively).

The study was conducted in 2 general schools in Moscow:

- "Linguistic School" with in-depth study of the English language (the number of participants in the study is 74 people);

- "sports school", specializing in the physical education of students (the number of participants in the study is 37 people).

Statistical processing: methods of descriptive statistics and a nonparametric method of comparison of samples - the Kruskal-Wallis method using modern packages of statistical data processing (SPSS 20).

Results and its discussion

The first step in statistical analysis is the subdivision of study participants into two groups: boys, "1" and girls, "2" for schools with a linguistic bias in educational practice (Table 1):

Table 1. Ranked statistics: average ranks for boys ("1") and girls ("2") from the linguistic school for different types of sensations

<i>Types of sensations</i>	<i>Sex</i>	<i>N</i>	<i>Average Rank</i>
<i>Tactile</i>	1,00	28	35,84
	2,00	46	38,51
<i>Taste</i>	1,00	28	35,45
	2,00	46	38,75
<i>Olfactory</i>	1,00	28	35,21
	2,00	46	38,89
<i>Auditory</i>	1,00	28	40,20
	2,00	46	35,86
<i>Visual</i>	1,00	28	37,82
	2,00	46	37,30

Notes: N is the number of participants in the study.

The second step of the analysis carried out in the presented study was to test the research hypothesis about the potential differences between boys and girls

from school with a linguistic bias in pedagogical activity (Table 2):

Table 2. Testing the hypothesis of the difference between the two groups, boys and girls from the linguistic school, in terms of the intensity of the indicator of various types of sensations using the Kruskal-Wallis method

<i>Statistical criteria</i>	<i>Types of sensations</i>				
	<i>Tactile</i>	<i>Taste</i>	<i>Olfactory</i>	<i>Auditory</i>	<i>Visual</i>
Chi-square	,134	,195	,947	,002	,982
P-level of significance	,714	,659	,330	,969	,322

Notes: grouping variable - gender, degree of freedom - 1.

The facts presented in Table 2 allow us to make a preliminary conclusion about the insignificance of differences in boys and girls in the senior adolescence in terms of the level of sensory semantic abilities. However, such results were obtained for samples from the

linguistic school. Probably, with more intensive physical education, which is practiced in a sports school, the results of statistical analysis will look different. The results of this analysis are presented in Tables 3 and 4:

Table 3. Ranked statistics: average ranks for boys ("1") and girls ("2") from the sports school for different types of sensations

<i>Types of sensations</i>	<i>Sex</i>	<i>N</i>	<i>Average Rank</i>
<i>Tactile</i>	1,00	9	13,39
	2,00	28	20,80
<i>Taste</i>	1,00	9	17,89
	2,00	26	18,04
<i>Olfactory</i>	1,00	9	17,50
	2,00	26	18,17
<i>Auditory</i>	1,00	9	16,22
	2,00	26	18,62
<i>Visual</i>	1,00	9	14,44
	2,00	27	19,85

Notes: N is the number of participants in the study.

Table 4. Testing the hypothesis of the difference between the two groups, boys and girls from the sports school, in terms of the intensity of the indicator of various types of sensations using the Kraskel-Wallace method

Statistical criteria	<i>Types of sensations</i>				
	<i>Tactile</i>	<i>Taste</i>	<i>Olfactory</i>	<i>Auditory</i>	<i>Visual</i>
Chi-square	3,255	,005	,346	,678	1,867
P-level of significance	,071	,945	,556	,410	,172

Notes: grouping variable - gender, degree of freedom – 1.

In accordance with the results obtained in Table 4, conclusions were drawn regarding the hypotheses:

1) the hypothesis of the equality of samples of older adolescents in terms of the level of manifestation of the indicator of manifestations of semantic sensory abilities of the tactile type is plausible;

2) the hypothesis about the equality of samples of older adolescents in terms of the level of manifestation of the indicator of manifestations of the semantic sensory abilities of the visual type is plausible;

3) the hypothesis that the samples of older adolescents are equal in terms of the level of manifestation of the indicator of semantic sensory abilities of the auditory type is plausible;

4) the hypothesis about the equality of samples of older adolescents in terms of the level of expression of the manifestation of semantic sensory abilities of the olfactory type is plausible;

5) the hypothesis about the equality of samples of older adolescents in terms of the level of manifestation of manifestations of semantic sensory abilities of the taste type is plausible.

Accordingly, having obtained similar results in both schools, with a linguistic and sporting bias, it was concluded that the influence of gender and the educational environment of the participants in the research (internal biological and external social factor) on the degree of formation of such a cognitive construct as sensory semantic abilities of all types of modality.

Thus, the obtained results point to the fact that the presented study did not reveal differences in the level of sensory semantic abilities in older adolescents studying in schools with different pedagogical orientation. Accordingly, the specific nature of the educational environment has a statistically insignificant effect on the manifestation of such basic types of conceptual abilities as semantic sensory abilities. Probably, this result can be explained by the low differentiation of the construct

of semantic abilities, which does not allow to reveal individual differences in the participants of the study. This level of conceptual abilities is the basis, the basis for more complex structures, highly differentiated manifestations of mental experience. In accordance with the concept of M.A. Kholodnaya, semantic abilities lie at the heart of the hierarchical pyramid of conceptual experience, which, in turn, determines the operation of generalized and individual-personal concepts [7, 9, 10]. The latter, in turn, expand the intellectual capabilities of man [4], causing high productivity of its activities (for example, intellectual competence). In turn, we should point to the regression of the conceptual experience reflected in the results obtained in the form of sensory semantic structures [8]. So, the higher cognitive abilities, for example conceptual or metacognitive abilities, differ in the degree of representation in the individual experience of study participants studying in schools with different pedagogical orientation. The same study did not reveal such a difference. Probably, the low degree of differentiation of semantic abilities, their emotionality plays a leading role in this aspect, determining the revealed regression.

Thus, the results of the empirical study do not reveal the importance of taking into account the enrichment factor of the educational environment with respect to the sensory semantic abilities of the visual, tactile, olfactory, taste and auditory type in the older adolescence. This fact is probably due to equal or slightly different intellectual abilities that senior teenagers have from a specialized educational institution with in-depth study of foreign languages compared to peers with a patriotic and sportive bias of pedagogical education in relation to low-grade semantic abilities.

Conclusions

The obtained results emphasize the importance of a careful analysis of the forms of expression of conceptual experience from highly organized conceptual abilities that classify categorical abilities to low-differentiated semantic abilities. The article does not reveal the fundamental importance of taking into account the specifics of the educational environment of older adolescents in determining the degree of formation of this kind of mental resources, such as sensory semantic abilities of various types of modality - visual, tactile, taste, auditory and olfactory. Thus, older adolescents in schools with different pedagogical orientation demonstrated no significant differences in the degree of manifestation of the manifestations of the semantic sensory abilities of all types of modality. Thus, it can be concluded that the hypothesis set forth in this empirical study is false: significant differences between older teens studying at school with in-depth study of the English language are not revealed in the level of manifestation of the semantic sensory abilities of the visual, tactile, olfactory, auditory and taste types were not revealed.

The obtained results deepen our understanding of the most basic, low-differentiated manifestations of the conceptual experience-semantic abilities, in particular, the semantic sensory abilities of sensations. The absence of the revealed differences between the manifestations of the semantic abilities of different types of modality - visual, tactile, olfactory, taste and auditory - indicates, on the one hand, the low-diffraction of the structures of semantic experience, and on the other hand, the fact that individual differences do not manifest themselves on such basic level of conceptual abilities. The last argument can be attributed to the support of the concept of M.A. Kholodnaya with respect to the hierarchical structure of conceptual experience. The established facts answer a number of questions and raise new ones, for example, the results indicate the need for a more careful analysis of the forms of the conceptual experience: highly organized conceptual abilities, differentiating and classifying categorical abilities and

low-grade semantic abilities. Moreover, it is likely that other factors, such as the economic and social status of the study participants, also affect the findings. Do not underestimate the importance of expanding methodical and statistical methods and methods of data collection and processing.

Bibliography

1. Alexandrov Yu.I., O. Svarnik, Znamenskaya II, Kolbeneva MG, Arutyunova KR, Krylov AK, Bulava A.I. Regression as a stage of development. - Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2017. - 191 p.
2. Artemieva E.Yu. Fundamentals of psychology of subjective semantics. Ed. I. B. Khanina. - Moscow: Science; Sense, 1999. - Series: "Fundamental psychology - 350 s.
3. Artemieva E.Yu. Psychology of subjective semantics. - Moscow: Publishing house of Moscow University, 1980. - 128 p.
4. Vekker LM Psychological processes. St. Petersburg: Publishing House of Leningrad State University, 1976. 342 p.
5. Vygotsky, L.S. Scientific legacy. Sob. op. in six volumes. Vol. 6 / Ed. M.G. Yaroshevsky. M. : Pedagogika, 1984. P. 33-34.
6. Vygotsky, L.S. Pedagogical psychology. M. : Pedagogika-Press, 1999. 536 p.
7. Sipovskaya Ya.I. Conceptual, metacognitive and intentional descriptors of intellectual competence in the senior adolescence // Bulletin of St. Petersburg State University. - Series 12. 2015. - Issue 4. P. 22 - 31.
8. Sipovskaya Ya.I. Manifestations of regression in the structure of the conceptual experience of older adolescents. / American scientific journal. No. 14. 2017. P. 28-35.
9. Kholodnaya M.A. Psychology of the intellect: paradoxes of research - St. Petersburg: Peter, 2002. - 272 p.
10. Kholodnaya M.A. Psychology of conceptual thinking: from conceptual structures to conceptual abilities. - Moscow: Institute of Psychology RAS, 2012. - 288 p.

Peter Vlasov, Anna Kiseleva

METHOD OF MEANING RECONSTRUCTION

Abstract: the article considers verbal reaction to the object as a cumulative product of a man's culture that includes his values, knowledge, actions/instruments. As a result of the empirical research, through the use of the method of meaning reconstruction, we analyzed the society's attitude towards a social group of entrepreneurs and defined the modality of this image. To solve the tasks of the research, we applied the method of unfinished sentences and the method of thematic-rhematic segmentation of a sentence. We showed that the majority of the articulated judgments doesn't correspond the reality. This points to the society's stereotypical attitude towards this social group. The majority of the judgments represents negative image of entrepreneurs, which, in contrast to the positive image, is based on the logically validated conclusion and is especially differentiated in conceptual terms. Moreover, we discovered that the negative image is grounded on value-based beliefs in a much higher degree than the positive one. We showed that the consistent sequencing and classification of verbal reactions allow to reconstruct the verbal image and the meaning of the object for the subject.

Key words: meaning, entrepreneur, attitude, society, positive and negative image, stereotypes.

Problem setting

The situation of *transitory economy* is characterized by the *uncertainty* – as a changeability and lack of predictability in tasks, conditions and work demands. Contemporary development of society in our country with *transitory economy* is characterized by the active formation of organizations that have various fields of activity, resource model and organizational culture, that is are engaged in active entrepreneurial activity.

Enterpriser in an uncertain environment must be ready to create the concept and to identify the environmental conditions as favorable. Founders must accept/reject the strategies suitable for the environment they interact with.

Enterprisers as a social group are being formed anew, past traditions of entrepreneurial activity are lost because it was punishable in Soviet period.

But the group of enterprisers is productive and effective, this is the most active part of the society which forms the concept, creates companies, draws and transforms the resources, sets economic discourse of the society.

This leads to certain distortions in the perception of enterprisers as a group and of the discourse they create. And this is a problem, because the attitude impedes the development of economy and leaves economically active and productive social group without support.

That is why the image of social group of enterprisers requires special analysis for its further changing and transformation and for social construction of the society.

Since the image can't be observed directly, it demands special approach to studying it.

Hacker [3] supposed that basic function in the process of regulation is fulfilled by the "systems of operative reflection" that are represented in memory and define individual way of productive activity. These systems include: anticipation of the result of work, knowledge of the conditions of work (for example, knowledge of the material properties and principles of machinery functioning), hypotheses about transformations (operations) that are needed to pass from the factual, real condition/situation to the desired one. In scientific literature there is a notion of the image of future action as a conception of something. Basically, systems of operative reflection fulfill cognitive function of expectation forming and so represent a searching model that defines actions.

The chain "comparison-change-feedback" explains the nature of work activity as an interaction of a man and situation (work environment). The environment generates certain objective tasks about which a man forms his own subjective opinion like specific systems of operative reflection. In the process of their implementation he influences the situation by changing it.

Hacker [2] identified three levels of regulation: sensorimotor, perceptual-conceptual and intellectual. Intellectual level precedes the other two. On this level a man develops general plan of task performing. On the perceptual-conceptual level he regulates individual actions. On the sensorimotor level he regulates the process of task performing.

From the point of view of the quality of activity, Hacker [2] considered intellectual penetration into the essence of the activity structure to be the most important change of mental structure.

Mental process of sensibilization, automatization, verbalization and intellectual processing govern the quality of activity. So, subjective representation in a form of specific systems of operative reflection (let's label it "concepts or the image of future action") serves as a predictor of the result of activity. From this point we can speak about the quality of a concept: its functionality and productivity, possibility to use it for describing, explaining and predicting changes and for transforming the reality.

The concept may have different level of formation. This is especially interesting on the stage of the unformed concept, new valuable concept, for example, on the stage of the concept of future activity. Concept (P.K.Vlasov) – is a "value-cognitive-performative pattern that initiates organizational activity. In general, organizational activity on the stage of a concept organizes four basic components: *needs* (demands of physical and mental well-being); *values* (what initiators considers to be good or profitable and starts to act in order to keep or to get it); *goals and intentions* (situational-specific form of values, certain object or the goal of action); and emotions (the form under which a man feels the changes of meaning of the resources) [6].

Taking into account all this, it is interesting to investigate the possibility to analyze the trajectory of concept life, to predict its reference in activity. So a question arises: how is it possible to investigate the concept of activity? [6]

Since communication (verbalization) is a way of forming and realizing the concept of activity (according to Hacker [3]), verbal reflection of the concept of activity is rather representative for the description, for studying the concept of activity and for predicting the activity itself.

Hacker supposed that the system of operative reflection "works" in the interaction of a man and situation (work environment) in a chain "comparison-change-feedback".

Subject's verbal reaction to the object reflects verbal image of this object. To be specific, the system of knowledge (morphology), attitude towards an object (axiology) and instrumental relation/action (praxiology) of an object [4]. Such verbal reaction is a partial or full description of the object. In fact, description that a man builds is anthropocentric, that is it bears a trace of a man's subjective attitude towards object.

As a rule, verbal reactions (texts) are not considered from such point of view. For example, in linguistics text/meaning of a text is linear, that is logically derived from the meaning of linguistic units of a text. In sociology, the meaning of the objects is generally viewed as most frequent reactions of a group of respondents towards an object, it is also linear (only from the respondent's position). We propose to view verbal reaction towards object as a total product of a man's culture that includes his values, knowledge, actions/instruments. Such reaction reflects subject's concept in relation to the object. Through his verbal reaction a man

interprets the object, so to say “embeds” it into his own subjective context. A man creates his own individual discourse of the objects in which his individual construction of social world is reflected. Through his verbal reaction a man constructs social world that includes this object as well.

From the point of view of system approach, verbal reaction is an element of interaction between a man and an object, and the meaning of such verbal reaction is system effect that consists simultaneously of object’s and subject’s characteristics. So on the basis of verbal reaction we can study both the object for a certain group of subjects and to make inferences about the group itself (its system of values, attitudes, knowledge, actions).

So in order to analyze verbal reflection of the concept of activity we need an isomorphic structure of activity, on the one hand, and a man, on the other. This structure should reflect the dynamics of these relations and allow to predict activity.

As a basis of such structure we adopted hierarchical model of activity description developed by G.V.Sukhodolsky. It includes:

- elements and structures that define *morphology* of activity;
- needs, values that fulfill them and estimates that reflect them define *axiology* of activity;
- development and functioning define *praxiology* of activity;
- existence, characteristics and cognition express *ontological* aspect of the world [4].

Research method

We propose an approach and method of meaning reconstruction. By decomposing subject’s verbal reaction, breaking it into elements, we propose to consistently identify all subjective elements, “imprinted” in respondent’s verbal reaction, to reconstruct the meaning of object and so to reconstruct subjective concept, construction of the subjective social world with the help of which a man attributes meaning to the object.

The structure of the approach is as following.

Morphology of activity is a content of activity, its correlation with concrete activity and with objects included in it. These objects are included into verbal description, chosen by a man for oriented activity. Linguistic equivalent of morphology of activity are the concepts included into description, their quantity. Semantics of concepts points to the content of activity and its orientation. The quantity of concepts tells about cognitive complexity and the level of differentiation and so – about man’s awareness of concepts, its availability and controllability of activity.

To reconstruct the whole concept of activity we can’t use one single method, since we didn’t manage to find such method in literature. So we decided that a complex of methods is needed that will allow to reconstruct the concept of activity.

Linguistic equivalent of *axiology* and values that take part in activity is the weight (frequency) of concepts and their emotional evaluation, that is emphases in morphology. Frequency and evaluative structure forms hierarchical structure of the concept of activity and tells about man’s priorities and attitude towards activity.

Praxiology of activity description is formed by explanatory pattern disclosing what lies behind a given description (the reason for choosing these very elements in this very hierarchical and evaluative structure). It uncovers man’s motives that trigger the concept. Explicit and implicit logical-semantic webs of connections included into description can serve as a linguistic equivalent of praxiology. They uncover intentional nature of utterances. Praxiology uncovers basic driving motive, development and functioning of man’s activity.

Key concepts that form the description and their hierarchy serve as parametric criteria of comparison and allow to compare different concepts or the concepts of different people and to study them. This forms *gnoseological level of activity description*.

The context in which there arises a possibility for the appearance and existence of such concept of activity expresses *ontological level of activity description*. This level doesn’t have direct linguistic equivalents, that is those that have no explicit reflection in the text of description. It is reflected in basic presuppositions that allow the very context of activity description to exist. It may be expressed in archetypes, ethnical stereotypes that explain the origin and existence of a concept.

Methodically, it looks like a sequence of the stages of meaning reconstruction.

- *The selection of meaningful reactions.* Formal reactions need to be separated from *meaningful* ones in order for the data to be consistent and informative. Formal reactions are not informative, they express stereotypical emotional attitude. Judgments and wishes can also be included here.

- *Reconstruction of the morphology of an object.* It includes thematic classification of verbal reactions with the help of the method of thematic-rhematic segmentation of a sentence [3]. In each utterance we have isolated a theme (what the sentence is about) and a rheme (what is specifically told about this psychological subject). The use of this method was based on the structuralist tradition of differential organization of signs [5, pp. 253-291]. The rhemes of utterance are contrasted with the themes on the basis of syntactical construction of a sentence. The themes in a normal structure of a sentence usually take place of the subject, the rhemes take place of predicate. With the change of “normal” structure of a sentence, a certain object becomes especially noticeable, that is it takes place of a rheme. The result of this stage is thematic, that is morphological, structure of an object.

- *Axiological structure of an object.*
 - includes *classification* of verbal reactions in relation to their modality within thematic groups into positive, negative and neutral utterances.

- Includes frequency classification of semantically connected rhemes. Semantically close rhemes unite into classes and their frequency is defined. The most frequent rhemes and those with positive estimate reflect the value of the elements of morphology of objects. The result of this stage is reconstruction of the axiological structure of an object.

- *Reconstruction of praxiology.*

- *Positive and negative image.* All identified elements of the morphology of an object with positive and negative axiology (the most frequent rhemes with positive or negative estimation) allow to reconstruct an integral image of an object. On this stage we used the method of narrative semiotics (structural semantics (Greimas, Propp, Pearce [5, p. 173])). It supposes identification of the surface and deep structure of the level of syntax. Surface structure is immediately recognized and easily accessed from text. Deep structure is a fundamental system of values embedded into a text (consists of norms and values). Narrative structure is defined by basic roles (actants) and the relationships and their movement towards one another. The result of this stage is a narrative pattern or an integral image of an object showing elements of morphology, their axiology and relations between them.

- *Reconstruction of intentions.* It includes reconstruction of social intentions that “trigger” the resultant image. Verbal reaction reflect performative component as well – intentions of a group of respondents. On this stage we used methods of functional pragmatics (K.Buhler, C.Morris and Karnap), based on the theory of action (J.Austin). Basic instrument on this stage is a *linguistic pattern that reconstructs the purpose for which an actor undertakes the action.* To reconstruct an intention, we used the following question: “Which needs are met and what are the expectations of a group during the interaction with this object?” Positive image reflects satisfied expectations/intentions, and negative one reflects frustrated expectations/intentions.

- *Reconstruction of gnoseology.*

Semantic scales and thesaurus of object description. It includes contrasting of negative, positive and neutral images. They contain shared elements of morphology. They are “prevailing” that is they form basic scales of object description. On the basis of such notions, we can restore the whole scale if we propose their antonyms. As a result, we got the scales by which the group of respondents “measures” an object by showing certain attitude towards it. The resultant generalized scales, reconstructed intentions and synthesized image can be considered to be the end of a procedure.

Participants of the research

We want to illustrate this using the example of empirical research of the meaning of image of social group of enterprisers that was conducted using the method of random sampling (5000 respondents during the period 1995-1998, in Ukraine). The research has pointed to the explicit multidimensional nature of the meaning of category “enterpriser” [7]. Basic social, gender and age groups are proportionally represented in a sample.

Purpose of the research

We wanted to define the thesaurus of notions that describe attitudes towards social group of enterprisers. We also wanted to synthesize the notions included into description into general image, that is to define relations between them and the modality of image.

Objective difficulty of research lies in the fact that an image doesn't have direct expression and is hidden

from the direct observation. In order to research it, it should be explicated.

Besides, new social groups and institutions are still on a stage of formation, so an attitude towards them and their image are not yet fully formed and don't have a representation clearly expressed and embedded in social environment. These limitations should be taken into account when planning and conducting experiment.

The conception of research was based on the following: attitude towards social-economic space is formed on the basis of the *image* of the world and is a synthesis of one's own already existing knowledge about the world and changes in environment. We have taken into account a subject's tendency to perceive an object as a whole and have called it image *integrity*. Image has verbal expression, exists in a form of utterances, judgments and has conceptual saturation. The measure of notions' variety that describe image was called image *differentiation*.

The notions in image are in a certain connection with each other (cause-effect, sort-kind, part-whole, attribution). This was called image *coherence*. The image of social group much or less fits the reality, that is it possesses *adequacy, reality*. Image has emotional-evaluative component, that is *modality*: positive, negative and neutral. In such case positive, negative or neutral attitude towards social groups is demonstrated.

To gather data, we used method of unfinished sentences since it allows the participants to freely express their judgments not taking into account that social group of enterprisers was new and unknown phenomenon for them. To process judgments we used method of meaning reconstruction that was introduced above.

For our survey we used method of interviewing respondents. They were asked to finish the sentence: “*What can you tell about...?*” The answers were fixed word for word.

Results and discussion

The resultant judgments were analyzed in relation to the criterion of reality. We found out that the majority of judgments (73%) were not connected with company's real behavior in the market. This is shown in the following statements: “*I don't know what it does, but I know that it cheats on trusting people*”, “*This is simply a siphoning of money*”, “*Firms open up to become rich at the expense of people, they don't hope to work forever, that is why they exist due to the deception*”, “*Normal laws are needed in order for normal companies to exist*”. On the one hand, it points to the lack of awareness of the respondents. On the other hand, it points to their activity in forming judgments. The existence of judgments in situation of absence of information points to the fact they are stereotypical and unreal. So the image of enterprisers is also unreal and expresses stereotypical attitude towards this social group. Since this image is unreal, the notions included in it can also be unrepresentative for the description of this social group.

We have also analyzed modality of judgments and found out that:

- 25% of judgments have positive modality. For example, “*I think the company is rich, if it will issue*

stocks, they can be bought”, “I think the company has money, so they work effectively”, “The main thing is to work for people, if it works for them, then it is good”.

- 60% of judgments have negative modality. For example: “They can go bankrupt any moment”, “Charlatans who lie and steal”, “Like all companies, try to make money out of air”.

- 9% of judgments have neutral modality. For example: “I am tolerant towards any form of activity”, “I don’t mind at all, let it flourish, but without me”, “I didn’t interact with them, my attitude is calm”.

- 6% of judgments – respondents didn’t express any attitude referring to the lack of information. That is stereotypical judgments fix negative attitude of social environment towards this social group.

After that we have chosen the most frequent judgments and obtained positive and negative linguistic attribution of social group of “enterprisers”. We have identified the thesaurus that describes image of this social group and have decided that the notions that are included in stereotypes are located depending on modality of the poles of the following scales:

Table. Scales of notions that form stereotypical image of “enterprisers”

Absence of purpose	Presence of purpose
Simplicity	Complexity
Orientation towards a circle	Orientation towards a social community
Instability	Stability
Lack of power	Financial power
Dishonesty	Honesty
Unavailability	Availability
Absence of scope	Scope
Closedness	Openness
Insincerity	Sincerity
Inability to make business	Ability to make business
Short life	Longevity

So at the current moment the image of social group of enterprisers is differentiated in relation to these conceptual scales. With their help social environment describes, structures and evaluates the manifestations of this social group.

Since we were interested not only in notions, structure and relations between them and in integral image as well, we have synthesized them and built an image of a group that enjoys positive or negative attitude from social environment.

At the current moment there is the following positive image:

Thoughtful and rational proprietor who is able to correctly deal with financial resources, makes contributions into basic fields of industry, production. Works with scope and power. His activity is oriented towards profit of the state, in a sense of circle, community of people. It is open and available; everybody can interact with it. That is the reason why it is reliable and long-lived.

Negative image: *organization is engaged in not prestigious and simple business like resale (commercial activity), money laundry (financial activity). Since it is simple and irrational, it doesn’t have the scope, or it has a success but only thanks to the deceptions, dishonest action, charlatanism and cheating on others. Such company is unable to attach others. That is why it is unavailable, closed and isolated, not involved in what is happening, is not a part of community, alien. Since it is simple and lacks the scope, its financial resource is limited. That is it is unreliable, short-lived, temporal and will go bankrupt anyway. Such company is unable to do something for people. If it does something, than only with the purpose of self-advertising in order to better cheat and hide its interests.*

It’s important to note that negative image is more represented and differentiated than the positive one. So social environment is ready to perceive the manifestations of this group rather negatively than positively.

It is worth noting that negative image, unlike positive one, is based on logically grounded inferences (statements) and is more conceptually differentiated than the positive one. It means that nowadays in economic culture positive attitude became fixed for such form of entrepreneurship as *handicrafts* which are the prototypes of production. Negative attitude was formed towards *usury* and *trade*. Besides, negative image is much more based on values beliefs than the positive one. That is why negative image of enterprisers and entrepreneurial organizations is much more conservative. In this case, again, causal role of values is evident which is expressed in actions through beliefs – values of negative image activate actions towards enterprisers and organizations significantly quicker than the values of positive image. So social environment now is ready to perceive the manifestations of this social group rather in a negative manner, than in a positive one.

So consistent ordering and classification of verbal reactions allows to reconstruct verbal image and the meaning of object for the subject.

References:

1. Gebert D., von Rosenstiehl, L. *Organisationspsychologie (Organizational psychology)*. Kharkov, Humanitarian center, 2006.
2. Hacker, W. *Arbeitspsychologie. Psychische Regulation von Arbeitstätigkeiten*, 1986. Bern: Huber

3. Matesius, V. *O tak nazyvayemom actualnom chlenenii predlozhenija (On a so-called actual segmentation of sentence)*//Prague linguistic circle, Moscow, 1967.

4. Sukhodolsky, G.V. *Vvedenije v matematiko-psychologiticheskiju teoriju dejatelnosti (Introduction into mathematical-psychological theory of activity)*. Saint-Petersburg, 1998.

5. Ticher, S., Meyer, M., Vodak, R., Vetter, E. *Metody analiza teksta i diskursa (Methods of analysis of text and discourse)*. Kharkov, 2009.

6. Vlasov P.K. *Psychologija zamysla organizatsii (Psychology of the concept of organization)*. Kharkov, 2004.

7. Vlasov P.K., Ganchuk V.S. *Organizatsionno-psihologicheskoye issledovanie integratsii v organizatsii (Organizational-psychological research of integration in organization)*//Vestnik of Kharkov State University. Series "Psychology", 1997. Issue № 395.

8. Vlasov P.K., Manichev S.A., Sukhodolsky G.V. *Organizatsionnaja psihologija (Organizational psychology)*. Saint-Petersburg, Kharkov, 2008.

Мандыкаева Алмагул Рамазановна

п. э. к., Л.Н. Гумилев ат. ЕҰУ-ті, Астана қ., Қазақстан

Қожаева Саним Қожаевна

п. э. к. Л.Н. Гумилев ат. ЕҰУ-ті, Астана қ., Қазақстан

ЭКОЛОГИЯЛЫҚ САНА ФЕНОМЕН РЕТІНДЕ

Экологияны қалыптастырудың бастапқы кезеңдерінде жеке ғылым ретінде, оның практикалық мүдделерінің шеңбері осы жүйелер арасындағы байланыстар тұрғысынан жеке биологиялық жүйелерге бағытталған.

Шындығында, тірі ағзалар арасында айқын шек жоқ. Экология тақырыбының жаһандық сипаты алғаш рет В. Вернадскийдің биосферадағы жұмысында ғылыми негізделген және толықтай бөлшектелген. Жердегі бүкіл өмірдің тұтастығын, планетааралық байланыстардың және жоғары деңгейдегі байланыстардың болуы ежелгі халықтарға түсінікті және қазіргі заманғы батыс адамын түсінуге толығымен жете алмайтын идеясы, оның көзқарасы өзінің жеке мүдделерінің тар шеңберімен шектеледі. Адамның қоршаған ортаның табиғи ортасынан ажырауы адам өзінің материалдық қажеттіліктерін қанағаттандыруға бағытталған күш-жігерін шоғырландырып, оның әрекетін жаһандық табиғи заңдармен салыстырады. Антропогендік белсенділіктің қарқынды өсу қарқыны қазіргі табиғи байланыстарды бұзады және көптеген жағдайларда, Жердегі өмірдің өзін-өзі сынағаны үшін қайтымсыз процестерге әкелді. Биосфераның бірнеше компоненттері толеранттылықтан туындайды, адамның өмірлік белсенділігі процесінде олардың өзін-өзі реттеу тетіктері бұзылады, оларды қалпына келтіру адам оңалту қызметін ұйымдастырғанда ғана мүмкін болады[1].

Бұл іс-әрекет өмір шегіндегі заңдарды білуге және өзінің шеберханасында емес, біртұтас тұтастықтың құрамдас бөлігі ретінде табиғи қатынастар жүйесінде өз орнын түсінуіне негізделуі керек.

Табиғи әлемнің жеке қарым-қатынастар қалыптастыру механизмдерін зерттеу және психодинамикалық әдістері мен экологиялық білім және экологиялық білім беру технологияларын принциптерін дамытумен айналысатын экологиялық сана психологиясын, - ұлттық психология экологиялық зерттеулерінің басқа аймағын қалыптастырды. Бұл бағыттың

айырмашылығы адам мен табиғаттың объективті-объектілі қатынастардың логикасына қарсылығын жойып, бір жүйенің құрамдас бөлігі болып табылады. Адам табиғаттың өзін-өзі дамығатын табиғат бөлігі ретінде қарастырылады, ол өздігінен жүзеге асырылатын табиғаттың өзін-өзі жүзеге асыруын қамтамасыз ететін жалпы заңдарды жүзеге асырады (Deryabo SD, Yasvin VA, 1996) [2]. «Жеке-қоршаған орта» жүйесінің әрбір компоненті шарты ретінде және екінші бірін өзгерту және дамыту құралы ретінде қолданылады.

«Экологиялық сана» терминін әртүрлі ғылыми бағыттардың авторлары пайдаланған және жалпы қабылданған анықтамасы жоқ. Ең кең таралған экологиялық сана адамның сыртқы әлеммен қарым-қатынасы жүйесі, адамның немесе адамның мүдделеріне байланысты осы байланыстарды өзгертудің мүмкіндіктері мен салдары ретінде табиғатпен айқындалады.

Экологиялық сана - бұл дүниетанымның ең маңызды тұжырымдамалық функциясы. Сонымен қатар, сананың тұжырымдамасы психологиямен анықталады: сана - объективті шындықтың ақыл-ой көрсетілуінің ең жоғары деңгейі, сондай-ақ адамға әлеуметтік бейім адамға тән өзін-өзі реттеудің ең жоғары деңгейі (Маклаков А.Г., 2000) Осыған байланысты экологиялық сананы объективті шындықты экологиялық білім тұрғысынан көрсету ретінде анықтауға болады.

Экологиялық сана мазмұны адамзат тарихында, адамзат табиғатпен өзін таныстырғанда және оның ғылыми шындықтары, теориялары, ұғымдары бар заманауи қоғаммен аяқталатын кезде, қарапайым қоғамнан бастап өзгерді. Оның өте терең тамыры бар, демек, табиғаттың шындықты бейнелеудің қатаң механизмдері, оны өзгерту қиын, оның қажеттілігі анық. Тарихи тұрғыдан адамның табиғатпен өзара әрекеттесуіне негізделген бейсаналық процестерге кіретін механизмдер іске асырылуы, талдауы және өзгертілуі керек. Әлбетте, бұл өздігінен өзгеру туралы ақпараттандырудың өте қиын міндеті. [3].

Экологиялық сана ұғымы көп қырлы болып табылады: ол назарға әлемдік үдерістерге өз араласу салдарын ескере отырып, экологиялық жүйенің мүшесі ретінде өзіне білімін, объектілерін, қажеттіліктерін қанағаттандыру және рұқсат етілген антропогендік әсер шекарасын анықтау үшін үшін оның қабілетін адамның түсіну және ризашылығын білдіру жатады. Экологиялық ағарту сыртқы әлемнің заттармен, сондай-ақ оқу процесінде қарым-қатынас нәтижесінде алынған білімге негізделген, және бұл білімін талдау болып табылады.

Экологиялық сананың ең маңызды сипаты - оның қызметі. Алынған білімдердің негізінде экологиялық сана табиғат пен оның объектілерін тұрақтандыруға немесе өзгертуге бағытталған қолданыстағы экологиялық проблемаларға қатысты мінез-құлықты қалыптастырады. Бұл сезімдер, ниеттер, мүдделер, әрекеттер, іс-әрекеттер мен іс-әрекеттер арқылы жүзеге асады. Экологиялық сана қызметінің ең жоғары өнімі адамның дуализмді табиғатқа қарсы келетін субъект ретінде бейнелейтін құндылықтар және бұл табиғаттың ажырамас бөлігі болып табылады. Экологиялық сананың кеңістігінде осы құндылықтардың тұрақты қақтығыстары бар, олардың нәтижесі іс-әрекетте жүзеге асады.

Зерттеу объектісі ретінде қоршаған ортаны сана танымдық және эмоционалдық компоненттері болып табылады. Жалпы алғанда, күнделікті экологиялық сана бар - бұл ғылыми деректер мен экологиялық білім беру салаларында қолданбай өз тәжірибе және басқалар пікірін ықпалымен қалыптасты адамның экологиялық сана болып табылады. Бұл біздің планетаның экологиялық ағарту тұрғынының орташа статистикалық мазмұнын көрсетеді, және көпшілік өкілі бүгін деструктивті экологиялық шындығына, өкінішке орай, қалыптастыруға айтарлықтай салмағы бар теориялық ретінде.

Экология саласындағы мамандандырылған білім беру нәтижесінде қалыптасқан мамандандырылған экологиялық санада қарапайым экологиялық сана деңгейін көтеру және оны сындарлы антропогендік белсенділікті қамтамасыз ететін процестерді бастау мәселесі шешіледі. Бұл «экологияландыратын» кәдімгі экологиялық санадағы процесс, практикалық зерттеуде ерекше атап өткіміз келеді.

Экологиялық санада тұжырымдамалар мен қарым-қатынастардың белгілі иерархиясын анықтауға болады: жаһандық экологиялық сана адамзат арасындағы өзара әрекеттесу туралы заңдар, биосфера және жансыз табиғат; Өңірлік, өмір сүретін және жұмыс істейтін аймақтың климаттық және геологиялық жағдайымен байланысты; және жергілікті тұрғындар өмір сүру жағдайына немесе қызметіне бағытталған[4]. Осылайша, жаһандық экологиялық сана осы адамға немесе топқа тән дүниетанымдық түсініктерді көрсетеді. Оның негізгі факторлары когнитивтік механизмдер болып табылады (пікірлер, тұжырымдар, тұжырымдар). Жергілікті

экологиялық сана қоршаған ортамен тікелей байланыста, жергілікті экологиялық жағдайдың адамға әсер етуінде қалыптасады. Бұл адамның тұрмыс жағдайының әл-ауқатын немесе қолайсыздығын көрсетеді. Оны қалыптастыруда жетекші рөл эмоцияларға жатады.

Ресей ғалымы Медведев В.И. [5]. экологиялық сананың екі формасын бөліп көрсетеді: ол кәдімгі немесе жаппай және ғылыми негізделген. Ол алдында қарастырылған экологиялық сананың төрт формасын және әр түрлі оқиғалар контекстіне тәуелсіз мінездемелерге сәйкес екі абстрактілі полюсті бөліп көрсетті.

Кәдімгі экологиялық сана - жетекші орынды белгілі бір объектпен қатынасы арқылы, сыртқы әлем және әр түрлі дереккөздерінен алынған мағлұматтар негізде қалыптасқан көзқарастар құрайды, оның ішінде ғылыми танымға қарсы және компетентті емес көзқарастар да бар.

Ғылыми негізделген экологиялық сана – ғылыми танымға негізделетін, табиғат ішінде объективті модельдер арасындар өзара қатынаспен негізінде, адам мен табиғат арасында, қоғам мен табиғат арасында негізделетін және өз сферасына қоғамның құндылықтары мен қызығушылықтарын, адамзаттың болашағы мен қазіргі жағдайын қамтитын сана түрі. Ғылыми негізделген экологиялық сана адамды табиғат элементі ретінде қарастырады және оның табиғатпен өзара қарым-қатынасының оптималды формасын табуға көмектеседі, яғни белсенді, адекватты типіне жатады.

1. Кәдімгі экологиялық сана. Кәдімгі санада эгоистік элементтер басым, белгілі бір субъекттің немесе жеке топтың қызығушылықтарын қамтамасыз етеді. Кәдімгі сана бүгінгі күннің ғана қызығушылығын қамтамасыз етеді, болашақты ойламайды, өткеннен сабақ алмайды. Кәдімгі экологиялық сананың бейнесі қоғамның пікірі болып табылады. Бұл сана түрі табиғаттың объективті заңдылықтарын, табиғатқа адам араласуының себебінен негативті салдары бар екендігін білмейді деп айтуға болмайды, бірақ бұл білімді өз жүріс-тұрысымен қатынастырмайды. Бұл санаға экологиялық мәліметтерді реттеу тән емес. Экологиялық білімнің негізгі дерек көздері бұқаралық ақпарат көздері болып табылады, бірақ оның ішінде тек бірнешеуі ғана кәдімгі оқырмандарға объективті ғылыми мәлімдеме жасайды, ал бұқаралық ақпарат көздерінің көп бөлігі экологиялық мәлімдемені қоғамдық санаға манипуляция жасауға қолданады.

Кәдімгі экологиялық санада ғылыми объективті дереккөздердің рөлі және орны қызықты деп айтуға болады. Осы мақсатпен РАН психологиялық Институтында А.Л. Журавлевтың басшылығымен және басқа да зертеушілердің көмегімен Мәскеу тұрғындарының экологиялық санасын анықтайтын зерттеу нәтижелеріне сәйкес келесідей қорытындыға келді:

* Кездейсоқ ассоциациялар мен сананың эгоистік элементтерімен негізделетін, ғылыми білім мен білімдердің элементтері қосылысы

арқылы пайда болатын жаппай экологиялық сананың құрылымы қиын екендігі дәлелденді.

* Кәдімгі экологиялық санада объективті экологиялық ситуация мен осы ситуацияның субъективті бағалауының арасында белгілі бір қатынас бар. Яғни, кәдімгі экологиялық сана экологиялық сананың нашарлығының деңгейін көрсете алады.

* Кәдімгі экологиялық сана пассивті. Белсенділік тек адам өте маңызды экологиялық фактормен қақтығысқанда ғана пайда болады, бірақ бұл белсенділік тек осы факторға бағытталған.

* Қоғамдық сана ғылыми экологиялық сананың қалыптасуына ашық. Бірақ, басқа да тенденция қалыптасқан – ғылыми анализден бас тарту, әр түрлі «құтқарушыларға» сенім арту.

2. Ғылыми экологиялық сана: қазіргі күнде ғылыми білімнің біртұтастылығы жоқ. Бұл ғылыми білімнің толықтай емес және ғылыми негізделген дереккөздерге негізделген экологиялық проблемаларды шешуге байланысты белгісіз байланыстың бар екендігімен түсіндіріледі. Бастапқы гипотезаға сәйкес бір ғылыми фактілер, бір ғылыми дереккөздер әр түрлі бағалануы мүмкін[6].

Ғылыми сана, оған қоса, адам мен табиғат қатынасын бағалауда антропоцентрилік келісінің негізінде құрылады. Ғылыми экологиялық сана белгілі бір қоғамның бөлігімен құрылымдалған әлеуметтік тапсырыстың ықпалына тәуелді.

Экологиялық сананың типологиялық мәселесіне әр түрлі келістің пайда болуына

қарамастан, Ясвин (экологиялық сананың эгоцентрилік/экоцентрилік типі) және Медведевтің (кәдімгі/ғылыми(активті, адекватты) экологиялық сана) бөлген экологиялық сананың екі типі бір-біріне ұқсайды. Медведев ғылыми экологиялық сананы экологиялық білімнің мақсаты ретінде бөлу арқылы тұлғаның қалыптасуындағы когнитивті факторлардың жетекші рөлінің маңыздылығын бөліп көрсетеді.

Пайдаланған әдебиеттер:

1. Абульханова К.А. К проблеме экологичной личности // 2-я Российская конференция по экологической психологии (12-14 апреля 2000 г.): Тезисы. М.: Экопсицентр РОСС, 2000.
2. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6.
3. Панов В.И. Введение в психологию экологического сознания. М.: Психологический институт РАО - Экопсицентр РОСС, 2000.
4. Панов В.И. О проблемах экологической психологии // Психологическое обозрение. 1997. №1(4). С. 6-11.
5. Лихачев Б.Т. Экология личности // Педагогика. 1993. № 2. С. 19-23.
6. Панов В.И. Состояние и проблемы экологической психологии // Психологическая наука и образование. 1998. № 1. С. 35-42.

УДК: 159.91

Raufov Sarvar Saidovich,

post-graduate;

Krasnoyarsk State Pedagogical University

Рауфов Сарвар Саидович

Аспирант, Красноярский государственный

педагогический университет им. В.П. Астафьева,

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕРТ И СТРУКТУРЫ ТЕМПЕРАМЕНТА ТАДЖИКОВ

GENDER FEATURES OF TRAITS AND STRUCTURES TADZHIKOV TEMPERAMENT

Annotation: The article presents the results of studying the properties of the features and structure of temperament among students of higher educational institutions of Sughd region of Tajikistan at the age of 18 to 23 years. Using the temperament structure questionnaire (OCT), developed by V.M. Rusalov, it is shown that girls show great emotionality and less ergity compared to boys. The girls are significantly more people with high emotional and highly emotionally active types of temperament. More than half of the girls and boys show the properties of the average emotional-like type of temperament. It is shown that most Tajiks, both girls and boys, have the most common, so-called "mixed type" of temperament. Thus, the results of the study confirm the relationship of temperament with individual differences in behavioral responses and reactivity of physiological systems of the body.

Key words: temperament, temperament structure, ethnic features, gender characteristics, tajiks.

Аннотация: В статье представлены результаты изучения свойств черт и структуры темперамента у студентов вузов Согдийской области Таджикистана в возрасте от 18 до 23 лет. С помощью опросника структуры темперамента (ОСТ), разработанного В.М. Русаловым, показано что девушки проявляют большую эмоциональность и меньшую эргичность по сравнению с юношами. У девушек значимо больше лиц с высокоэмоциональным высокоактивным и высокоэмоциональным среднеактивным типами темперамента. Больше половины девушек и юношей проявляют свойства среднеэмоционально среднеактивного типа темперамента. Показано, что большинству таджиков как девушек так и юношам, присущи наиболее

распространённая, так называемая «смешанный тип» темперамента. Таким образом, результаты исследования подтверждают связь темперамента с индивидуальными различиями в поведенческих реакциях и реактивности физиологических систем организма.

Ключевые слова: темперамент, структура темперамента, этнические особенности, гендерные особенности, таджики

Принято считать, что этнос – это исторически сложившаяся на определённой территории, устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка культуры психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированных в самоназвании [2].

При описании индивидуально – психологических различий между людьми выделяют два основных уровня, подчеркивая тем самым преимущественно социальное или биологическое происхождение данных различий. К первому уровню относят «содержательные» индивидуальные различия, касающиеся социально обусловленных свойств личности (направленность, отношение, моральные установки, желания, мотивы, интересы, а также знания, умения, навыки и т. д.). А второй уровень индивидуально – психологических различий касается только психодинамических свойств и качеств личности, которые обусловлены преимущественно биологической организацией человека [5]. Темперамент как раз и является проявлением психодинамических свойств человека.

Наиболее ясным основанием для отличия темперамента от личности состоит в том, что темперамент тесно связан с биологическими и физиологическими детерминантами, и мало меняется с развитием. Здесь роль наследственности больше, чем в отношении других аспектов личности (характера, способностей). Темперамент является природной основой проявления психологических качеств личности.

Таким образом, темперамент - это психобиологическая категория, охватывающая все богатство характеристик поведения человека. Прежде всего, он проявляется в энергетическом уровне поведения и во временных параметрах реакций. Темперамент сам по себе не составляет содержания поведения. Он проявляется в действиях независимо от их содержания и направленности, причём, не только в эмоциональных реакциях, но и в интеллектуальной сфере. Темперамент является центральным образованием психодинамической организации человека, в котором выделяют три ведущих компонента, относящихся к сферам общей активности, моторики и эмоциональности [3]. Каждый из этих компонентов может быть определён с помощью психологических и психофизиологических методов исследования.

Известно, что наиболее отчетливо национальный характер проявляется в национальном темпераменте [1] - например, отличающем скандинавские народы от латиноамериканских. взрывной характер жителей Бразилии отличается от спокойной неторопливости жителей Севера. Не следует думать, что этнопсихологические отличия опреде-

лены лишь закреплёнными в ходе обучения и воспитания социо-культурными стереотипами. Специалисты настаивают на значительной силе биологической составляющей национального характера. Представители разных народов отличаются друг от друга не только оттенком кожи и архитектоникой лица. Гораздо важнее врожденная функциональная специфика центральной нервной системы. В истоках национального характера лежат устойчивые психофизиологические и биологические особенности функционирования человеческих организмов, включая в качестве основных такие факторы, как реактивность центральной нервной системы и скорость протекания нервных процессов.

Несмотря на то, что в литературе можно найти много данных о темпераментальных свойствах у представителей разных национальностей и рас [2], сделать какой либо вывод о влиянии этнических факторов на темперамент трудно, так как в этих работах, как правило, отсутствует сравнительный материал, касающийся отдельных черт темперамента. Определённые заключения об этнических особенностях темперамента, возможно, получит из работ, посвященных апробации в той или иной стране авторских методик (американских и др.), предназначенных для исследования темперамента и характера. Очень мало работ, касающихся темпераментальных характеристик личности с учетом гендерного фактора.

Единичные социально-психологические исследования таджиков [6] свидетельствуют, что в целом они обладают следующими особенностями: быстрая приспособляемость; упорство и настойчивость в достижении поставленной цели; средневыраженная эмоциональность; особый коллективизм; выносливость и умение адаптироваться к сложившимся обстоятельствам; терпеливость и способность в любых ситуациях проявлять выдержку.

Известно немного публикаций, посвященных этноособенностям темпераментальных характеристик разных народов. Ранее было показано, например, наличие гендерных особенностей черт и структуры темперамента у русских и хакасских респондентов [7,8]. Однако данных о гендерных особенностях черт и структуры темперамента таджиков найти не удалось.

Целью исследования стало выявление гендерных особенностей темперамента молодых таджиков.

Объекты и методы исследования.

В исследуемую группу были включены студенты вузов Согдийской области Таджикистана в возрасте от 18 до 23 лет, всего 165 респондентов: 54 юноши и 111 девушек, каждый из них заполнил анкету-опросник для определения структуры темперамента по В.М. Русалову [4]. Согласно опроснику,

в структуре темперамента выделяются 4 фундаментальных свойства: эргичность, пластичность, скорость (темп) и эмоциональная чувствительность, которые определяются в двух сферах деятельности человека: предметной и социальной. Выделение типов ОСТ построено на определении показателей – индекса общей эмоциональности (ИОЭ) и индекса общей активности (ИОА). В дополнение к ним рассчитывались ещё несколько индексов, позволяющих более наглядно судить о соотношении предметной и социальной деятельности человека.

Выбор в качестве объекта изучения студенческой молодежи был обусловлен тем, что именно в этом возрастном периоде активно формируется этническое сознание и самосознание [1].

Все полученные результаты подвергали необходимой статистической обработке с помощью программного пакета «Stat Soft Statistica 6» и электронных таблиц «Microsoft Excel 2000». Использовали методы параметрической и непараметрической статистики. Проверку однородности парных выборок проводили по критерию t-Стьюдента. По этому критерию различия считали значимыми при $p < 0,05$. В таблицах такие значимые отличия показателей между группами обозначены звездочкой (*).

Результаты. Анализ результатов исследования формально-динамических свойств психологического статуса респондентов – девушек и юношей таджиков – выявил следующие различия (табл. 1).

Таблица 1 Отличие в структуре темперамента девушек и юношей таджиков

Показатели ОСТ	Все респонденты n=165	Юноши n=54	Девушки n=111
Эргичность предметная	7,40±0,36	8,21±0,27	7,27±0,38*
Эргичность социальная	7,43±0,32	7,37±0,32	7,44±0,35
Пластичность предметная	6,22±0,51	7,08±0,42	6,03±0,58*
Пластичность социальная	4,89±0,43	4,04±0,32	5,07±0,45*
Темп предметный	7,05±0,52	7,50±0,60	7,40±0,56
Темп социальный	6,33±0,59	6,70±0,37	6,24±0,70
Эмоциональность предметная	6,45±0,18	6,33±0,25	6,47±0,18
Эмоциональность социальная	7,09±0,53	6,00±0,57	7,35±0,58*
Индекс общей эмоциональности	13,54±0,66	12,33±0,77	13,82±0,70*
Индекс общей активности	39,32±0,72	40,71±1,20	39,45±0,70

Примечание: * здесь и далее отличие статистически значимы в группах юношей и девушек при $p < 0,05$

Из приведенных в таблице данных видно, что девушки-таджички по структуре темперамента менее активны в предметной деятельности, но проявляют большую активность в деятельности социальной. Девушки труднее перестраиваются с одного вида деятельности на другой, а при выполнении работ отличаются более низким темпом как в соци-

альной, так и в предметной сфере. Кроме того, девушки более эмоциональны.

У девушек отмечаются более низкие по сравнению с юношами показатели предметной эргичности и предметной пластичности и более высокие показатели социальной пластичности и эмоциональности во всех сферах (рис. 1). Это отражается на значениях ИОА и ИОЭ (рис. 2).

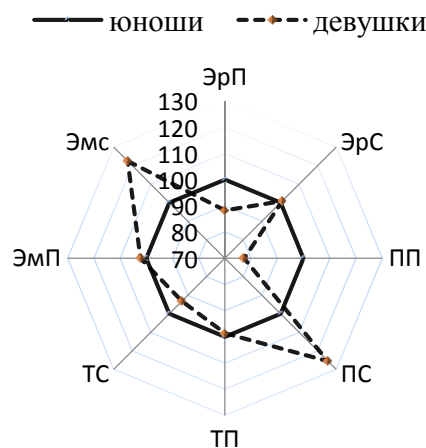

Рис. 1. Процентные отклонения структуры темперамента у девушек Таджикистана (величины показателей ОСТ юношей приняты за 100%).

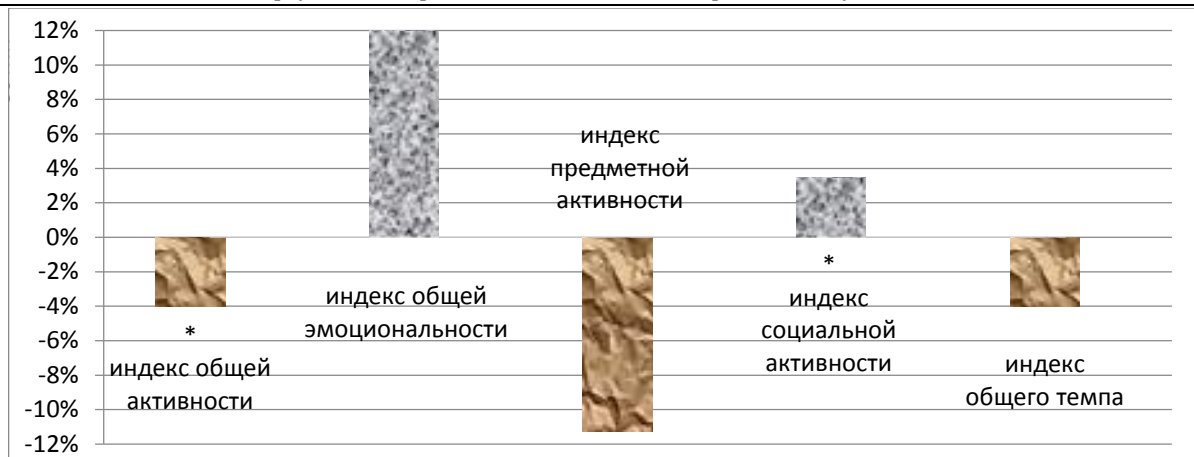

Рис. 2. Процентные отклонения индексов темперамента у девушек от соответствующих значений индексов юношей.

Как видно на рис. 2, отклонения показателей эмоциональности у девушек повышены, напротив показателей активности – минимальны.

Особенностей типов структуры темперамента среди таджиков 18 – 23 лет

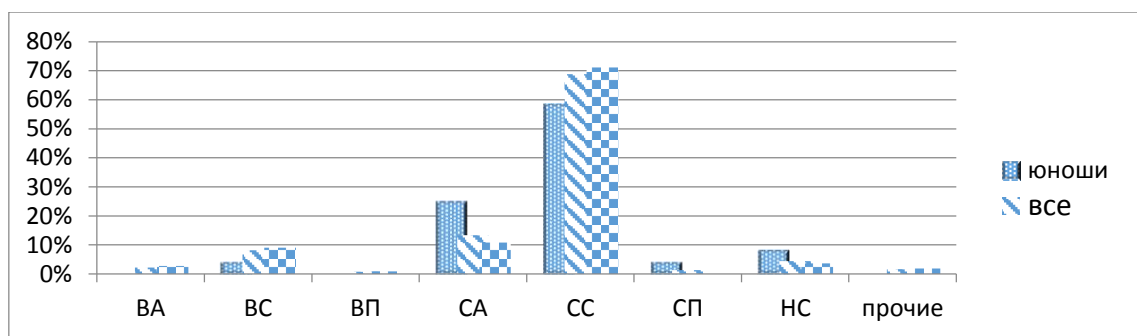

Рис. 3. Обозначения: ВА- высоко эмоциональный активный; ВС- высоко эмоциональный средне активный; ВП- высоко эмоциональный пассивный; СА- средне эмоциональный активный; СС- средне эмоциональный средне активный; СП- средне эмоциональный пассивный; НС- низко эмоциональный средне активный.

Как показывает распределение типов ОСТ среди юношей и девушек (табл. 2), наиболее распространённым является тип среднеэмоциональный среднеактивный (СС – 68,3%), вторым по частоте – среднеэмоционально активный (СА – 13,3%) и третьим – высоко эмоциональный среднеактивный (ВС – 8,1%). Затем следует низкоэмоциональный средне активный (НС – 4,44%) и высокоэмоциональный, высокоактивный (ВА – 2,2%)

типы. Остальные типы: высокоэмоциональный пассивный (ВП), среднеэмоциональный пассивный (СП), низкоэмоциональный высокоактивный (НА), низкоэмоциональный пассивный (НП). Частота встречаемости в сумме составляют 3,5%, объединившихся в группу «прочие» (рис. 2). Среди девушек высокоэмоциональных в 2,5 раза больше, чем низкоэмоциональных. Среди юношей картина обратная.

Таблица 2. Распределение типов темперамента среди юношей и девушек

Обозначение типов ОСТ	все респонденты n=165	юноши n=54	девушки n=111	
Высокоэмоциональные	ВЭВА	2,22%	0,12%	2,70%
	ВЭСА	8,14%	4,16%	9,00%*
	ВЭНА	0,74%	-	0,90%
Среднеэмоциональные	СЭВА	13,33%	25%	10,8%*
	СЭСА	68,30%	58,24%	71,17%
	СЭНА	1,35%	4,16%	0,03%
Низкоэмоциональные	НЭВА	0,74%	-	0,90%
	НЭСА	4,44%	8,32%	3,60%*
	НЭНА	0,74%	-	0,90%

Обсуждение и выводы

Степень проявления темпераментальных свойств человека зависит от половых, региональных, этнических особенностей организма и его соматического строения и состояния [8]. Установлено что большинству таджиков присущи наиболее распространенные так называемые «смешанные типы» темперамента. Результаты исследования демонстрируют наличие гендерных особенностей черт темперамента у таджиков. Они касаются как типа темперамента, так и его структуры. Результаты исследования показывают значительно большую активность у юношей в предметной сфере, а у девушек – в социальной сфере. Девушки более эмоциональны, но менее активны, чем юноши. Характерными чертами темперамента для девушек являются непредсказуемость, меньшая гибкость в поведении и настойчивость в достижении цели; юноши же отличаются отвлекаемостью и высокой работоспособностью, постоянством в своих привычках.

В целом направление отклонений «женских» черт темперамента от «мужских» такое же, как у славян. Это ещё раз указывает на роль специфического гормонального статуса в формировании свойств нервной системы, детерминирующих развитие психических особенностей личности. Результаты исследования подтверждают связь темперамента и индивидуальные различия в поведенческих реакциях.

Библиографический список

1. Лебон Г. Психологическая иерархия рас // Современная этнопсихология: хрестоматия / Г. Лебон; под ред. А.Е. Тараса. – Москва: Харвест, 2003. – С. 257–266.
2. Маремшаова И.И. Проблемы исследования этнического сознания и самосознания // Современная этнопсихология: хрестоматия / И.И. Маремшаова; под ред. А.Е. Тараса. – Москва: Харвест, 2003. – С. 92–134.
3. Небылицин, В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий / В. Д. Небылицин. - Москва.: Наука, 1976. - 336 с
4. Русалов В.М. Сравнение компьютерного и бланкового варианта ОСТ / В.М. Русалов. Психол. журн. – 1992. – Т. 13. – Вып. 5. – С. 80–84.
5. Русалов, В. М. О природе темперамента и его месте в структуре индивидуальных свойств человека / В. М. Русалов, Вопр. психол. – 1985. - №1. - С. 19-32.

6. Этнопсихологический словарь / под ред. В.Г. Крысько. – Москва: МПСИ, 1999.

7. Савченков Ю.И., Шилов С.Н., Бардецкая Я.В. Особенности черт и структуры темперамента у юношей и девушек – представителей народов Кавказа (на примере студентов вузов г. Красноярск) / Ю.И. Савченков, С.Н. Шилов, Я.В. Бардецкая // Журнал медико-биологических исследований. – 2017. – № 2. – С. 13–20.

8. Савченков Ю.И., Шилов С.Н. Внешние и внутренние факторы изменчивости свойств темперамента: монография / Ю.И. Савченков, С.Н. Шилов; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2013. – С. 106–132.

References

1. Lebon G. Psychological hierarchy of races // Modern ethnopsychology / G. Lebon; reader under the editorship of. A.E. Tarasa. – Moscow: Harvest, 2003. – P. 257–266.
2. Maremschaova I.I. Problems of Research on Ethnic Consciousness and Self-Consciousness // Modern Ethnopsychology / I.I. Maremschanova; reader under the editorship of A.E. Tarasa. – Moscow: Harvest, 2003. – P. 92–134.
3. Nebylitsyn, V.D. Psychophysiological studies of individual differences / Nebelitsin 1976. – Moscow.; Nauka - P.336.
4. Rusalov V.M. Comparison of computer and blank version of OST / V.M. Rusalov // Psychol. 1992. – Т. 13. – Vol. 5. – P. 80–84.
5. Rusalov V.M. On the nature of temperament and its place in the structure of individual human properties. / Rusalov V.M.// Questions of Psychology – 1985. – Vol.1. - P. 19-32.
6. Ethnopsychological dictionary / reader under the editorship of V.G. Krysko. – Moscow: MPSI, 1999.
7. Savchenkov Yu.I., Shilov S.N., Bardetskaya Ya.V. Temperament Traits and Structure in Young Men and Women of Caucasian Ethnicities (Exemplified by the Students of Krasnoyarsk Universities) / Yu.I. Savchenkov, S.N. Shilov, Ya.V. Bardetskaya // Journal of Medical and Biological Research. – 2017. Vol. 5. № 2. – P. 13–20.
8. Savchenkov Yu.I., Shilov S.N.. External and internal factors of variability of temperament properties: monograph / Yu.I. Savchenkov, S.N. Shilov; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. – Krasnoyarsk, 2013. – P. 106–132.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ass. prof. Alma Čišić

Doctor of Humanistic sciences in the field of Linguistics

Department of Bosnian, Croatian and Serbian language and literature

Faculty of Philosophy

University in Tuzla

St. Tihomila Markovića 1

75000 Tuzla

Bosnia and Herzegovina

ON SLAVIC ANTITHESES IN BALLADS

In this work we dealt with ballads that are the mixture of the ancient Bosnian Christian civilization base and the Eastern Islamic influences. Ballad in oral tradition is a mixture of lyrical and epic elements that create a new sensibility - drama. The magic and beauty of the ballads were given by Slavic antitheses, stylistic figures that we studied in the anthology gathered by famous ballad researcher M. Maglajlić called "Oral Ballad of Bosnians". The percentage value of ballads presence with Slavic antitheses is also presented.

Key words and phrases: ballad; tragedy; stylistics figure; Slavic antithesis; dialogue;

The ballad in European literature, in spite of the differences that characterize individual national traditions, is a song that represents the short story which starts in the moment when it was supposed to be resolved. Focusing on one key scene of the ballad, it leaves the beginning of the conflict as well as the atmosphere to be implied or indicated. «Characterization is minimized, characters are exposed through action and statements, moralistic comments of behaving of them are pushed into the background, motivation is rarely presented. The description in the ballad is short and usual, the transitions between the individual scenes are suddenly, the time shifts indicated, the key events and feelings are expressed in painfully, agile dialogues. Balladic way of representing needs creating dramatic impression with intentional reducing of the material and achieving surprising effects» [4, p. 9].

Ballad in oral tradition is a mixture of lyrical and epic elements that create a new sensibility – drama. It is closest to the tragedy, according to the M. Maglajlić researching, because it has three types of the conflict: the first one in which the character becomes a victim of conflict with the environment, the other in which the character is starved because of the tragic feature that carries in own character, the third, in which there are opposing individuals whose conflicts are caused by different personalities and their needs. First type conflicts are consisted of next topics: unfortunate, deaths of disassembled lovers, impossible marriages caused by conflicts with the environment, according to that appear next tragic characters: fiancé or brides and many other victims etc. To the second type belong next topics: the death of unwanted bride in the house of fiancé, death caused by bewitchment, lover death caused by tragic destiny of the other beloved person, the death of mother or father caused by death of children etc. Tragic misunderstanding between women and husbands belong to the third topics type. These are ballads about fatal divorces, which killing women, evil woman who is rejoining in the presence of dying husband, abusing persons because of giving birth to female children, marriage with second woman etc. [4, p.101 – 105].

The term ballad originates from the Italian word dancing [balare] and it is connected with West European ballads performed by dancing. In South Slavic literatures this poem is found in oral literature and was singing during the folk dance.

Bosnian ballad which is the topic of our researching is based on Bosnian Christian civilization and the Eastern Islamic influences.

The ballads were mostly singing during the folk dance, but sometimes without dancing. They were singing also by one man or woman [sometimes it was followed by a rotating of bowl, or playing the saz, later playing harmonica and violin].

The oldest traces of Bosnian ballads existence are placed in Erlangen handwriting, the collection of the poems written in 1720th. About the author of this collection there are no certain informations, neither about the poets who were singing or saying the ballads. In gathering of the ballads collections were interested: A. Fortis, V. Karadžić, B. Petranović, V. Palunko, V. Vuletić-Vukasović, L. Kuba, J. Mutić, I. Marunović etc.

The topic of our researching are Bosnian ballads published in collection of M. Maglajlić called «The oral Ballad of the Bosnians» [1995]. So, we are interested in Slavic antitheses which appear in mentioned collection of ballads gathered by M. Maglajlić. Also, we are interested in percentage value of ballad presence with Slavic antitheses in relation to the total number of researched ballads.

We will first focus on the term stylistic device. «Stylistics has classified devices in different ways: figures of thought and figures of speech, i.e. figures of word, style, diction, figures of structure, order, followed by figures of motion, stopping, etc. Some contemporary authors on *public speaking* simplify this classification, reducing it to the two basic classes: figures of sound (rhythm, parallel sentence structure, alliteration, rhyming) and figures of thought (metaphors, exaggeration and understatement) » [1, p. 265-270].

We will now turn to definitions of antithesis. According to M. Čarkić «antithesis is formed by juxtaposing two ideas, two phenomena, two thoughts, two emotions, two images with totally opposite characteristics, with the intention of highlighting one of them» [2, p.153].

V. Jelačić Srbulj defines the Slavic antithesis as «a simile which consists of three parts: 1) a question or statement, 2) a negative reply, and 3) a positive reply» [3, p.193].

According to our researching of ballads with Slavic antitheses we are going to represent several researched characteristic examples.

[1] In ballad «Appearing of the very white fairy» is highlighted tragic death of young girl Ajka during the conversation with very white fairy. After conversation between brave young girl aunt and angel of death, tragic event happens. Young girl even do not try to resist to this fairy fatal decision, her magic works fast and Ajka dies after a headache. Dialogue between fairy and girls aunt is represented by Slavic antithesis. Aunt asks her first what she wants, taxes on land, or soldiers, or her husband Dizdar- aga, or her son Đulbehar, or Ajkuna daughter:

«[...] What do you want, very white fairy?

Are you looking for tax on land?
Are you looking for soldiers from the country?
Or my aga, Dizdar-aga?
Or my son, Đulbehar?
Or Ajkuna, daughter? [...] »
[4, p. 159].

So, very white fairy is giving the answers that she does not want taxes, soldiers, her husband, her son Đulbehar, but she wants pretty girl Ajkuna:

«[...] I do not want the tax on land,
Not even the country soldiers,
Not even your master,
not your son, Đulbehar,
but Ajkuna, a beautiful girl. [...] »
[4, p.159].

Slavic antithesis highlights expectation of the tragic end which is unavoidable. This tragic event is

predicted by appearing of fairy to who nobody must talk. In ballads is often highlighted meeting girl with death which appears in different ways, like a devil, fairy, which have origin from beliefs that this world is settled by ghosts, evil demons, who gets more power after sunset.

[2] In the ballad called «When Ibrahim died» young girl suffers because of the tragic feature that carries in own character. Slavic antithesis highlights the greatness of the tragic destiny of the girl because of her fiance death. It became the cause of her hair cutting off and sending it to uncle in Budim, where people were seeing it and asking about the reasons for that. Everybody is asking why the hair is cutted off, is it because mother lost her son, or sister her brother:

«[...] My God, what a great miracle!
Why the hair is cutted of?
Did mother drop into the grave her son,
Or sister her brother? [...] »
[4, p. 206].

So, they got the answer that mother had not dropped into the grave her son, neither sister her brother but young girl her fiance:

«[...] Mother did not drop into the grave her son,
or sister her brother,
but the girl her fiance!»
[4, p. 207].

The mentioned ballad preserved the traces of disappeared forms of life related to the ritual of initiation, symbolic death. Cutting a lock of hair and blood releases were used in various forms according to one's death.¹ For example, Tanatos, the king of hell and death, according to the images of the ancient Greeks, cuts the lock of hair of the newcomer. The ritual of cutting hair was transformed later into a ritual for a living people. That's origin of the cutting hair practice which represents the sign of a great suffering in ballads, also ² [5, p. 458].

[3] Ballad called «Sarajevo, why are you so unhappy?» belongs to the group of ballads about victims. According to that, people believe in appearing of special light called nur,³ Gods marks on the victims. This light appears on the graves of the victims⁴, represents

¹ «When young Indian Sioux dies, his parents cut him a lock of hair above his forehead. This expresses his involvement in the group of dead, approaching their race» [5, p.458].

² « The lock of hair has been cutting during baptism, consecrating to the spiritual class, monks rituals. In all these cases, we are dealing with entering into a new community» [5, p. 458].

³ In connection with the above, we will consider the concepts of the Suns kingdom. That image is developing and experience the peak in developed religions, similar to Egyptian. For example, Jakuta have clear images about everything. The Sun, Lord, his daughter Kjujegjam-shaman, is sitting and wrapping her long hair around a silver cot, and sucking her hair with silvery comb. It is the fourth daughter of the Sun. The

first daughter is connected with the clouds, the other with the stars, the third with the Moon, and the fourth with the Sun. This example confirms that the golden colour is the colour of the solar kingdom. The golden colour of the objects related to the thirty kingdom is the colour of the Sun. It is the celestial Sun of the Empire, so that celestial objects colour is also an expression of belonging to the Sun [5, p. 428-432].

⁴ According to that, we will consider the following statements. The whole genus of Helios is easily recognized by its brilliance in the eyes which, as the golden trace, comes from the face. This golden shine is characteristic of the gods, the dead and the sanctified people. The golden face, the golden crown, the glow explain that gold was used in the grave cult, not only in Greece, but also in other countries. In Greece,

the sign of God mercy. In Bosnian ballads light does not appear only on graves, but it burns on the cheeks of the persons predicted to leave this world and go to heaven. This ballad is about killed young girl. It begins with Slavic antithesis which highlights sadness that has occurred in Sarajevo because of the young victim and this tragic destiny is compared with fire, plague and slavery:

«[...] Sarajevo, why are you so unhappy,
Are you burning, or the plague ail you,
Or Jovan enslaved you?
I do not burn, nor does the plague ail me,
Jovan did not enslave me;
But miss Hana died [...] »
[4, p. 226].

[4] In the ballad "What is whitening in the green forest?" is presented a tragic event, the death of the beloved Hasan-aga woman, as a result of misunderstanding. Without understanding the reasons why she does not come to visit a wounded husband, Hasan-aga asks a divorce burdened with a great love yearning and pain. All this provokes the anger of her brother and the Bey's family. So the brother plans to marriage her with Imotski kadija, which seemed to him more acceptable for such an intent. This act tragically affects both, during her conversation with children and delivering the gifts, Hasan-aga expresses his repentance and jealousy with a disapproval to unhappy woman. So she tragically ends with death because her mother's heart and the heart of the left woman could not survive. At the beginning of the ballad, there is a Slavic antithesis that highlights the magic of dreams that predicts future tragic events. The symbolism of dreams is one of the important elements of the action, interpreting dreams means translating them into the language of reality, to understand the spiritual origin of dreams, sent from the higher being that manages the human fate and which appear predictive. The dream is here the sign of a tragic future, the prediction of death metaphorically represented by the whiteness of the snow, the swans, and the tent of Hasan - aga. In the ballads there are no dreams, nor curses and spells that are not realized. Certain anxieties and fear of prediction are highlighted with questions in the Slavic antithesis. The national singer is wondering what is white in the green forest, the snows or swans, and finally faced with a vicious vision, discovers neither the snow, nor the swans but unhappy tent of Hasan-aga:

«[...] What is whitening in the green forest?
The snows, or the swans?
If they were the snows, they would already melt,
swans, they would already fly;
there are no snows, neither the swans,
but the tent of aga Hasan-aga [...] »
[4, p. 297].

there are images of the world of righteous people and sinners. Gold becomes the property of just the righteous. Roman rulers covered their face with golden dust. This also explains the

Following these examples from the texts examined in the anthology of M. Maglajlić «Oral Ballad of Bosnians», we will also reveal the percentage value that shows the representation of ballads containing Slavic antitheses in relation to the total number of researched ballads. Thus, 60 ballads that were found in the aforementioned anthology were researched and the antitheses were found in 12 examples. This means that the percentage value of ballad presence with Slavic antitheses is 20%. We will mention ballads from the anthology of M. Maglajlić «Oral ballads of Bosnians» in which Slavic antitheses appear, which are: «Appearing of the very white fairy» [4, p. 159-161]; «The two towers were in Zagorje» [4, p. 175-176]; «Alibegovica is going to be married» [4, p. 201-202]; «When Ibrahim died» [4, p. 206-207]; «Mujo, a young boy, is boasting to me» [4, p. 210-212]; «When the birds has started singing» [4, p. 222-225]; «Sarajevo, why are you so unhappy?» [4, p. 226-227]; «What is moaning in the city of Glamoc?» [4, p. 232-233]; «Mujo looks Ajkuna girl» [4, p. 234-237]; «Gabels Zlata was embroidering» [4, p. 266-270]; «The sun has started shining in Bijeljina town» [4, p. 287-288]; «What is whitening in the green forest?» [4, p. 297-300];

So we can conclude next. Bosnian ballads which are the topic of our researching are based on Bosnian Christian civilization and the Eastern Islamic influences. The ballads were mostly singing during the folk dance, but sometimes without dancing. They were singing also by one man or woman [sometimes it was followed by a rotating of bowl, or playing the saz, later playing harmonica and violin]. Bosnian ballad in oral tradition is a mixture of lyrical and epic elements that create a new sensibility – drama. It is closest to the tragedy, according to the M. Maglajlić researching, it has three types of the conflict: the first one in which the character becomes a victim of conflict with the environment, the other in which the character is starved because of the tragic feature that carries in own character, the third, in which there are opposing individuals whose conflicts are caused by different personalities and their needs. The magic and the beauty of the ballads were given by Slavic antitheses, stylistic figures that we studied in the anthology gathered by famous ballad researcher M. Maglajlić called «Oral Ballad of Bosnians» [1995]. The percentage value of ballad presence with Slavic antitheses is 20% in relation to the total number of ballads studied. The use of Slavic antitheses in ballads highlights the following: the expectation of the tragic death of young girl Ajka revealed during the conversation of her aunt with a white fairy, the angel of death [«Appearing of the very white fairy»]; marks the greatness of the tragic destiny of the girl because of her fiancé death, it became the cause of her hair cutting off, and sending it to Budim, where people were seeing it and asking about the reasons for that [«When Ibrahim died»]; sadness that has occurred in Sarajevo because

gold masks on the faces of died people in Mikena. The Apocalypse of the Apostle Paul describes the place of the righteous people as a golden city [5, p. 448-449].

of the young victim and this tragic destiny is compared with fire, plague and slavery [«Sarajevo, why are you so unhappy?»]; the magic of the dream that predict future tragic events [«What is whitening in the green forest?»];

In the end we can conclude that the Slavic antithesis is a very suitable stylistic figure for conjuring the atmosphere in which the Bosnians ballad was born and developed in all its forms.

References

1. Avramović S. Rhetorice techne [The Rhetorical techniques]. M.: Službeni glasnik, Beograd, 2008. 548 p.

2. Čarkić M. Uvod u stilistiku [The Introduction to the Stylistics]. M.: Naučna knjiga, Beograd, 2002. 300 p.

3. Jelačić Srbulj V. Rhetorikè tèchne [The Rhetorical techniques]. M.: Art print, Novi Sad, 2007. 415p.

4. Maglajlić M. Usmena balada Bošnjaka [The oral ballad of the Bosnians], Preporod, Sarajevo, 1995, 317 p.

5. Prop V. J., Historijski korijeni bajke [The historical origin of the fairytales], Svjetlost, Sarajevo, 1990. 552 p.

Июльская Е.Г.

Iyulskaya E.G.

*канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.
candidate of philology, associate professor of the department of world literature,
Pushkin State Russian Language institute.*

Петривня Е.К.

Petrivnyaya E.K.

*канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.
candidate of philology, associate professor of the department of world literature,
Pushkin State Russian Language institute.*

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В СКАЗКАХ А.С. ПУШКИНА SYMBOLS OF COLOR IN THE FAIRY TALES OF A.S. PUSHKIN

Аннотация: в статье представлена трансформация фольклорно-сказочной этико-эстетической семантики цвета и света в сказках А.С. Пушкина, раскрываются колористические новации поэта как способ экспрессивно-выразительной и эмоционально-оценочной интерпретации сказочных образов.

Abstract: Transformation of the folklore-fantastic etiko-aesthetic semantics of color and light in the fairy tales of A.S. Pushkin is presented in the article. Colorful novelties of the poet as a way of expressive and emotional-evaluative interpretation of fairy-tale images are revealed.

Ключевые слова: Пушкин, символика цвета и света, колороним, золотой, красный, белый.

Key words: Pushkin, symbols of color and light, coloronim, gold, red, white.

Цветовая символика в художественной литературе — актуальный предмет исследования современного литературоведения. Проблема цветовой символики привлекает внимание философов, психологов, искусствоведов и лингвистов. Междисциплинарным аспектам изучения цвета в поэтическом тексте посвящена статья О. В. Борзых, концепция цвета и символики цвета в древней мире, представлена в фундаментальной книге Мироновой Л.Н. «Учение о цвете», о символике и образах цвета и света в сакральном искусстве Москвы XIV — первой половины XVI вв. написана диссертация искусствоведа Е.М. Бычковой, как объект когнитивной лингвистики изучается лексический фонд колоронимов в сказках А. С. Пушкина, особенности их функционирования, семантические оттенки цветообозначений в статье лингвиста Е.А. Осинцевой-Раевской. Однако недостаточно глубоко и полно изучен цвет как компонент художественных образов в сказочных произведениях А.С. Пушкина.

Целью данной статьи является исследование цветовой символики, определение принципов сим-

волической трактовки цвета и света, эволюция семантики колоронимов, участвующих в формировании эстетического впечатления, открывающих возможность этико-эстетической интерпретации художественных образов в сказках А.С. Пушкина. Цветообозначения используются для создания художественного эффекта, помогают обнаружить в пушкинских сказках соотношение уникально-личностного и исторически повторяющегося, творчески наследуемого, а также раскрыть экспрессивно-выразительную и эмоционально-оценочную особенность сказочных образов. Пушкин, трансформируя фольклорно-сказочную этико-эстетическую семантику цвета и света, воплощает колористические новации в сказочных поэмах, помогающие раскрыть диалектику мира и человеческого поведения, эволюцию этической философии духовной жизни человека.

В древности народы отождествляли цвета с наиболее ценными для них веществами и жизненно важными стихиями (кровь, молоко, огонь, земля). Им соответствуют красный, белый, желтый (золотой) и черный цвета.

«Цвет вызывает у человека не только физиологические и эстетические реакции, но также и интеллектуальную рефлексии: пытаюсь осмыслить действие цвета, человек объективирует его, т. е. для него цвет — носитель некоторого сообщения, подобно тому как слово — носитель какого-либо смысла. Так возникает “язык цвета” — своего рода знаковая система» [3, с.23]. Поэтика цвета занимает и особое положение в творчестве русского поэта. Соединение различных цветовых значений, соединяющих разнообразные культурные эпохи дает неопределимый материал для глубокого понимания пушкинских текстов.

В пушкинских сказках широко используются характерные для фольклора цветообозначения, создающие многообразие красок, яркую образность, неотразимый народно-цветовой колорит: «красно солнышко», «красная девица», «синее море», «зеленый дуб», «зеленая дубрава», «белая лебедь». Необходимо отметить, что в сказочных произведениях Пушкина наблюдается тенденция выбора доминирующих цветов: золотой, красный, белый. Цель данной статьи рассмотреть эволюцию семантики каждого колоронима в синхроническом и диахроническом аспектах.

Золотой цвет. Известный исследователь русских народных сказок В.Я. Пропп отмечает: «Золото фигурирует так часто, так ярко, в сказках в таких разнообразных формах, что можно с полным правом назвать сказочное царство золотым царством» [6, с. 3]. В «Сказке о царе Салтане» (1831) Пушкин продолжает традиции фольклорной сказки, золотой цвет встречается в описании города, который Царевна-лебедь дарит Гвидону: «город новый *златоглавый*», «в колымагах *золотых* / Пышный двор встречает их» [7, с. 512]. Эпитет «златоглавый» определяет, с одной стороны, материальное благополучие города — с древних времен на Руси купола церквей, соборов принято покрывать золотом, а также нравственные качества жителей города — святость, доброжелательность, радушное гостеприимство.

В описании всех чудес, о которых рассказывают ткачиха, повариха и сватья баба Бабариха, тоже присутствует золотой цвет. Эти чудеса появляются на острове благодаря Царевне-лебеди: белочка грызет орешки не простые «все скорлупки *золотые*», «тридцать три богатыря / В чешуе *златой* горя» [7, с. 524]. Появление белки, с золотыми орешками, и богатырей на острове имеет практическую пользу для процветания города: «из скорлупок льют монету и пускают в ход по свету», а тридцать три богатыря в золотой броне надежно охраняют остров и город, где правит князь Гвидон. Эти чудеса играют важную роль в развитии сюжета и создают психологическую мотивировку для приезда царя Салтана, обещавшего: «чудный остров навешу и у князя погощу» [7, с. 519], то есть способствуют воссоединению семьи, помогают царю Салтану обрести любимую жену и сына, которых он потерял из-за козней злых сестер и сватья бабы Бабарихи. Золотой цвет используется при описании только добрых персонажей сказки: «Видит: весь

сияя в *злате*, Царь Салтан сидит в палате» [7, с. 518]. Сквозь сияние золота, только сын, который прилетал во дворец царя Салтана в виде комара, мухи и шмеля, видел грусть отца, потерявшего семью. Злые сестры и сватья баба Бабариха в сказке бесцветны.

Пушкин в «Сказке о царе Салтане» с помощью цветовой символики сохраняет и развивает традиции народной сказки, конкретизирует представления русского народа о счастье. Золотой цвет используется как для описания внешнего мира и символизирует сказочное изобилие, богатство, процветание, так и для изображения внутренних душевных качеств человека — добродетельность жителей города, благородство Гвидона, получившего чудесные золотые подарки за спасение лебеди от коршуна, любовь и верность царя Салтана. Здесь, как отмечает Е.А. Осинцева-Раевская: «золотой у Пушкина — это цветообраз, несущий в себе имеет положительный эмоциональный смысл» [4, с. 152]. Таким образом, в семантике колоронима «золотой» «Сказки о царе Салтане» гармонично сочетаются внешнее благополучие государства и внутренняя нравственная красота души человека.

Если в «Сказке о царе Салтане» «золотые» чудеса дарит Царевна-лебедь и они приносят добро и счастье, то в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» (1833) «золотое яблочко» царевне дарит черница, то есть переодетая злая мачеха, поэтому ее подарок приносит смерть. В семантике цветообозначения «золотой» появляется отрицательная коннотация: золотое яблочко — это символ искушения и смерти. В сказке подробно описывается как царевна «... глядела / Все на яблоко. Оно / Соку спелого полно, / Так свежо и так душисто, / Так румяно-*золотисто*, / Будто медом налилось! / Видны семечки насквозь...» [7, с. 551]. В рассмотренных сказках семантическая функция колоронима «золотой» определяется внешним дарителем (Царевна-лебедь или злая мачеха). Золотые подарки могут приносить героям сказок добро или зло, радость или печаль, счастье или горе. В представленных сказках персонажи внутренне не развиваются, существуют как изначально заданные типы.

Существенная трансформация фольклорного цветообозначения «золотой» происходит в «Сказке о рыбаке и рыбке» (1833), где золотая рыбка, с одной стороны, исполняет любые, даже несбыточные желания, с другой стороны, осуществляет возмездие за неумную жадность и ненасытное властолюбие. Семантика колоронима «золотой» становится амбивалентной, но эта дуальность золотого цвета зависит не от внешнего дарителя, а от внутреннего выбора самого человека. Не случайно в описании облика старухи, которая благодаря золотой рыбке стала столбовой дворянкой, появляются «на руках *золотые* перстни / На ногах красные сапожки» [7, с. 537]. Цветообозначение «золотой» приобретает здесь дополнительную семантическую функцию — властолюбия и гордыни. Старуха в жажде абсолютной, безграничной власти не только над

людьми, но и над миром: «хочу быть владычицей морскою, <...> чтобы служила мне *рыбка золотая* / И была б у меня на посылках» [7, с. 539], что нарушает гармонию мироздания. Охваченная гордыней она не замечает, как сама уничтожает договор, который заключили старик и рыбка. Рыбка просила свободы: «Отпусти ты, старче, меня в море! / Дорогой за себя дам откуп: / Откуплюсь чем только пожелаешь» [7, с. 534]. Старик отпустил золотую рыбку, и исполнились все желания старухи, кроме последнего. Старуха пожелаала лишиться свободы рыбку, за что и осталась у разбитого корыта. Это был выбор алчной женщины, которая стремилась разрушить верность Слову, верность божественному незыблемому закону как основе нерушимости бытия. В мире существуют определенные этические правила, прежде всего нравственный выбор человека и ответственность за его последствия. Царь Дадон в «Сказке о золотом петушке» (1834) постоянно нарушает законы этого мира и следует только своим эгоистическим желаниям: удовлетворяет свое тщеславие, когда идет войной на соседей; хочет отдохнуть от ратных дел — «царствует лежа на боку», проводя дни в праздности; очарованный Шамаханской царицей, забывает о своих убитых сыновьях. В этой сказке фольклорный образ-тип претерпевает существенные изменения: Пушкин придает характеру царя Дадона психологическую достоверность. Увидев мертвых сыновей, которые «меч вонзивши друг во друга» [7, с. 560] лежали на «кровавой мураве», царь завыл: «Ох, дети, дети! Горе мне...» [7, с. 560]. Но тут из шатра вышла Шамаханская царица и «царь умолок, ей глядя в очи, / И забыл он перед ней / Смерть обоих сыновей» [7, с. 561]. Основу характера Дадона составляет субъективная эмоциональная реакция на события, субъективная мотивировка поведения и столь же субъективная ответственность. Но главный выбор — сдержать или не сдержать данное им слово, является основополагающим в идейно-тематическом комплексе сказки и отражается в кольцевой композиции сюжета и в семантике колоронима «золотой». Когда звездочет подарил золотого петушка, царь по собственному желанию дал обещание: «Волю первую твою / я исполню, как мою» [7, с. 558]; в кульминации сказки Дадон не соглашается отдать старцу Шамаханскую царицу, нарушая свою клятву. Верность слову в реальном бытовом понимании согласуется с предвечными законами бытия. Семантика цвета «золотой» в «Сказке о золотом петушке» построена на амбивалентности. «Золотой цвет петушка — с одной стороны, цвет божественного сияния и вечных законов бытия, одновременно — это цвет Золотого тельца как богомерзкого и презренного идола, из-за которого были разбиты скрижали с заповедями и пролилось много крови» [5, с. 543]. Золотой петушок, которого подарил Звездочет, должен был защищать царя не только от «набега силы бранной», то есть от внешних врагов, но и от «другой беды незваной». Эту «незваную беду» Дадон несет в себе — это его желание жить так, как

он хочет, игнорируя законы мироздания. В конце сказки Дадону дается возможность выбора, и он словно сам себя убивает, ударив Звездочета «жезлом по лбу». Золотой петушок клюет царя в темя, Дадон «охнул раз, — и умер он» [7, с. 563]. В сказке Пушкина на первое место выдвигается нравственная проблематика, возникающая перед индивидом, стремление к показу персонажа сказки в объективной противоречивости его поведения. Судьба человека зависит от его поступков, желаний и помыслов. Нравственный выбор героев начинает играть важную роль в сказках Пушкина, поэтому семантика колоронимов в последних сказках становится двойственной, символизирующей одновременно свет и тьму, добро и зло.

Белый цвет. В «Сказке о царе Салтане» появляется волшебная помощница — «Царевна-лебедь» — «белая лебедь». Белая лебедушка — образ, характерный для русских народных песен с сказок, символ девушки-невесты. В описании внешности Царевны-лебеди используются светозарные явления природы: «месяц под косой блестит, / А во лбу звезда горит» [7, с. 525]. В народной сказке традиционно колороним «белый» связан с сиянием, светом — «белый свет». В «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» представлено подобное сочетание белого цвета и светоносных вещей, предметов. Описывается внешняя красота царевны: «всех белее», «белы руки опустила», ее умение вести хозяйство в тереме богатырей: «засветила Богу свечку, / Затопила жарко печку» [7, с. 545], комната, где живет царевна: «светлая светлица».

Следует обратить внимание и на время рождения царевны: «Снег валится на поля // Вся белешенька земля...», «В сочельник в самый, в ночь, // Бог дает царице дочь...» [7, с. 541]. Белый цвет как знак расположения высших сил сопровождает рождение царевны. Появление ее на свет накануне праздника Рождества Христова рассматривается как чудо, божественное благоволение. В дальнейшем противопоставление цветов белого (истинного) и черного (лживого, обманчивого) будет усилено в эпизоде встречи царевны, живущей в лесу «у семи богатырей» и мачехи, переодетой черницей (монахиней). Ведь в христианском контексте черный цвет означает смирение, аскезу, отказ от мирских радостей. Именно это представление и заставляет царевну довериться «бабушке». Вместе с тем образ царицы сопровождает черный цвет в основе которого лежат значение отрицания, зла, смерти («черной зависти полна», «чернавка», «черница»), и еще с древнейших времен отождествлявшегося с тьманосными персонажами. Умножение количества слов, связанных с корнем *черн-*, усиливают отрицательное экспрессивное-эмоциональное восприятие. Таким образом, колороним «белый» описывает внешнюю красоту, а светоносные предметы — красоту души царевны. Внутренней, нравственной красоте царевны противопоставляется внешняя красота царицы-мачеха.

«В «Сказке о золотом петушке» символика белого цвета связана со Звездочетом: «в сарачинской шапке *белой*, весь как лебедь поседель» [7, с. 561],

которая также как колоронимы «золотой» и «красный» в этой сказке «белый» имеет двойственную природу. Древнейшие символические значения белого в основном позитивны: белый означает всяческое благо, чистоту, мир, согласие. Но также белый связывается в сознании с холодом, снегом, смертью, отчуждением. Чудесный даритель приносит одновременно защиту и смерть.

Красный цвет. В «Сказке о царе Салтане» появляется типичный для народной сказки колористический эпитет: «красная девица», — так обращается царь Салтан к третьей девице, которая обещала ему родить богатыря. В «Сказке о мертвой царевне» также используются фольклорные постоянные эпитеты: «красная девица» — царевна, «красно солнышко». В данных сказках колороним «красный» имеет традиционное значение — красивый прекрасный. В «Сказке о рыбаке и рыбке» появляются в описании внешности старухи, которая стала столбовой дворянкой, — «красные сапожки». Цветообозначение «красный» приобретает новый оттенок смысла — властолюбие и кичливую надменность. В «Сказке о золотом петушке» красный цвет связан с образом Шамаханской царицы: «вся сияя как заря» [7, с. 560]. Семантика этого колоронима является амбивалентной. «Красный — это символ

прекрасного, любви, красоты, но вместе с тем в красный цвет окрашены пороки, это цвет крови грешников. Багрянец — символ всяческой мерзости. Заклятый враг библейских пророков — Рим, называемый в Откровении св. Иоанна Вавилоном, изображается в виде женщины, сидящей на багряном звере» [5, с. 543]. Шамаханская царица дарит любовь, но страстное влечение Дадона к сияющей как заря царице является искушением. Здесь не сияние души, а грех сладострастия, та «незванная беда», которую не смог в себе победить Дадон. «Сказка о золотом петушке» — единственная сказка, заканчивающаяся гибелью царя, но это нравственный выбор самого Дадона.

А.С. Пушкин благодаря своему художественному таланту преображает символику цвета народной сказки, колоронимы золотой, белый и красный не просто создают красочную картину мира сказок, в семантике цветообозначений отражаются коренные вопросы нравственной жизни. Поэт улавливает самую основу действительности, вечное зерно переходящих явлений и вещей, и в сказочных цветообозначениях воплощает проблему нравственного выбора человека, диалектику мироздания и человеческого поведения.

	Сказка о царе Салтане (1831)	Сказка о мертвой царевне и семи богатырях (1833)	Сказка о рыбаке и рыбке (1833)	Сказка о золотом петушке (1834)
золотой	Город <i>златоглавый</i> — святость и доброта; <i>золотые</i> орешки — богатство; <i>златые</i> доспехи богатырей — защита; добрый даритель — царевна-лебедь — приносит добро и свет. Семантика колоронима: добро.	<i>Золотое</i> яблочко — красота, которая приносит смерть; злой даритель — мачеха Семантика колоронима: зло	<i>Золотые</i> перстни — алчность и властолюбие; <i>золотая</i> рыбка — исполнение желаний и наказание за нарушение нравственных законов. Амбивалентный колороним: добро или зло — зависит от выбора человека.	<i>Золотой</i> петушок — защита и возмездие за нарушение нравственных законов. Амбивалентный колороним: добро или зло — зависит от выбора человека.
белый	«белая лебедь» образ невесты — чистота	«всех белее», «белы руки» — красота царевны		Звездочет «в сарачинской шапке белой, весь как лебедь поседель» Амбивалентный колороним: чудесный даритель приносит защиту и смерть.
красный	«красная девица» — красивая	«красная девица», «красно солнышко» — прекрасные	«красные сапожки» — властолюбие и надменность	Амбивалентный колороним: Шамаханская царица «вся сияя как заря»: любовь и грех

Литература:

1. Борзых О.В. Междисциплинарные аспекты изучения цвета в поэтическом тексте // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012, №2., С.28-31.
2. Бычкова Е.М. Символика и образы цвета и света в сакральном искусстве Москвы XIV - первой половины XVI вв.: Дисс... канд. Искусствоведения. М., 2007. — 151 с.
3. Миронова Л.Н. Учение о цвете. Минск, 1993. — 463 с.
4. Осинцева-Раевская Е.А. Колоронимы в сказках А.С. Пушкина // Гуманитарные науки, Филология. 2016, № 2(38), С.149-155.
5. Петривняя Е.К., Белая С.Д. Легенда об арабском звездочете» из сборника «Альгамбра» В. Ирвинга как источник «Сказки о золотом петушке» А.С.Пушкина // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. 2015, Т.14, С.537-543.
6. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928. — 152 с.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1937, Т.3, Ч.1.
8. Керлот Х.Э. Словарь символов. Мифология. Магия. Психоанализ. М., 1994. — 608 с.

*Olena Pieshkova**post-graduate student of the English philology department
Zaporizhzhija National University***VERBAL REPRESENTATIONS OF ART CONCEPT IN THE LITERARY TEXT THROUGH THE PRISM OF INTERMEDIALITY**

Literary text is defined as a complex system comprising various codes in its structure. The article focuses on the study of the specificity of the depiction of the ART concept and its forms within the literary text and its reinterpretation through the prism of the intermedial aspects, which is carried out by the method of intermedial analysis.

Keywords: literary text, code, intermediality, intermedial analysis, ART

"Those words are most pleasant which give us new knowledge. Strange words have no meaning for us; common terms we know already. It is the metaphor which gives us most of this pleasure."
Aristotle

Recently much consideration has been given to the investigation of the literary text [1, 3, 5]. It is explained by the tendency which was noticed by Aristotle – a human is in constant search of something new, but it is not just about a new meaning but a search of hidden cruxes through the usage of well-known language units [2, p. 118].

This issue has evoked interest among scholars and multiple studies have been performed [1, 3, 5]. A literary text serves as an appropriate platform for this artistic and linguistic investigation. A text is a coherent set of statements forming a unity of meaning, and which has a communicative intention. The literary text is the one that employs literary language, a type of language which obeys aesthetic concerns in order to capture the interest of the reader. The author of a literary text seeks the appropriate words to express his ideas with care and beauty while following a certain criterion of style [4].

The **aim** of the research is to study lingual representations of various types of art in the literary text.

The **object** of the study is literary text which is viewed as a semiotic system comprising multiple codes in its structure [1].

The cognitive-semiotic analysis comprising the **method** of narrative and discursive analysis is applied in the present research paper.

Literary text was defined as a system which comprises several codes. Roland Barthes employs two terms *readerly* and *writerly* to delineate one type of literature from another and to implicitly interrogate ways of reading, like positive or negative habits the modern

reader brings into one's experience with the text itself [1].

Texts belonging to this category "readerly text" make no requirement of the reader to "write" or "produce" their own meanings. The reader may passively locate "ready-made" meaning. According to R. Barthes, these sorts of texts are "controlled by the principle of non-contradiction" [2, p.156], that is, they do not disturb the "common sense" of the surrounding culture. Such texts, in general, can be defined as "like a cupboard where meanings are shelved, stacked, [and] safeguarded" [2, p. 200].

On the contrary, there is an opposite category of texts, which is called *writerly text*, determining the text as the system that aspires to the proper goal of literature and criticism: "... to make the reader no longer a consumer but a producer of the text" [2, p. 4]. *Writerly texts* and ways of reading constitute, in short, an active rather than passive way of interacting with a culture and its texts. A culture and its texts, according to R. Barthes, should never be accepted in their given forms and traditions. As opposed to the "readerly texts" as "product," the "writerly text is ourselves writing, before the infinite play of the world is traversed, intersected, stopped, plasticized by some singular system (Ideology, Genus, Criticism) which reduces the plurality of entrances, the opening of networks, the infinity of languages" [2, p. 5]. Thus reading becomes for R. Barthes "not a parasitical act, the reactive complement of writing," but rather a "form of work" [2, p.10].

The difference between two categories of texts lies in its direct involvement in the process of reading: in a *writerly text*, the reader is active in a creative process and in a *readerly text* in which the reader is restricted to just reading.

R. Barthes comes to the conclusion that an ideal text is the one that is reversible, or open to the greatest

variety of independent interpretations and not restrictive in meaning.

The modernist and postmodernist writers sought openness for interpretation. Something was initially left simple for understanding, but some deep ideas and meaning were coded. This explains the reason why the texts, belonging to this movement encompass double nature, demanding the reader not only read the literary surface but also plug into the depth of the meaning and apply background knowledge and sense the text. The literary text open to interpretation is composed with the usage of codes. R. Barthes defines several codes that define a network (or a topos) that form a space of meaning that the text runs through. Each code appears as voices that altogether sound in the text, though each of them for a while may dominate the text. The scientist differentiates several types of codes within a literary text: the hermeneutic code, the proairetic code, the cultural code, the semantic code, the symbolic code, the sensory codes are [1].

Intermediality is the term applied to describe the relations of media in a literary text, and it helps to start the process of decoding messages, containing the mentioning and combination of different mediums. Intermediality is the reproduction within the literary text of figurative structures implying information about others types of art. The intermedial analysis is aimed at identifying the means of adjoining arts realized in the literary text. Interweaving of description of visual art, cinematographic or musical codes in it allows to reveal the semantic depths of the text, to find hidden values in the intricate discourses of the values [3, p. 140-141].

In linguistics of text based on understanding the text as a secondary modeling system and as a unit of culture, that is, systems of signs of cultural meanings, a wider understanding of the code is formed. Within the literary text three code levels of are distinguished: the level of denotative, imagery and symbolic codes [5, p. 180-181].

1) **Level of denotative code** – on this level of denotative coding in a literary text ART and its multiple forms are depicted directly. The reference to the outstanding representatives of art is peculiar to this level of coding. In the novel *Mrs. Dalloway* by Virginia Woolf we can see the direct quotation taken from outstanding literary works, for example, the author cites William Shakespeare: *as she read in the book spread open: Fear no more the heat o' the sun / Nor the furious winter's rages* [7]. These are the lines taken from the play *Cymbeline*.

In addition the author intentionally interweaves the names of famous writers and their literary works, occasionally giving detailed description of the plot or characters, but more often the author tends to omit the details in order to make the reader go into the depth of artistic variations: *There were Jorrocks' Jaunts and Jollities; there were Soapy Sponge and Mrs. Asquith's Memoirs and Big Game Shooting in Nigeria, all spread open* [7].

On the level of denotative coding there are particular tendencies of referring to ART: the author may include onyms (sometimes intentionally without giving the additional details because both modernist and postmodernist writers wanted to educate and motivate to investigation with their text), the inclusion of one text in the composition structure of the other text – which is

called intertextuality, the usage of results of creative process.

2) **Level of imagery code**– imagery dimension of ART in the narrative structure of the literary text is represented through the choice of words, literary devices and figures of speech which occur in the process of comprehension of art and its representations which may possess imagery (metaphorical, metonymic) comprehension.

Suddenly Mrs. Coates looked up into the sky. The sound of an aeroplane bored ominously into the ears of the crowd. There it was coming over the trees, letting out white smoke from behind, which curled and twisted, actually writing something! Making letters in the sky! [7]

In this text fragment, metaphorical assimilation can be seen. The sky is likened to a sheet of paper (actualizing the metaphor sky is a piece of paper for writing), and the smoke, coming out of the aeroplane represents the ink for writing (applying conceptual metaphor smoke is the ink). This metaphorization can be understood on the language level through the usage of such words as *curled and twisted* which denote the manner the writing which resembles the human penmanship.

Another example highlights the metonymy which is used to compare a human voice with a musical instrument which possesses unusual characteristics and possibilities: *"K... R..." said the nursemaid and Septimus heard her say "Kay Arr" close to his ear, deeply, softly, like a mellow organ, but with a roughness in her voice like a grasshopper's, which rasped his spine deliciously and sent running up into his brain waves sound which, concussing, broke. A marvelous discovery indeed – that the human voice in certain atmospheric conditions <...> can quicken trees into life!* [7]. On the language level, this metonymy is revealed through the description or the character of the sound represented through such adjectives as *deeply, softly* and word combination *with a roughness in her voice*. What is more, this metonymy can be decoded by virtue of the implication of sensory code. The language units refer to several sensory systems such as auditory: *heard her say, deeply, rasped, concussing, waves sound*; tactile: *softly*; gustatory: *deliciously*.

Verbal imagery involves an implication of sensory codes. The use of such codes as visual, aural, or tactile make it easier for the reader to feel the text.

3) **Level of symbolic code** – the images of ART may obtain the role of artistic symbols. The symbol is a sign, possessing several basic characteristics: inexhaustible polysemy, the endless semantic perspective of the image with the unity of meaning, inner form and language marking which transmits actual, subtextual and conceptual information. The semantic structure of a symbol is multilayered and is aimed at the of a creative vision of the reader who interprets the text.

If the author aims to create such a text which will be open for interpersonal interaction, on the linguistic level he would select such words that would provoke the reader to seek for the hidden treasure.

The concept ART within the literary text can not only be seen through its traditional forms but via the description of regular objects which can be treated as a piece of art. For example, the description of nature can be read as a canvas, equating nature and painting.

People were standing and looking up into **the sky**. As they looked the whole world became perfectly silent, and a flight of gulls crossed the sky, first **one gull** leading, then another, and in this extraordinary silence and peace, in this **pallor**, in this **purity**, bells struck eleven times, the sound **fading up there among the gulls** [7]. On the verbal level, the description of the scene can be easily felt through the usage of language units, referring to sensory system. The atmosphere on the canvas can be heard: **perfectly silent, extraordinary silence, bells struck eleven times, the sound fading up there**; seen **looking up into the sky, flight of gulls** and cognized and evaluated: **in this extraordinary silence and peace, in this pallor, in this purity**. On the figurative level, the elements of this atmospheric picture play a certain role. Here the sky may represent the limitless of life, a gull is the image of a person who is not burdened by routine, a person who can lead and is led.

The following text fragment suggests the idea that in the course of life which is very dynamic, people forget to appreciate something that is permanent and enduring. The author allegorically speaks of music as of something that was, is and will always be. An ancient song is a symbol of life, endurance, and continuity.

Opposite the Regent's Park Tube station, an old woman sings an ancient song that celebrates life, endurance, and continuity. She is oblivious to everyone around her as she sings, beyond caring what the world thinks. The narrator explains that no matter what happens in the world, the old woman will still be there, even in "ten million years" [7], and that the song has soaked "through the knotted roots of infinite ages" [7]. Roots, intertwined and hidden beneath the earth, suggest the deepest parts of people's souls, and this woman's song touches everyone who hears it in some way. The ancient woman at the Regent's Park Tube station suggests that the human condition knows no boundaries of time since she continues to sing the same song for what seems like an eternity. She understands that life is circular, not merely linear, which is the only sort of time that Big Ben tracks.

Continuing the reflections of life and death, temporality, and immortality, Virginia Woolf presents it with the lines from William Shakespeare's play. Intertextuality is a method to which the author appeals, which consists in quoting one text in the structure of another, and which is a characteristic feature of the modern and postmodern literary texts. In more wide perspective the term intermediality is relevant as well, as we speak about one piece of art in the frame of art if we consider literary text being the result of a creative process. The symbol of fire as the representation of life and death can be understood from the reevaluation of the piece of art.

Clarissa, the main character in the novel "Mrs. Dalloway", quotes Shakespeare's plays many times throughout the day. When she shops for flowers at the beginning of the novel, she reads a few lines from a Shakespeare play, *Cymbeline*, in a book displayed in a shop window. The lines come from a funeral hymn in the play that suggests death should be embraced as a release from the constraints of life. Since Clarissa fears death for much of the novel, these lines suggest that an alternative, hopeful way of addressing the prospect of death exists. The lines from *Cymbeline* connect to the strong use of nature imagery that appears throughout

the novel. The characters that are most connected to nature, such as Clarissa and Septimus, are also the most responsive to poetry and reflect about death and their place in the world most frequently. Both Clarissa and Septimus feel the importance of fire. The "heat o' the sun" can appear as something wonderful, like passion. Clarissa describes romantic love as "a match burning in a crocus" [7]. The heat can also consume, however, and Septimus, mentally wounded by the horrors of war, feels that the world will erupt in flames, in a fire that can no longer be contained. Whether wonderful or deadly, the heat of the sun is constant, and something everyone must endure. The quote suggests that death is embraced as a release from the burden of endurance.

The analysis of text fragments permits to come to the **conclusion** that the concept ART is depicted in the literary text in various forms on all the levels in its structure. On the level of denotative code, ART is represented in its direct meaning as it implies diverse range of human activities in creating visual and auditory or performing artworks, expressing the author's imaginative or technical skill, intended to be appreciated for their beauty or emotional power.

On the levels of symbolic and imagery code, the concept ART is revealed in connotative meaning. Elements of art are depicted in such a manner that a reader can easily decode the importance of the art in the human life, that it penetrates in the depth of humans consciousness, creating images and combining mediums. On the verbal level, it is obvious from the means of conceptual metaphorization and the selection of words appealing to reader's sensory systems.

References

1. Barthes R. Image – Music – Text / R. Barthes. Available from: <https://rosswolfe.files.wordpress.com/2015/04/roland-barthes-image-music-text.pdf> (accessed November 4, 2017).
2. Barthes, R. S/Z: An Essay / R. Barthes. Trans. Richard Miller. – New York : Hill and Wang, 1975. – 271 p.
3. Chukantsova V. Intermediality in the system of approaches to the study of literary texts: advantages and disadvantages. Available from: https://lib.herzen.spb.ru/text/chukacheva_108_140_145.pdf (accessed March 29, 2018)
4. Didactic Encyclopedia What is the meaning of: literary text | concept and definition of: literary text. Available from: <https://edukalife.blogspot.com/2015/09/what-is-meaning-of-literary-text.html> (accessed November 4, 2017).
5. Galutskikh I. Tilesnist v hudozhnii prozi anglijskogo modernizmu i postmodernizmu (kognitivno-semiotichni studii) / I. Galutskikh – Zaporizhzhya: Kruhozir, 2016 – 628 p.
6. SparkNotes Editors. "SparkNote on Mrs. Dalloway." SparkNotes LLC. 2004. Available from: <http://www.sparknotes.com/lit/dalloway/> (accessed November 4, 2017).
7. Woolf V. Mrs. Dalloway. Online resource Available from: <https://ebooks.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/w91md/> (accessed November 4, 2017).

#3 (31), 2018 część 5
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#3 (31), 2018 part 5
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw,
Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>